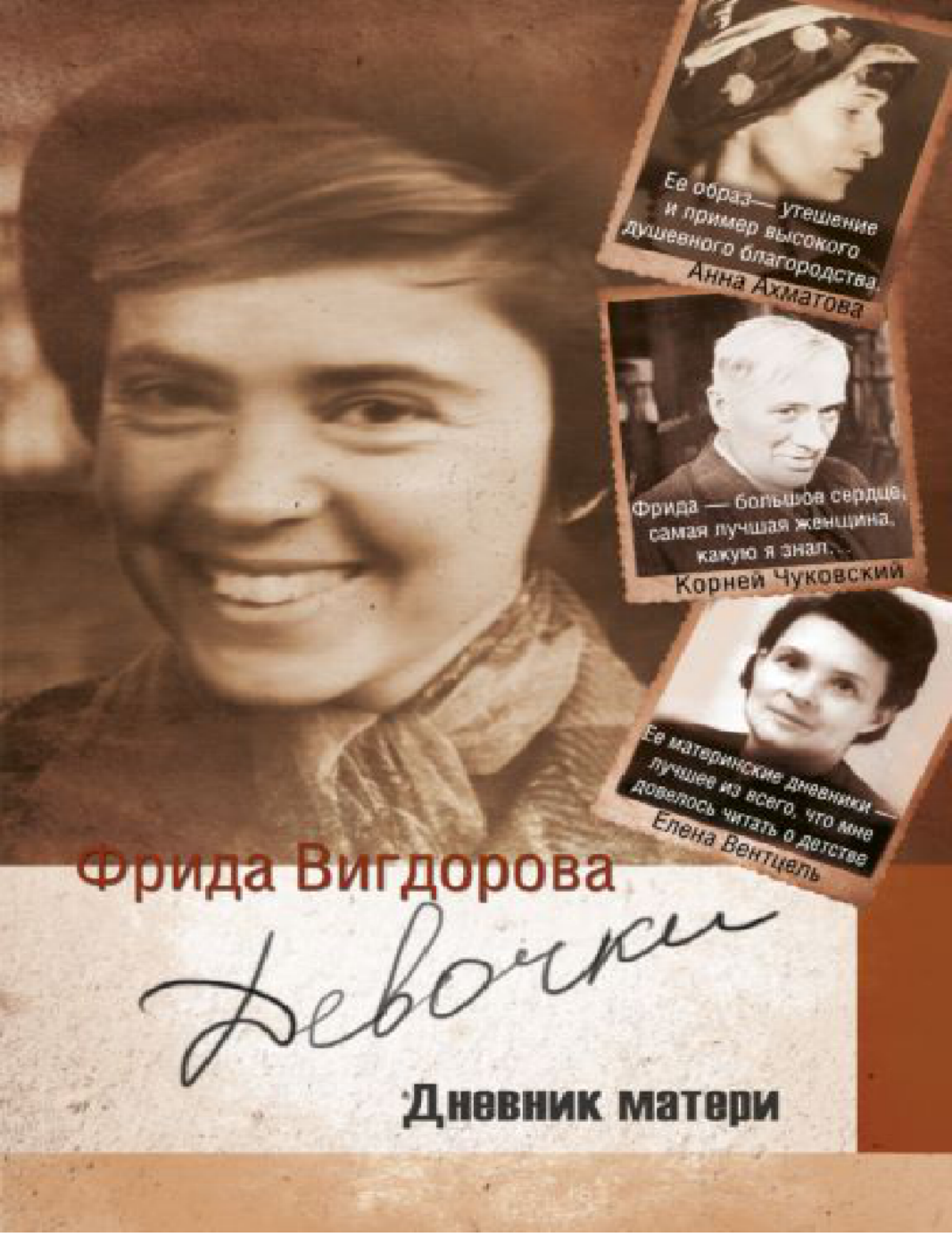

Ее образ — утешение и пример высокого душевного благородства.
Анна Ахматова
Фрида — большое сердце, самая лучшая женщина, какую я знал...
Корней Чуковский
Ее материнские дневники — лучшее из всего, что мне довелось читать о детстве
Елена Вентцель

Фрида Вигдорова

Девочки

Дневник матери

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фрида Абрамовна Вигдорова (1915–1965) была педагогом, журналистом, писателем, автором книг «Мой класс» (1949) о первых шагах молодой учительницы, трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка» (1954–1959) о детском доме и дилогии «Семейное счастье», «Любимая улица» (1962–1964), где с одним из героев она поделилась собственной журналистской судьбой.

Тема воспитания детей, подростков была главной (но не единственной) темой её книг и статей. При жизни Ф. А. вышло несколько сборников её статей, которые, в отличие от книг, никогда потом не переиздавались, так что нынешнее поколение знает Вигдорову-публициста только по её записи 1964 года двух судов над Бродским (на обоих судах она была с начала до конца), которая распространялась в самиздате, попала за границу, побудила к действию целую армию защитников Бродского и в конце концов помогла молодому поэту, приговорённому за «тунеядство» к 5 годам подневольного труда в северной деревне, вернуться в Ленинград через полтора года.

Среди блокнотов с записями Ф. А. особняком стоят её материнские дневники. Они подготовлены к печати дочерью автора А. А. Раскиной и опубликованы в журнале «Семья и школа»: 2010, №№ 8, 9, 10, 11, 12; 2011, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

Кроме того, «Дневник матери» целиком напечатан в сдвоенном номере 9–10 «Семьи и школы» за 2012 год.

- Фрида Абрамовна Вигдорова
  -
  - Краткие биографические сведения о героях этой рукописи
  - Девочки
  - Послесловие Александры Раскиной
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

Фрида Абрамовна Вигдорова
Девочки (дневник матери)

Журнал начинает публикацию книги Фриды Вигдоровой «Девочки (дневник матери)».

Судьба этой книги станет ясна читателю из предисловия, написанного дочерью автора А. Раскиной, которая и подготовила к печати эту журнальную публикацию.

Моя мать, Фрида Абрамовна Вигдорова (1915–1965), была педагогом, журналистом, писателем, автором книг «Мой класс» (1949) о первых шагах молодой учительницы, трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка» (1954–1959) о детском доме и дилогии «Семейное счастье», «Любимая улица» (1962–1964), где с одним из героев она поделилась собственной журналистской судьбой. Тема воспитания детей, подростков была главной (но не единственной) темой ее книг и статей. При жизни Ф. А. вышло несколько сборников ее статей, которые, в отличие от книг,

никогда потом не переиздавались, так что нынешнее поколение знает Вигдорову-публициста только по ее записи 1964 года двух судов над Бродским (на обоих судах она была с начала до конца), которая распространялась в самиздате, попала за границу, побудила к действию целую армию защитников Бродского и в конце концов помогла молодому поэту, приговоренному за «тунеядство» к 5 годам подневольного труда в северной деревне, вернуться в Ленинград через полтора года.

Запись эта была опубликована в России только в 1988 году («Огонек», № 49) с предисловием Лидии Корнеевны Чуковской; теперь ее можно найти на множестве интернетских сайтов, и редкая статья или книга о Бродском обходится без того, чтоб ее процитировать. Часто эту запись ошибочно называют стенограммой. Фрида Абрамовна стенографии не знала. Ее искусство было в другом. Всю свою жизнь она вела журналистские блокноты, где часто делала записи по памяти (это было в домагнитофонную эру), бывало, что блокнот приходилось убирать подальше, чтоб не спугнуть собеседника или чтобы он не «работал» на корреспондента, — а уж потом, по горячим следам, записывать. Потому-то ей удалось многое из суда над Бродским воспроизвести по памяти после того, как судья запретила ей записывать: журналистская хватка помогла. Конечно, тут дело не только в том, чтоб запомнить, одной памяти мало. Л. К. Чуковская в послесловии к одной из книг Ф. А. пишет о ее журналистских записях: «То, что сделаны они на лету, не помешало им: они вполне точны и вполне завершены. И достоверность, точность, которая составляет их прелесть и силу, — не стенографическая, а самая драгоценная на свете: художническая».

Среди блокнотов с записями Ф. А. особняком стоят ее материнские дневники, которые она вела о моей старшей сестре Гале и обо мне.

Галя родилась в 1937 году. Тогда Ф. А. и начала вести дневник (в общей тетради), а кончила в 1955 году. Всего общих тетрадей восемь. Есть еще девятая тетрадка, где Ф. А. сделала несколько записей постфактум: не про все она могла писать в дооттепельные годы. Дневники эти она давала читать друзьям. Корней Иванович Чуковский упоминает их в «От двух до пяти» и кое-что оттуда цитирует. Ф. А. с 50-х годов хотела опубликовать в том или ином виде эти записи. Подготовила полудокументальную выжимку из них под названием «Маша и Катя» для третьего тома альманаха «Литературная Москва», но, как известно, том этот зарубили, и он не вышел.

Так дневнички и остались неопубликованными. Ф. А.

говорила Л. К. Чуковской: «Лидия Корнеевна, дневнички — вам!» — имея в виду, что если она сама не успеет, то подготовить их к публикации она поручает Л. К. Ф. А. умерла 7 августа 1965 года, и вскоре Л. К. взялась за подготовку. В 1967 году издательство «Просвещение» заключило с нами договор, и уже в апреле 1968 года Л. К. работу закончила, назвала дневнички «Девочки (дневник матери)» и сдала в издательство. Интересно следующее. Как я уже отмечала, Ф. А. не могла всё, что говорилось дома, доверить бумаге в сталинские, да и первые послесталинские годы. Но даже и того, что она позволяла себе записывать (особенно постфактум), Л. К. все-таки целиком не могла в 1968 году предложить издательству, какие-то записи пришлось опустить. Хотя ничего «антисоветского» в дневничках не было. И вот даже такая рукопись не была принята издательством к печати. Сдав ее в издательство 12 апреля 1968 года, Л. К. записала в своем дневнике: «У меня надежды на выход этой книги, да еще в этом, темнейшем, изд-стве, да еще сейчас, — нету никакой. Уж очень она очаровательная, домашняя, талантливая. Но мой долг исполнен». Вскоре Л. К. прислали письмо, в котором говорилось, что «ввиду реорганизации изд-ва «Просвещение» рукопись к печати не может быть принята», и на этом дело кончилось. Скорее всего, сыграло роль и то, что обе — и Ф. А., и Л. К. — были «неблагонадежными» с точки зрения властей. Ф. А. попала в опалу еще в 1964 году — за распространение записи судов над Бродским, а Л. К. в 1966 году из-за ее открытого письма Шолохову.

Так с тех пор рукопись и не была напечатана. Предлагая читателю ее сокращенный (журнальный) вариант, я вставила несколько записей, которые Л. К. вынуждена была опустить, отредактировала примечания, добавила несколько новых, исправила некоторые нестыковки и т. п.

А. Раскина

Краткие биографические сведения о героях этой рукописи

Отец Фриды Абрамовны Абрам Григорьевич Вигдоров (1886–1960) был педагогом, мать Софья Борисовна (1889–1968) — фельдшерицей. Ф. А. и ее брат Исаак Абрамович Вигдоров (1919–1968), будущий военный летчик, росли в дружном и гостеприимном доме. Семнадцати лет Ф. А. уехала учительницей в Магнитогорск. В середине 30-х она вернулась в Москву вместе с Александром Иосифовичем Кулаковским (1912–1942), тоже учителем. Вскоре они поженились, и в 1937 году у них родилась дочь Галя; в том же году они оба кончили педагогический институт. Тогда же Ф. А. начала свою журналистскую деятельность. Перед войной молодая семья распалась, но родители Гали остались друзьями. А. И. Кулаковский погиб на фронте 7 марта 1942 года. С его матерью Валентиной Николаевной Черемшанской («бабушкой Валей») Ф. А. сохранила самые теплые отношения до конца своей жизни.

В самом начале войны Ф. А. вышла замуж за писателя Александра Борисовича Раскина. В эвакуацию в Ташкент она поехала с семьей, уже ожидая второго ребенка. Саша родилась в 1942 году. В эвакуации Ф. А. работала специальным корреспондентом «Правды».

А. Б. Раскин (1914–1971) — автор нескольких книг литературных пародий и эпиграмм (до войны — совместно с М. Слободским). Среди послевоенных книг упомянем «Очерки и почерки» (1959 и 1962), а также книгу рассказов для детей «Как папа был маленьким» (1961–1965), которая переиздается и в наши дни. По пьесе А. Раскина и М. Слободского «Звезда экрана» был поставлен фильм «Весна» (1947).

Галина Александровна Кулаковская (1937–1974), в замужестве Киселева, преподавала в школе физику. Две ее дочери живут в Москве.

Александра Александровна Раскина (1942) — по образованию лингвист, в настоящее время живет с семьей в США, в городе Новый Орлеан, и преподает русский язык и литературу в университете Тулейн.

Девочки

Публикация дневников открывается записью о начале войны. Гале Кулаковской 4 года 7 месяцев.

23 октября 41.

22-го июня застало Галю в Выборге, откуда Валентина Николаевна вывезла ее с большим трудом. В Ленинграде ее ожидала я, попавшая в Ленинград случайно, по дороге из Петрозаводска в Москву.

1 июля нам удалось с Галей выехать в Москву, затем мы ненадолго отправили Галю в Солнцево к родным. Там она бегала босиком, в трусиках и панамке — загорелая, румяная, круглолицая. 7 июля беднягу отправили в Васильсурск[1], откуда приходили лучезарные письма, что не помешало ей переболеть скарлатиной. В середине августа я поехала за ней в Васильсурск и нашла ее — худую, бледную, остриженную. Мы молча обнялись, у меня закапали слезы.

— Мама плачет, мама обиделась, — закричали дети.

Галя повернулась к ним и серьезно ответила:

— Это от радости.

Потом она стала ходить за мной по пятам, пугаясь, если я на время отлучалась, ночью протягивая руку, чтоб удостовериться — тут ли я.

В Горьком, где Галя заболела свинкой, нам пришлось прожить три дня. Я была вынуждена оставлять Галку на несколько часов одну: я бегала на рынок, на вокзал за билетами. Дочка сидела в кровати — тихая, смирная, играя с куклами.

Буквы — несмотря на то, что их с ней никто не повторял, — помнит и читает легкие слова: мама, папа, Шура, суп и т. д.

С грехом пополам добрались мы до Москвы. Тут Галя выдержала карантин и 1 октября отправилась с Зоей[2] в Ташкент к бабушке Соне. Больше ничего пока о ней не знаю.

30 ноября 41. Ташкент.

После Васильсурска изголодавшаяся Галка ела с аппетитом, который ей никогда не был присущ. О еде она говорила почти со страстью, свой день она начинала словами:

— Мама, дай мне кашечку с маслицем, с сахарком.

И в голосе — упоение, восторг, нежность. В Ташкенте, переболев воспалением почечных лоханок, Галя заболела корью. Вызванный на дом врач, выслушав дочку, с удивлением воскликнул:

— Ну, и тощая же она у вас.

И действительно — очень худа стала.

* * *

— Галя, тебе от папы-Шуры письмо!

Галя, радостно:

— Я так и знала! В чае была чаинка и все сказали: будет письмо! Вот оно и пришло!

На днях спросила задумчиво:

— А папа Шура меня любит?

— Конечно.

— А я думала, он меня забыл…

Все болеет. Совсем ослабела.

Под Галкину диктовку отправлена Шуре открытка следующего содержания:

«Милый папа Шура, я хочу, чтоб ты из армии опять пришел домой. Я по тебе скучаю. Когда ты приедешь, привези мне чего-нибудь».

4 декабря 41.

Перед отъездом в Ташкент вдруг спросила:

— А как родятся дети и откуда они появляются?

— Зачем тебе это знать?

— Как же, я приеду в Ташкент, меня там спросят, а я не сумею ответить.

Потихоньку эту острую тему удалось замять.

* * *

На днях, когда температура отпустила ее немножко, брала по одной свои книжки и читала их все наизусть, без запинки, подряд: Михалкова, Маршака, Чуковского, Барто и другие.

Сегодня очень мучается из-за уха.

5 декабря 41.

Чувствует себя прескверно, болят уши, температура 39 и 6, но разговаривает, рассуждает, шутит:

— Гоголевская улица это, наверное, та, на которой продается гоголь-моголь?

И хитро улыбается.

7 декабря 41.

— Я всех люблю. Не люблю только Гитрера и Бармалея!

— Я тебя, мама, люблю, я жить без тебя не могу. И ты без меня не можешь, да?

* * *

Вымыв руки одеколоном:

— Какая я нюхлая, пахлая!

Если б она умела хорошо читать, ее можно было бы заподозрить в плагиате[3].

* * *

— Ты знаешь, мама, почему я положила голову к тебе на колени? Чтоб ты не плакала.

16 декабря 41.

Письмо папе Шуре: «Дорогой папа, ты спрашивал, как я ем. Я ем очень хорошо. Ушки у меня не растут, как они могут расти, когда они так болят. Я поживаю хорошо. (Он ведь спрашивал, как я поживаю). Может, попадет в чай чаинка, и я еще получу много писем. Ну, чего еще писать? Чтоб привез заводную игрушку».

21 декабря 41.

Началась полоса безудержного кокетства:

— Что это мне надевают черный сарафан, черный галстук, черный передник — тут нет вкуса!

Или, смотря в зеркало, самодовольно заявляет:

— Нос действительно картошкой, зато есть ямочка на щеке и глаза хорошие!

Или:

— Вырасту большая, буду красить губы, как тетя Катя.

— Зачем?

— Чтоб красивее было. И глазки накрашу, и щечки, и спинку, и животик.

— А живот-то зачем? Не видно ведь?

— Разденусь — увидят.

* * *

— У тебя глазок ласковый и блестит.

19 февраля 42.

Ни секунды не сидит на месте. Даже сидя на стуле во время еды — все время ерзает, покачивается.

На днях перевязала себе ноги (связала их) и прыгала вокруг стола до тех пор, пока не упала. Заплакала не от боли, а потому что кругом засмеялись.

Шутку понимает, но насмешки не терпит. Упрямая. Плохо слушается домашних. Меня слушает, но, может быть, потому, что я бываю на Паркентской[4] больше в качестве гостьи. Бредит детским садом, мечтает о нем — видимо, очень скучает без сверстников.

* * *

На днях сказала Ивану Федоровичу, соседу, сурово:

— Я не хочу с тобой здороваться, зачем ты на меня кричал?

— Я шутил.

— Не люблю я таких шуток.

* * *

Галя читает в книге «Приключения Нильса»: «Жьил был на свете мальчик Нильс».

— Не «жьил», а «жил», — поправляю я.

— Тогда после «ж» должно стоять «ы», — говорит Галя.

Замечание тонкое, указывающее на наследственную лингвистическую одаренность. Это у нее от отца.

* * *

В Фергану[5] мне писали мама и Шура [*А. Б. Раскин.* — А. Р.].

Из Шуриного письма от 1 янв.:

«Галка прослышала, что новый год как-то “встречают”. Это ее очень заинтересовало.

— А ты будешь встречать? А как встречают? — И т. д.

Я купил ей елочных игрушек и домашнюю игру, пленившую меня названием “Наши мамы”. Игра простая — карточки с мамами: мамы — инженер, учительница, повар и т. д. плюс карточки с орудиями производства: глобус, мясорубка и прочее.

Каждой маме надо найти ее орудие. Галка очень увлеклась игрой и быстро ориентировалась. Даже мама-трактористка усвоена. Мы играли весь вечер. Я отучаю ее целоваться, признаваться в страстной любви и брать соль руками. Поражает запас слов. Взрослые обороты речи:

— У тебя новые очки, или это были запасные?

— Я всех люблю, даже тебя (сегодня — себя).

— У меня было осложнение среднего уха.

Играя в «мам», осознала, что у всех людей есть профессии.

Ты — учительница и журналист. Я — литератор (пишу книжки). Мама Соня[6] — фельдшерица. Очень заинтересовалась. Хорошая девочка. Но упряма — дико и целуется, как пулемет».

22 февраля 42.

«Однажды в студеную зимнюю пору», — читает с выражением Галя, выделяет прямую речь — несомненно хорошо понимает читаемое. И вдруг, произнося слова «да два человека всего мужиков-то: отец мой да я», объяснила:

— Это лошадь говорит.

Все ужаснулись и наперебой стали толковать, что она ошибается: разве лошадь может разговаривать? Разве лошадь может сказать о себе «мужиков нас двое» — ведь лошадь не человек?

На это Галя нерешительно возразила:

— Но лошадь ведь тоже — мужчина.

16 марта 42.

Галиной маме исполнилось 27 лет.

— Мама, кто такой ветеринар?

— Доктор, который лечит животных: телят, поросят, собак…

— И он тоже ходит на четырех лапах?

26 марта 42.

Гале исполнилось 5 лет.

В день своего пятилетия встала очень рано и обнаружила рядом с постелью кукольную кроватку с подушками, простыней, одеялом. Выбежав в соседнюю комнату, увидела на столе чайный сервиз и чашку с конфетами и изюмом — подарок Екатерины Семеновны и Ивана Ивановича.

От возбуждения не могла завтракать, разглядывала подарки и ждала меня.

После полудня вышла на крыльцо, села на стул и, положив ногу на ногу, задумалась.

В таком именно состоянии застали ее мы. Увидев нас, она

вскочила, против обыкновения не улыбнулась, не поздоровалась, а воскликнула каким-то сомнамбулическим голосом: «Я сегодня именинница!», — после чего получила грабли, лопату, прыгалку и прочее. Вера принесла пряничного зайца:

— Посмотри, — кричала Галя восторженно. — Заяц с у́сами!

За обедом выпила рюмку вина, разрумянилась и несколько пьяным голосом стала напевать какой-то мотив. Пыталась вновь и вновь рассказывать об игрушках, полученных в подарок, и в заключение угостила всех своим изюмом.

Затем сердечно прощалась с немногочисленными гостями, а целуя меня — расплакалась. Тем день рождения в эвакуации и закончился.

Галя с бабушкой Валентиной Николаевной. Предвоенное фото.

28 марта 42.

Вчера ходили в баню — две мамы и Галка. Все было хорошо. Но вот, перед лицом уходящего трамвая, Галя вдруг повернулась и побежала назад — поцеловать меня на прощание. Трамвай между тем ушел. Никто не оценил Галиного душевного порыва, и обе мамы страшно раскричались.

Следующий трамвай был переполнен, и сесть не удалось. Третий трамвай был переполнен и сесть не удалось. С четвертым случилось то же самое.

С каждым уходящим трамваем мамы свирепели и кричали на Галю все громче. Галя молчала, ни слова в ответ не выронила и все старалась глядеть в сторону. И только один раз не выдержала и, прижавшись ко мне, всхлипнула разок-другой. И снова умолкла.

29 марта 42.

— Мама, можно я пойду к знакомой девочке?

— Я пришла к тебе, а ты уходишь, — как же так?

— А ты вспомни — когда ты была маленькая, тебе разве интересно было все время сидеть со взрослыми?

31 марта 42.

Проходим мимо слепого нищего:

— Что ж ему никто не подает? Даже мы! Мы ведь не жадные? Или денег у тебя нет?

16 апреля 42.

— Почему у тебя толстенький животик?

— Там твой братишка.

Буря восторгов. Никаких дополнительных вопросов, кроме одного: «Когда он появится?».

— Только, — добавляю я, — это наш с тобой секрет. Ни у кого об этом не расспрашивай, никому не рассказывай, где он. Хорошо?

— Хорошо.

В трамвае едет маленький мальчик. Галя смотрит на него задумчиво и говорит:

— И у меня скоро будет маленький братишка.

— А где твоя мама возьмет его? — спрашивает глупая трамвайная пассажирка.

У мамы Сони холодеет сердце, она с ужасом ждет громогласного, на весь вагон, объяснения. Но Галя твердо помнит мою просьбу: отвернувшись, она сухо и строго отвечает:

— Уж где-нибудь достанет. Купит, вероятно.

* * *

— Мама, а ты тут после моего ухода не плачешь?

* * *

— Ты, мама, не только хорошая… Ты моя любимая.

18 апреля 42.

Приходя ко мне в гости, ведет себя заговорщически: лукаво поглядывая, фамильярно, но осторожно похлопывает по животу, словно желая сказать:

— Никто ничего не знает, только мы с тобой, да?

23 апреля 42.

Мечтательно:

— Сливочное масло… которое я так люблю… которое так дорого стоит… которое так редко покупают…

29 апреля 42.

На днях я смастерила Гале тетрадку. Галя уселась и стала по образцу выписывать палочки, кружочки. Писала усердно, высовывая по временам язык, ежеминутно спрашивая:

— Так? Хорошо?

Много бегает. На месте сидит с трудом. Все порывается умчаться, попрыгать, перескочить через какую-нибудь яму, арык.

1 мая 1942.

— А когда родится ребенок — как я узнаю: мальчик он или девочка? По лицу?

* * *

Оказалась очень нерадивой: тетрадку забросила, но не забыла оправдаться:

— Кто же летом занимается? Вот зимой…

* * *

— Галя, кто на свете самый милый?

Не задумываясь:

— Мама Фрида и папа Шура [*А. И. Кулаковский.* — А. Р.].

И, строго глядя на собеседницу, громко и с некоторым раздражением, словно с ней не соглашались, несколько раз добавила:

— И папа Шура. И папа Шура. Самые милые — мама и папа

Шура.

9 мая 42.

— Мама, а где же щенок?

— Спать лег.

— Ты откуда знаешь?

— Слышала, как хозяева говорили…

— Ты что же, подслушивала? Ты разве не читала в «Почемучке»[7], что подслушивать нехорошо?

12 мая 42.

Мама Соня принесла Гале конфету.

— Галя, чего тебе сейчас хочется больше всего? — спрашивает она, уверенная в том, что желание будет носить ярко-гастрономический характер.

— Чего мне сейчас больше всего хочется? — повторяет Галя задумчиво. — Больше всего мне хочется поехать в Москву и повидать папу Шуру.

29 мая 42. Ташкент.

16 мая у Гали родилась сестричка Сашенька — 49 сантиметров, 7 с половиной фунтов (3 килограмма). Черноглазая и черноволосая.

Из письма Александра Борисовича в больницу:

«Я на Паркентской. Галя сидит рядом со мной. Уже мы вымыли с ней руки и поговорили о сестричке. Ее очень удивляет, что тебя и Сашу нельзя сейчас же увидеть. Я объяснил, что ты устала, отдыхаешь. Почему она плакала, узнав о Саше, объяснить не может. Несколько раз начинала и… смеется. Я не настаивал. Говорит очень спокойно и доброжелательно. Вообще, настроение самое благодушное. Хочет назвать сестричку Марусей или Катей. Но не настаивает. Суп не хотела есть. Но потом ела “за маму и Сашеньку”. Сейчас она настаивает, чтоб этот факт был отмечен в письме. “И за Сашеньку”, — говорит она. “Но это имя мне все-таки не нравится. Я буду звать Катей”».

25 июня 42.

Галя плачет по каждому поводу и без повода. Уронила хлеб с маслом — плачет. Оступилась — упасть не упала, только оступилась, — плачет. Не сразу ответили ей на вопрос — в слезы. Обидчива. Зина сказала ей: «Осторожнее, Галочка, не замажь мне платье своим пирожком», — Галя пулей вылетела из комнаты и, очутившись у себя, расплакалась.

Нетерпелива. Начала обводить чернилами письмо к папе

Шуре[8]. Обвела полторы строчки и капризным тоном:

— Не хочу больше, устала.

К сестричке относится хорошо, с нежностью. Только вчера вечером, выведенная из терпения беспрерывным Сашиным криком, сказала полушутя:

— Оставь-ка эту плаксу, умой меня и уложи спать.

16 июня Саша весила 3 800.

Воспитывают ее плохо: по ночам носят на руках, днем — укачивают.

4 августа 42.

Саша примерно с двух с половиной месяцев спит по ночам. Уснет в 11, просыпается в 6 утра. Перед сном получает разведенный мел — на кончике ножа в ложке теплой воды.

Вскоре после рождения Сашеньки Галя переселилась с Паркентской к нам, в свою новую семью. Здесь ее воспитывают по новой методе. Сущность этой методы заключается в системе замечаний, главную роль в которых играет отрицательная частица «не».

Звучит это примерно так:

— Галя, не садись на постель.

— Галя, не трогай Сашу грязными руками.

— Галя, не кричи, Галя, не капризничай.

И т. д.

Все справедливо, но, вероятно, утомительно. Иногда вдруг все эти замечания приобретают форму вопросительную. Тогда получается следующее:

— Галя, зачем ты садишься на постель?

— Галя, зачем ты трогаешь Сашу грязными руками, зачем кричишь, зачем капризничаешь?

При ближайшем рассмотрении вместо довольно покладистой и послушной девочки, Галя оказалась упрямицей и скандалисткой.

— Вымой руки!

— Не хочу! — следует угрюмый ответ.

— Не садись на кровать!

— А я хочу! — отвечает девица, правда, несколько нерешительно.

В первое время разговаривала одними повелительными предложениями. Ни к кому не обращаясь, забыв о «пожалуйста», заявляла: «Воды!» Или: «Пить!» Или: «С луком! Без лука! Яблоко!».

Теперь эта безапелляционная форма исчезла, но остались другие, сходные: «Все равно не буду!», «Хочу!» или, напротив того: «Не хочу!».

За обедом происходят отвратительные сцены, безобразная торговля:

— Дай яблоко, тогда буду есть лапшу.

Или:

— Супу все равно есть не стану!

Или:

— Убери морковку! Пенку! Помидоры!

Больные нервы? Избалованность? Плохой характер? И то, и другое, и третье?

* * *

— Ты мыла руки мылом?

— Да.

Иду к умывальнику, убеждаюсь, что мыла ей не достать.

— Зачем сказала неправду?

— Я пошутила.

* * *

— Галя, если так будешь себя вести, перестану тебя любить.

Галя, мстительно:

— А я все равно буду тебя любить.

* * *

— Мама, кого ты больше любишь — меня или Сашеньку?

— Мама, с кем тебе интереснее — со мной или с Сашенькой?

* * *

— Люблю больше всех маму, а жалею больше всех Сашеньку.

* * *

Всякие нотации и прочувствованные разговоры выслушивает с равнодушным, отсутствующим выражением лица. После выговора может немедленно спросить: «А ты дашь мне пряник?».

Весьма обидно, написав сотню статей о воспитании ребят, споткнуться на собственном младенце.

* * *

Увидела, как Шура, лаская Сашу, поцеловал ее в ухо. Когда Шура ушел, сказала мне:

— Мам, поцелуй меня в ухо.

5 августа 42.

Растрогать ее нелегко:

— Галя, я очень устала и проголодалась. Пойду поем, а ты побудь с Сашенькой.

— Ну-у-у… Лучше я посижу в тупичке на скамеечке.

Но сама часто подходит к Саше, с нежностью трогает ручки, ножки, целует, разговаривает, а иногда, укачивая, тонким голосом поет колыбельную: «Придет серенький волчок, тебя схватит за бочок…», чем и будит по утрам Шуру…

* * *

— Мама, Саша улыбается вслух…

* * *

— Галя, какую книгу читала вам Ольга Львовна [*мать А. Б. Раскина.* — А. Р.]?

— Она нам не читала. Она сама себе читала свою старшую книгу.

* * *

Плакать по пустякам перестала. Особенно после того, как перестали бросаться к ней, сломя голову, при каждом ее вопле.

Кроме того, была ей рассказана история с пастухом и волком.

9 августа 42.

Просьба посидеть с Сашей едва не имела трагических последствий: Галя, укачивая Сашу, перевернула коляску. Испугалась, закричала, заплакала, но как только выяснилось, что Саша цела и невредима, пришла в себя, улеглась спать и больше этим эпизодом не интересовалась.

— Как же тебе не стыдно, даже не спрашиваешь, как себя чувствует Саша?

— А что… Она ведь не расшиблась!

И смеется еще…

* * *

За буйное непослушание было решено Галю наказать. Но как? Не разговаривать с ней? Но это ее не тронет — она почти не бывает дома, прибегает только поесть, ни я, ни кто другой с ней никаких интересных для нее разговоров не ведет. Так что выходит: лишение небольшое. Придумали: будет спать одна, без меня.

Галя выслушала это решение с завидным спокойствием, легла спать, а утром сообщила:

— Очень хорошо спала. Свободно так. А тебе свободно без меня было?

Слушается, однако, лучше.

Старается оттенить свои хорошие поступки и намерения.

— Мама, я съела все корки.

— Мама, дай пожалуйста нож, я отрежу от своего яблока половину и дам Лике.

— Мама, я выполоскала Сашенькин подгузник и повесила сушить.

— Мама, тетя Оля дала мне морковку, а я сказала: «Спасибо!»

Но хорошие отношения у нас с ней не налаживаются: она нагрубила Шуре, обещала мне извиниться перед ним и не извиняется. Сначала, было, на мой вопрос — извинилась ли — ответила:

— Да, я сказала: больше не буду…

— А Шура что?

— А Шура сказал: хорошо.

Оказалось: неправда.

— Ты что же врешь? Пойди извинись.

— Я стесняюсь.

И наконец:

— Надо извиниться, ты обещала.

— Ничего я тебе не обещала.

Раньше, совсем недавно, обижалась на каждое резкое слово. А теперь — Шура с ней не разговаривает, я разговариваю сухо, Ольга Львовна — иногда раздражительно, а у Гали в глазах только упрямство, да и насмешка, пожалуй. И ожидание: «Ну, а дальше что будет?».

* * *

— Мама, Лика говорит, что Шура мой папа. Я ей объяснила, что он Шура, а не папа.

11 августа 42.

В целях самооправдания говорит вещи просто чудовищные:

Ольга Львовна:

— Ты понимаешь, что Сашенька из-за тебя могла бы умереть, не было бы Сашеньки — понимаешь?

— Ну, что ж, мне бы тогда достались все ее распашонки… (!!!)

* * *

Я уж рада бы довести Галю до слез. Но — никак не прошибу.

17 августа 42.

Прошибить слезу удалось арбузом.

Принес арбуз Шура. Шура с Галей не разговаривает. Галя извинения у Шуры не просит. А арбуз опять-таки принес Шура. Следовательно — арбуза Гале не полагается.

Рыдания. Слезы.

— Дай арбуза! Я давно арбуза не ела! Хочу арбуза!

Извиняться, однако, не стала.

На другой день просила тоном безнадежным, но уже без страдания в голосе:

— Ну, дай мне арбуза, дай…

Почти примирилась с тем, что арбуза не получит. Даже рассказывала какой-то старушке в тупике: «А у нас арбуз есть…»

Новый взрыв отчаяния был вызван приходом мамы Сони. В расчете на ее мягкое сердце Галя кричала, плакала, требовала арбуза. Не получила. Но и не извинилась.

(Господи, какой я была дурой тогда, глухой дурой! Ее надо было только любить и жалеть, а я ее воспитывала. 1 декабря 1955 г.)

* * *

Раньше боялась и дичилась ребят — почти не играла с ними. Потом быстро освоилась, научилась по их способу взбираться на дерево, а оттуда на крышу сарая и даже свела дружбу с тринадцатилетним вором и хулиганом Валькой, отец и мать которого арестованы — один за бандитизм, другая за воровство.

По приглашению Вальки Галя была у него в гостях, где

произошел следующий знаменательный разговор:

— Он меня спрашивает: «Вы богато живете?» А я ему: «Ну, во время войны кто ж богато живет?»

Гале запрещено ходить к Вальке. Но она, кажется, не очень-то намерена выполнять приказание.

Много врет. Это — самое отвратительное.

* * *

— Галя, убери, пожалуйста, на место мой зубной порошок.

— Стану я убирать — ведь не я принесла его сюда?

Посылаю ей самый страшный, какой только могу изобразить, взгляд. Она уносит зубной порошок, возвращается и принимается философствовать:

— Ты говоришь: надо за собой убирать. Но ведь не я принесла сюда порошок, а ты, — значит, ты и должна убрать.

— Ведь не я, а ты пачкаешь свое платье, а стираю-то все-таки я? Ведь это ты, а не я хочешь есть, а готовлю еду тебе я?

— Это потому, что я маленькая.

* * *

Гале запрещено выходить в тупик, пока не станет слушаться сразу, без длинных рассуждений и бесконечных «А почему?»:

— Галя, убери локти со стола!

— А зачем?

— Галя, не лезь под кровать.

— А почему?

— Галя, помой руки.

— А зачем?

И это во всех случаях, в ответ на самое пустяковое приказание, просьбу.

* * *

Галя, целуя Сашеньку:

— Сашенька, маленькая, какая ты трогательная!

— Галя, а что такое трогательная?

Смутилась, улыбнулась:

— Не знаю… Это, наверное, вот что: Саша спит, но если стукнуть дверью, или закричать, она вздрагивает, трогается.

* * *

— Мама, Лика меня стукнула!

— Ты сама ее ударила…

В глазах слезы:

— Ты меня совсем не жалеешь. Одну только Сашку жалеешь, а больше никого.

20 августа 42.

Галя оказалась совсем не такой бесчувственной. Сегодня она с моей помощью извинилась перед Шурой («Шура, Галя хочет извиниться перед тобой». Длинная неловкая пауза. Галя, улыбаясь, несколько бессмысленно: «Я больше не буду»). И сразу потеплела, отогрелась: по дороге на Пастеровскую станцию молча поцеловала мою руку, потом тревожно спросила:

— И спать со мной будешь, да?

Вечером, после прихода Шуры, сказала задумчиво:

— Почему же так получается — я перед Шурой извинилась, а он со мной все-таки не разговаривает?

— Ну как же — он пришел, поздоровался с тобой.

— Поздоровался и сказал мне пять слов. Я вошла в комнату за марлей, а он спрашивает: «Ты зачем пришла?». Я говорю: за марлей — мама велела. А он говорит: «Ну, правильно». Пять слов выходит: «ты зачем пришла» и «ну, правильно».

* * *

Запрещение ходить в тупик сначала ужасно взбесило Галю («Все равно пойду» и пр.), а теперь покорилась и не ропщет больше.

22 августа 42.

— Что-то я не вижу, чтобы Шура со мной разговаривал…

* * *

Шуру Галя иногда называет теперь «Сашин папа…» (в его отсутствие).

31 августа 42.

Никак не могу понять: у Гали подлая душа, что ли, или просто она маленькая девочка и мало чего понимает?

Приподнялась на цыпочках и взяла с окна у хозяйки сушеные арбузные семечки. За что и была впервые отлуплена.

10 сентября 42.

Буду считать установленным: никакая не подлая, а просто маленькая.

(Маленькая и несчастная. Как же я этого не понимала? 1 декабря 1955 г.)

23 сентября 42. Ташкент.

Шкловский о Брике сказал: «Брик такой человек — если ему отрезать ногу, он будет говорить, что так именно и надо».

Этой же страстью утверждать, будто все к лучшему, обуреваема и Галя. Сидим. Читаем. Она машинально теребит подол моего платья и разрывает его по шву.

— Ты что же это наделала?

Галя, не растерявшись, не задумываясь:

— Так даже красивее.

* * *

…Моя мама, моя… И Сашина, и Сашина…

* * *

— Мама, ты меня любишь?

— Люблю.

— А почему же все время смотришь на Сашеньку?

* * *

— Сашенька очень жалкая девочка. Она как-то больше всех жалеется.

* * *

— Вот когда кончится война, мы с тобой с утра до вечера будем есть белую булку с маслом, да, мама?

* * *

Слышу, Галя разговаривает под окном с мальчиком Шурой шести лет.

— Видишь, какая у меня сестричка?

— Вижу. Сашенька, да?

— А знаешь, откуда она появилась?

— Знаю, из живота.

— Правильно! — одобрительно замечает Галя и вдруг с внезапно вспыхнувшим интересом: — А откуда она туда попала? Знаешь?

— Знаю. Твоя мама мясо ест?

— Ест.

— Ну, вот и получается человечек, раз ест.

Галя прибегает проверить эту версию у меня. Я тупо перевожу разговор.

12 ноября 42.

Вчера, т. е. 11 ноября, Саша впервые выкликнула: «Мама!» и нечто похожее на «ба-ба». Сегодня отчетливо произнесла: «да».

«Ма-ма» произносит очень выразительно, очень разнообразно по интонации: капризно, просительно, жалобно, безнадежно.

Плохо спит по ночам, просыпается по 5–6 раз. Днем молчит только на руках. Мерзнет понемножку. Меня узнает и всем предпочитает.

* * *

Галя с удовольствием употребляет новые слова: «совершенно», «изумительный», «тем временем», «в общем» и т. д.

Я прочла Гале «Слона» Куприна. Прослушав один раз, Галя подробно и связно рассказала повесть Шуре [А. Б. Раскин, отец Саши. — А. Р.]. Рассказывая, очень близко держалась текста: «Он был такой большой, что девочка даже не решалась говорить ему “ты”».

— Мама, прочти мне «Слона» Куплина, «Слоненка-Куплиненка».

2 декабря 42.

Саша испугалась Галиной меховой шубы: посмотрела широко раскрытыми глазами, осторожно дотронулась, пугливо отдернула руку и отвернулась. Через мгновение обернулась вновь — и опять то же. И так несколько раз.

* * *

Галя, иронически:

— Что ж вы с Сашей отняли у меня все одеяло? Я тоже хочу укрыться. Я тоже человек, как говорит Елена Васильевна. (Квартирная хозяйка.)

* * *

Галя рассказывает сама себе сказки:

«В магазин зашел человек и сказал: — Дайте мне 400 грамм белой булки с маслом…»

«…Жила была девочка. Звали ее Ложечка. Ложечка Раскина…»

«…Жила была царица невиданной красоты. Она обожала свою дочь. А потом у нее родилась падчерица…»

27 декабря 42.

— Мама, почему про плохое часто говорят: «несчастный»? Несчастный Ташкент, несчастная квартира… Несчастный — это искалеченный, без матери, одинокий. А вовсе не плохой.

— Почему ты говоришь: ужасно красивая, страшно красивая. Если (эсли) красивая, значит — не ужасно, а очень.

* * *

Знает дни недели. Узнает цифры до 10. Читает. Память хорошая. Знает наизусть «Шарафат» и «Тарелочку» Тараховской, «Стрекозу и муравья», «Бармалея» и т. д.

Глубоко вкоренилась привычка к непослушанию: «Галя, не трогай коляску». Оставляет, но через секунду снова теребит ее.

— Галя, ведь я просила, не трогай коляску.

Оставляет — и тут же, без паузы, тотчас же опирается на коляску, всем телом.

И так во всем.

* * *

Чайную ложку называет «младшая».

На мои слова: «Ну, я удаляюсь» — ответила: «Скорей придаляйся».

Под новый год получила от деда Мороза яблоко, орехи и стихи. В стихах (автор — Шура) перечень ее преступлений,

предмет ежечасных и ежеминутных замечаний: не сори, не кричи, не трогай коляску и т. д. Получив подарок, была несказанно счастлива, заучила стихи наизусть.

Это я — дед Мороз!
Я подарки принес.
Подарки для Гали,
Чтоб глаза моргали.
Чтобы не шалила,
Маму не будила.
Чтобы не кричала,
Шуре не мешала.

и т. д.

* * *

Постоянная жажда деятельности:
— Мама, я хочу что-нибудь делать.
— Почитай.
— Нет, я хочу *руками* делать.

* * *

Саше полагается молоко, яблоко, иной раз белая булка и прочие деликатесы. Гале ничего этого не полагается, и она не возражает. Для пяти лет — недурно…

* * *

В политике разбирается. Не любит Гитлера, немцев. С особым выражением почтения и уважения произносит: «наши». Слово «противник» производит от прилагательного «противный».

7 марта 43.

Ровно год со дня гибели Шуры [*Галин отец, А. И. Кулаковский.* — А. Р.]. Вот его последнее письмо (декабрь 41 г.):

«Милая Галка. Как ты живешь? Не разучилась ли ты читать? Напиши мне письмо. Целую тебя. Папа Шура».

* * *

Галя проявляет большой интерес к слову, к его значению, происхождению, написанию.

— От какого слова — «нищий»? А есть такое слово — «он»? Как пишется — карандаш или корондаш?

Сама заметила, что «я» — сложный звук и состоит из «й + а».

Неплохо читает, довольно бегло складывает в пределе 10, хорошо пишет цифры, одно время путала написание 6 и 9, но быстро справилась и с этим.

Знает наизусть около 30 стихотворений.

* * *

— Когда приносят газету, я так и жду, что там будет написано: «Война кончилась, ехайте домой».

Я ушла, оставив квартиру в беспорядке. Вернулась — посуда вымыта, подметено и даже полведра воды принесено из колонки. Галя очень любит устраивать подобные сюрпризы.

* * *

Очень незлобива, быстро прощает резкое слово, крик, даже если стукнуть. К моему истерически-визгливому тону привыкла, даже, кажется, немножко усмехается иной раз.

11 марта 43.

Галя, в ответ на Шурино замечание:

— Всем известно, как за мачехой-то жить: недовернешься — бита и перевернешься — бита…

19 марта 43.

Раньше Галя отличалась болезненным самолюбием, плакала от каждого резкого слова. Теперь совсем не то — видимо, кожа потолстела. Сегодня получила: «Уйди, мне противно с тобой разговаривать», — и хоть бы что.

Ведет себя похабно. Вчера, скажем, была оставлена сторожить комнату. Несмотря на это, ушла в тупик, да еще без пальто. Сегодня — насморк.

— Не лезь к Саше, заразишь ее.

— Ну и пусть заражается.

За каковой ответ, а также и непослушание была оставлена на

неделю без сладкого.

Было это утром. А днем вела себя чудесно — в поте лица писала письмо Валентине Николаевне и решала столбики. Три часа подряд.

Сашу очень любит.

(Письмо: ДОРОГАЯ БАБУШКА ВАЛЯ Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ И ЖЕЛЕЮ. У МЕНЯ ЕСТЬ ОЧЕНЬ ХОРОШАЯ СЕСТРИЧКА САШНКА ПРЕВЕТ ТЕБЕ ОД МАМЫ ФРИДЫ ГАЛЯ КУЛАКОВСКАЯ.)

21 июня 43. Ташкент.

Сегодня Сашенька начала ходить. Будучи поставлена на пол, сделала два осторожных неверных шажка, хлопнулась, поднялась сама, шагнула еще три раза, опять упала, опять поднялась и ходила без устали, падая через каждые пять-шесть шагов, отважно минуя пороги. Говорит очень нежно, произнося это слово почему-то с паузой посередине:

— Ма — ма… Ма — ма… Ма — ма…

Говорит еще: «на!», «д-д-дать!», или: «д-дасть!» И, наконец, «дём!» (идём).

Фрида Абрамовна с Сашей. Ташкент, июль 1943 года.

5 июля 43.

У Гали и Саши коклюш. Саша переносит свою болезнь очень тяжело.

6 июля 43.

Сегодня Галя совершила первую в своей жизни покупку: купила стакан вишен, принесла сдачи. Была очень довольна.

* * *

— Галя, Шура дома?
— Нет, ушел.
— Куда?
— Хлопотать.

9 июля 43.

Из-за коклюша Галя не ходит в детский сад. Ведет себя хорошо, помогает мне по хозяйству, охотно играет с Сашей, к которой по-прежнему относится с большой нежностью. Стала мягче, ровнее.

15 июля 43.

— Сашенька, покажи: зубки, животик, ножку, головку, где папина родинка, где у мамы пуговички. Как Саша плачет? Пойди, принеси — мячик, газету, рыбку, камень.

— Сашенька, ложись бай-бай! — ложится и даже закрывает глаза.

На вопрос: «Сашенька, когда кончится война?» — разводит руками. Постановщик — папа.

Кашляя, очень мучается. Почти не спит по ночам. Днем капризничает. Одичала. Раньше была чрезвычайно общительной, охотно шла на руки к незнакомым. Теперь от меня не идет почти ни к кому. Плачет, кричит — если берут насильно.

Игрушки: кольцо, рыбка, погремушка — ее не развлекают, повертев в руках, она просто выкидывает их из кроватки. Зато охотно возится с рваным папиным носком, с ложкой, с крышкой от кастрюли. Сама не своя становится, завидев кастрюлю, чайник, ведро — в особенности помойное. Любит возиться с бумагой — рвет, жует.

20 июля 43.

Галя помогала мне стирать белье. Сама выполоскала носки, отжала и повесила. Я подошла к веревке, пощупала:

— Галя, ты плохо отжала: носки совсем мокрые — видишь,

вода льется?

— Нет, я отжала хорошо, они просто вспотели — жарко ведь, а носки висят на солнышке.

29 июля 43. Все еще Ташкент.

У Саши множество выразительных горестных жестов: плача, хватает себя за голову, прикладывает руки к щекам, прикрывает руками глаза.

Стала очень капризной — добиваясь, чтоб я взяла ее на руки, рыдая, каталась по земле, дрыгала ногами и даже колотила себя по своей кудрявой голове.

Коклюш внезапно прекратился. Изредка слегка покашливает — главным образом во сне.

При виде незнакомых кидается в поисках защиты — ко мне, к Шуре, даже к Гале.

Просыпаясь ночью, первым долгом говорит: дай!

23 сентября 43.

— Как тебя зовут?

— Тятя.

Изучила вопросительную интонацию, но на все вопросы отвечает утвердительно:

— Хочешь есть, Сашенька?

— Да.

— Не хочешь есть, Сашенька?

— Да.

— Где чулочки?

— Да.

— Ты глупенькая, ты маленькая дурочка?

— Да.

Стала оправляться после болезни, повеселела, потолстела.

Обольстительно улыбается.

27 сентября 43. Ташкент (все еще…)

В гостях Саша впервые увидела кошку. Очень хотела погладить ее и очень боялась — со страхом отдергивала руку, не успев прикоснуться. Но кошка так поразила ее, что она тут же произнесла: «Кик-ка!» (киска).

На каменных львов у подъезда сказала: «Бати…» (собачки).

* * *

У Саши есть ровесник и жених Алеша. Ему тоже год и 4

месяца, но он говорит все. Мы сами были свидетелями того, как Алеша на вопрос, чьи это туфельки, внятно ответил: «Сашенькины туфелькины…» Мы очень завидуем. У нас есть только одно оправдание: коклюш!

22 октября 43.

— Где папа?

— Ту-ту! [*А. Б. уехал в Москву: выхлопатывать пропуска для всей семьи.* — А. Р.]

Смотрит в зеркало, протягивает своему отражению яблоко и дружелюбно говорит: «На…»

2 декабря 1943 года вернулись из эвакуации в Москву.

В квартире собачий холод. Галя тут же простудилась, ее приютили друзья. А Саша, несмотря на свое узбекское происхождение, холод переносит очень бодро и даже научилась согревать ручки своим дыханием.

Дедушку называет «дядя» и «Аба». Говорит «огонь», «мать». По остроумному замечанию Володи Дыховичного, может командовать батареей: «Огонь!» А когда снарядов не хватает: «Мать!»

Отличается *невероятным* аппетитом. Зубов — 12.

Очень обидчива.

6 февраля 44.

Саше 1 год 9 месяцев.

Саша произносит фразы в три и четыре слова:

— Папа, дай папинчики, папа!

(Папинчик — синоним всего вкусного и сладкого. Произошло от «печеньица».)

Бывают предложения вопросительные:

— Где ани, мама? (Ани — валенки.)

Бывают и отрицательные:

— Не бай, мама! (Это обыкновенно кричится дурным голосом — не хочу спать.)

По примеру Гали называет бабушку «мама Шоня». К Шуре иногда обращается так: «папа-Шуля».

Умеет говорить «дура». («Дуля».)

Все понимает, обижается на окрики, плачет. Няню свою, семидесятилетнюю Елену Васильевну, не очень жалует.

Няня очень культурная и многоречивая.

Няня говорит так:

— Я слишком долго бравировала своим здоровьем. Катаральное состояние моего желудка не позволяет мне

употреблять в пищу мяса. Но масла и молока вашего есть не стану — нет, нет. Я человек глубоко порядочный.

В разговоре с Шурой называет Софью Борисовну «Ваша belle-mère».

К евреям относится благосклонно, считает, что они «гуманнее русских».

* * *

Галя ходит в детский сад. Ею довольны там. Говорят, что она рассказывает детям сказки, а они подолгу и охотно ее слушают. Ходим мы домой из сада вместе с Галиным ровесником Вовой. Перед тем как выйти на улицу, Галя завязывает Вове шарф вокруг шеи, заботливо поднимает воротник, а затем берет за руку. В таком составе мы шествуем до нашего дома — Вова живет тут же.

На днях Галя сказала мне:

— Ветер дул так сильно, что я летела как на крыльях, как будто на ногах у меня были волшебные башмаки Мука.

Сегодня ей купили башмаки. Восторг, упоение. Вчера болело ухо. А сегодня, поглощенная радостным событием, она сообщила:

— У меня даже уши перестали болеть — вот какое счастье!

Саша говорит: Мама, дай хлеба с маслом. («Хеб ма́сим».)

Саша ударилась головкой о колонку кровати. Не обратила внимания на это, продолжала играть, но потом, заметив мой тревожный взгляд, быстро перестроилась и жалобным голосом проговорила:

— Головку больно, мама! («Гаоку боня».)

Очень любит бабушку, прощает ей и шлепки, и крик; любит Веру Афанасьевну, по целым дням пропадает у нее в комнате; благоволит к Евгению Ивановичу. [*Вера Афанасьевна, Евгений Иванович — соседи по квартире.* — А. Р.]

Бронзового амура зовет «мамуль».

В квартире всех знает и зовет по именам. Свою няню непочтительно обзывает «тётька».

Вчера произнесла свое первое то! — на вопрос, кого ты любишь, лукаво ответила: «Сясю».

* * *

Снова начинаем дружить с Галей.

Сегодня я и Галя с 10 утра до 4 дня провели вместе в редакции [*газеты «Правда».* — А. Р.] — я дежурила. Очень хорошо

и весело нам было. Я много читала ей, но кроме этого она, пожалуй, даже большую часть времени играла сама — строила из стульев паровоз, рисовала, бегала по коридору.

Как-то чудно, совсем не застенчивая. С первого слова готова читать при посторонних стихи, болтает, сама заговаривает. При новых людях немного кривляется, ведет себя излишне возбужденно и крикливо. А один на один — очень славная девочка.

* * *

15 марта 44. Запись А. Б.

Саша научилась есть самостоятельно. Это — ужасная для постороннего глаза и уха процедура. Ложкой Саша работает очень медленно, а малейшее поползновение помочь ей встречает ревом и визгом. Еда продолжается очень долго. Понимает разницу между черным и белым хлебом, отдавая преимущество белому. Иногда, ночью, мы слышим, как младенец просыпается, ворочается и нерешительно произносит в ночной тиши: «Дай хлеба с маслом!» — после чего опять засыпает. Растрогала меня вчера тем, что, зайдя утром в комнату, где я дремал, очень тихо вышла оттуда, закрыла дверь, ушла на кухню. И там кому-то рассказывала: «Папа Суля бай…» Очень упряма, капризна, ревнива… В требовании папинчиков переходит все границы здравого смысла. Но я ее все равно люблю. Только что узнал, что Саша сегодня говорила: «Полено хочет бай!» — при этом укутывала и баюкала вышеупомянутое полено. Мой ребенок!

(А. Б.)

26 марта — Гале 7 лет. День рождения замотали.

* * *

Наблюдая из окна салют, Саша кричала:

— Ой, салют, мама! Еще салют! О, еще салют!

28 апреля 44.

Мы с папой Абой спорили о том, кто поведет Галю в первый раз в школу. Галя внесла ясность:

— В первый день поведет меня мама Фрида, во второй — папа Аба. В третий — мама Соня, а в четвертый, если захочет, — Шура.

6 июня 44. Запись А. Б.

Без мамы.[9].

В первую ночь (под утро) выразила удивление: мама Фрида спит? Повторила несколько раз с удивлением. Днем несколько раз вдруг спрашивала: «Мама Флида плидет?» Спрашивала именно вдруг, ни в разговоре, ни в логике событий этой темы не было. Видно, в маленькой головке идет своя работа, мама помнится, и ее возмутительное отсутствие продумывается. Видно, мама снится. Вообще-то Саша привыкла ко мне и по ночам, даже сквозь густой сон, говорит: «Папа», а не «Мама». Однако был случай, когда проснулась с криком: «Мама!» — и долго плакала сознательно, с открытыми глазами, звала маму жалобно и горько, вопросительно и беспомощно глядя на меня.

Засыпая днем, рассказывала сама себе: «Мама Флида на баботе, плинесет Сашеньке булочку беленькую…» Этот вариант прочно вошел в сознание, часто повторяется, иногда с вопросительным оттенком. Выдумала про булочку сама.

— Как звать куклу, папа?

Это было спрошено непринужденно, светским тоном, без всяких предпосылок, удивительно похоже на взрослого человечка.

Наблюдал, незамеченный, следующую сцену: кукла сидит на диване, а Саша тычет ей в морду пенал, приговаривая:

— Вкусно? Сладко?

Интонация была такая выразительная, что можно было лопнуть от смеха. Что я и сделал!

(А. Б.)

* * *

В конце апреля должна была занести, но не успела, следующую запись: Саша владеет разными словесными штампами. «Не надо бить по попке», «Буду щипать щечку» (мне, папе, маме Соне и другим), «Дай папинчик, мама», «А ты что делаешь?», «А это чего?» — все это неизменно повторяется по несколько раз в день. Кроме того, спрашивает соседа: «Дядя Федя, много времени?» (много лема) и независимо от ответа спешно произносит: пора кормить! кормить, спать пора!

Хорошо играет с мишкой. Заворачивает его в какие-то тряпки и все время разговаривает: «Спи» (пспи). «Сядь! Не плачь, Мишка. Кушай кашку!» (куси каську).

Фрида Абрамовна с Галей. Лето 1944 г.

Июнь 44.

На мою угрозу: «Дам по рукам!» — отвечает с обидой:

— Нельзя бить, моя ручка!

А когда речь идет о задней части тела, высокомерно возражает:

— Я на ней сиду!

На вопрос, как тетя Оля зовет тебя на улице, быстро выпаливает:

— Сяся, милая, пойдем домой, довольно копать кулитики.

* * *

Галю 13-го июня отправили в лесную школу на Клязьму. Очень тоскует там, спрашивает о Саше, но выглядит поздоровевшей, румяной. Перед отъездом у нее нашли слева туберкулезный очаг.

Саша довольно четко произносит письмо Гале: «Дорогая Галочка, как ты живешь, я живу хорошо, только по тебе очень скучаю».

31 июля 44.

Сегодня я записала Галю в школу. Сначала было ее не хотели

принять, наш дом входит в другой микрорайон. Но я попросила директора, Веру Федоровну, сделать исключение. В этой школе работал Галин отец, и мне хочется, чтобы Галя училась именно здесь. Вера Федоровна согласилась, как только узнала причину.

Женщина, принимавшая заявление, поздравила меня со взрослой дочерью.

* * *

Запись А. Б.

Младенец Саша обнаруживает наследственную склонность к юмору и сатире:

— Папа, купи корову, я буду есть мясо!

Ложась спать (лукаво):

— Пойдем гулять?

Ей всегда отвечают:

— Что ты, на улице темно.

Недавно она в очередной раз предложила погулять и вдруг я согласился: «Пойдем!»

Она изумилась, выдержала паузу, потом:

— Там темно…

(А. Б.)

* * *

1 сентября Галя пошла в школу. В 1-й класс «А». Учительницу зовут Елена Петровна.

Гале пока скучновато. С удивлением рассказывает:

— Пишем какие-то палочки. Учат считать до десяти. Спрашивают про парту: это что? Или про доску: а это как называется? Зачем это нужно? Не понимаю я.

С собой после школы приводит всякий раз целую кучу девочек, объясняя мимоходом:

— Это из нашей группы, из «А».

Пришлось ослабить взрыв гостеприимства: после школы обед и сразу же послеобеденный сон. Таков приказ врача.

* * *

Письмо от Изи[10] с фронта:

«Здравствуй, моя любимая Галочка! Поздравляю тебя с тем,

что ты стала школьницей. Учись только отлично. Я постараюсь скоро приехать и посмотреть, как ты учишься. А пока мне надо бить фрицев, чтобы они не мешали тебе учиться. Будь примерной в школе и послушной маме и бабушке. Крепко тебя целую и желаю успеха в учебе. Пиши мне.

Твой дядя Изя».

И. А. Вигдоров на побывке, 1944 г. Галя, Саша и бабушка Софья Борисовна Вигдорова.

11 сентября 44.

Саше 2 года 3 месяца.

Саша немыслимо, патологически ревнива. Если я, мама Соня или папа Аба обнимаем Галю, она начинает горько плакать и кричать:

— Моя мама! Мой папа!

Нынче я причесывала Галю. Саша терпеть не может этой процедуры, но тут взволновалась, затрепыхалась и завопила:

— Меня причеши! Не надо Галю чесать!

И терпеливо вынесла сию процедуру, которую я, испытывая ее, нарочно затянула. Она, видимо, была готова на любые страдания, лишь бы я занималась ею, а не Галей.

В трамвае ведет себя непринужденно, по-светски обращается к пассажирам:

— Как тебя зовут?

Или:

— Мама, как зовут эту тетю? Этого дядю? Этого мальчика?

* * *

Вчера получена была из Ленинграда посылка с форменным платьем и фартуком для Гали от Валентины Николаевны. Очень изящно и со вкусом сшито. Галя написала довольно грамотное благодарственное письмо, в котором, впрочем, изобразила слово «вчера» следующим образом: ФЧИРА.

12 сентября 44.

Я обнимаю Галю. Против обыкновения Саша не кричит, не протестует. Постояв секунду в нерешительности, бежит к папе Абе, смеясь:

— А эта папа будет моя!

13 сентября 44.

— Саша, не лезь на стол! Не лезь, слышишь?

Саша, спокойно:

— Не слышу.

15 сентября 44.

По дороге из школы.

— Знаешь, Галя, Саша заболела. Галя, тревожно:

— Какая у нее температура?

— 37,7.

Галя успокоенно:

— Ну, это ничего.

Но Шура, вероятно, рвет и мечет! Скольких докторов он уже позвал? Сколько раз звонил по телефону?

15 сентября 44.

Вечер. Читаю Гале «Майскую ночь»: «О, ты мне не надоел», — молвила она, усмехнувшись. «Я тебя люблю, чернобровый казак! За то люблю, что у тебя карие очи, и как поглядишь ты ими — у меня как будто на душе усмехается: и весело и хорошо ей». «О, моя милая девушка!» — вскрикнул парубок, целуя и прижимая ее сильнее к груди своей.

Галя в этом месте чтение прерывает.

— Он был ей отец? — спрашивает она.

20 сентября 44. Запись А. Б.

Младенец Саша не спал ночь и плакал: «У меня вушко болит!» Температура днем была 38°.

Тогда вызвали ушника. Он очень мучил Сашеньку и зондом прочистил «вушко». Показалась даже кровь. Саша очень плакала, билась, кричала:

— Ой, больно! Ой, не надо! Я боюсь! Я не хочу! Ой, мама Флида! Мама Флида!..

Это было ужасно и невыносимо наблюдать, тем более что папа очень хорошо помнил проколы собственного среднего уха.

Увидев, что родители не помогают, а, напротив того, ведут себя предательски, держат головку и ручки с ножками, младенец решил защищаться своими слабыми силами. И замахнулся на доктора, норовя заехать почтенному вушнику в морду. Я тоже чуть не заплакал. Когда все кончилось, то Саша быстро успокоилась и на доктора не сердилась. Называла его: «Дядя Дохра». Спала хорошо. Температура упала. Сегодня Саша впервые гуляла и купалась после болезни.

Много дней спустя после «вушка» Саша помнила, что «папа Шура держал ножки мне». Но не сердилась.

(А. Б.)

1 октября 44.

Пелась Саше колыбельная — нудная, бесконечная, усыпляющая:

Наши ножки спят,
И животик спит,
Носик тоже спит,
Наши щечки спят и т. д.

И заключительной аккорд:

На-ши гла-зки… спят…

Раньше Саша слушала безмолвно и, мало чего понимая, действительно засыпала. Теперь при слове «животик» она хлопает себя по животу и сообщает: «Вот он!» Услышав «щечки» — восклицает: «пухленькие!», «носик» — «лепешечкой» и т. д.

3 октября 44.

В школе Галю выбрали санитаром. (Кстати, я в школе тоже была санитаром). Учительница сказала:

— Хорошая девочка. Хорошо ведет себя.

Сегодня Галя рассказала мне такую неправдоподобную историю:

— Мама, сегодня нам в тетрадях ставили отметки. Я заглянула, вижу: стоит пятерка. Потом немного погодя опять поглядела, смотрю, не пятерка, а четверка. Наверное, кто-нибудь зачеркнул и переправил, да?

Маловероятную эту историю рассказывает несколько фальшивым голосом.

Уходя утром в школу, кровать свою не застилает. Места постоянного для занятий у нее нет. Рук перед едой не моет, никак не приучишь. Беспорядочна, но — не виновата. Семь нянек.

* * *

Саша, глядя на фотографию, где она снята вполоборота, спросила:

— А где другое ушко?

13 октября 44.

10-го октября Галя заболела ветрянкой. Начали читать с ней «Робинзона Крузо». Боимся, что и Саша схватит то же (ветрянку, а не Робинзона).

* * *

Саша видит в газете букву «О» и говорит: «Это мячик». (Галя говорила — колобок).

А про букву «е» сказала:

— Это сломанный мячик.

— Я сплю!

(А. Б.)

* * *

На вопрос: «Как тебя зовут?» Саша отвечает:

— Сашенька миленькая.

15 октября 44.

Саша ворчит старушечьим монотонным голосом: «У, тетя Оля — плохая, страшенная, хулиганка, страшенная, страшная, плохая…», т. е. награждает няню всеми эпитетами, которыми та награждала ее.

18 октября 44. Запись А. Б.

— Ты работай, а я буду лежать…

* * *

— Это что?
— Мясо.
— Дай мясо!
— Это сырое мясо.
— Дай сырое мясо!!!

* * *

— Папа пришла! (Вообще, всё в женском роде.)

* * *

— Мамочка Флидочка и папочка Шурочка!

22 октября 44.

— А где мама?
— В Туле.
— А что она там кушает?

В самом деле!

* * *

На днях проснулась ночью, часа в три. Повертевшись, затеяла следующий разговор со спящим папой:

— Папа, я хочу дива́ча! (одеваться).

— Что ты, Сашенька! Ведь ночь, темно, холодно. Все спят, и ты спи!

Большая пауза, папа засыпает.

— Папа Шура! Папа Шура!
— Да! Что?

— Я буду спать!
— Вот, молодец, умная девочка…
Опять пауза, опять спит папа. Все сказано и вдруг…
— Папа! Ну папа!
— А? Что?
— Я сплю!
(А. Б.)

23 октября 44.

С фронта приехал однополчанин Изи. Привез письмо и ребятам сгущенное молоко.

— Должен вам сказать, что ваш брат хоть и еврей, но очень храбрый человек! — сообщил он.

Что было делать? Гость: не выгонишь. Но я ответила резко, и он скоро ушел.

Все это было при Гале. Она смотрела и слушала, но ни о чем не спросила.

17 ноября 44.

Между Галей и Сашей происходит следующий диалог:
— Мама-Фрида моя, а не твоя! — вопит Саша.
— Нет, она и моя! — вопит Галя.
— Мама-Соня моя, а не твоя!
— Нет, мама-Соня моя тоже!
— Папа-Аба моя, а не твоя!
— Нет, папа-Аба мой!
— Папа Шура моя! — вопит Саша напоследок.
— Вот он действительно твой, и бери его себе, пожалуйста, — соглашается Галя.

* * *

Саша рассматривает книгу Брэма:
— Вот медведь, *который* живет в лесу.

18 декабря 44.

Галя занимается английским. Саша сидит рядом, сидит довольно чинно, только изредка прерывая свое молчание некоторыми деловыми замечаниями:
— Я не буду плеваться.
— Хочу водички попить.
— Покажи колечко.

* * *

Саша на днях вдруг обнаружила свою тень и сильно испугалась. Не хотела слезать с рук, даже плакала и сопровождала плач воплем:

— Боюсь тени, боюсь тени!

27 декабря 44.

Саше 2 года 7 месяцев.

Саша рассказывает сказку (лежа в кровати перед дневным сном):

«Ирочка, Ирочка! Я тебя застрелю!» Меняя интонацию: «А за что ты меня застрелишь? Ты меня не любишь? За что же ты меня не любишь?» Опять басом: «Потому что не люблю! Просто — не люблю!»

И он ее съел. Пузо у него стало большое-большо-о-ое. Потом пришла мамочка с ножом и разрезала ему пузо.

* * *

Шура собирается уходить: надевает пальто, шляпу. Саша некоторое время наблюдает за ним и наконец произносит следующую фразу — тоном удивления и упрека:

— А сидеть и работать?

* * *

Когда Шура целует Сашу, она всегда спрашивает: «А маму?»

Слыша по радио музыку, кричит мне: «Мамочка, давай тинтовать!»

11 января 45.

Каникулы Галя провела очень весело. Была на елке в Доме Ученых, у Кены[11], в Колонном зале Дома Союзов, в Союзе писателей. Кроме того, была елка у нас. Мы пригласили Эллу, Аленушку, Эдду [*дочь Н. Я. Галь*[12]. — А. Р.], Вову, Вадика [*соседи по квартире, ровесники, соответственно, Гали и Саши.* — А. Р.]. Пели, танцевали, читали стихи, играли. Галя вела себя очень хорошо, была настоящей хозяйкой — внимательной и гостеприимной. Не кривлялась, читала стихи и пела.

В Доме Ученых читал стихи какой-то противный маленький вундеркинд. Я отвернулась. Галя посмотрела с любопытством и

спросила: «Ты от стеснения, да?»

За Аленушкой Галя ухаживала по-сестрински, старалась предупредить каждое ее желание. Очень любит Эдду, с нетерпением ждет встреч с нею. Во время каникул занималась — читала, писала, решала примеры. Мне сказала: «По радио сообщили, чтоб двоечники выделили по два часа в день на занятия. Я хоть и не двоечница, но заниматься все равно буду».

Елена Петровна сказала, что Галя отличница (несмотря на ее грязные домашние тетради): хорошо решает задачи, отвечает толково на вопросы, прекрасно читает. Все это очень приятно.

* * *

Саша говорит:

— Я рассердюсь.

или:

— Мама, папа спит?

— Да.

— Почему же он не храпит?

У Саши приступ навязчивой добродетели. Она с утра до ночи вопит: «Я не плачу, я не плачу!» или: «Я хорошая, я пью лекарство!», «Я не бью Вадика!», «Я не карябаю Гале щечку!» и прочее.

Внешне — день ото дня становится смешнее: настоящая Топси [*девочка-негритянка из «Хижины дяди Тома» Бичер-Стоу. — А. Р.*].

Выучилась у охальника Вадика разным гнусным словам и охотно употребляет их. Подражает Вадику во всем: читает стихи с его интонацией, даже плакать стала так, что не отличишь: он или она.

* * *

Елена Евгеньевна подарила Гале «Хижину дяди Тома». Сегодня Галя стала читать ее и заявила мне, что «не может оторваться».

* * *

У Саши большой популярностью пользуется сказка-быль об обжоре Алике, который съедал в день по шесть ташкентских

бубликов — норму рабочей карточки.

Итак: «Вот садится Алик кушать. Вместе с ним садятся дети. Дети кушают картошку, каждый мальчик по картошке, Алик сразу шесть картошек. Дети кушают хлеб с маслом, каждый мальчик по кусочку, Алик сразу шесть кусочков», — и т. д. до бесконечности. Затем у детей заболевают животы. Приходит доктор, прописывает лекарство — каждому мальчику по лекарству, а Алику — шесть лекарств.

* * *

Саша отчетливо произносит свой адрес. На вопрос «Как твоя фамилия?» отвечает: Вигдорова (Видалава), Раскина и Морис Слободской [*соавтор А. Б. Раскина.* — А. Р.]!

Стала менее жадной: делится мандаринкой, яблочком, конфетой. Со скрипом, конечно.

Александр Раскин (слева) и Морис Слободской. Довоенная фотография.

* * *

Забыла сказать: Саша была на елке у Юры Галлая. Вела себя

там очень достойно — не верещала, не ругалась. Облюбовала себе мальчика Мишу: увидев у него на костюме брошку-слона, все приставала к нему с вопросом: а он тебя не кусает? Когда играли в каравай, этот мальчик тоже не подкачал и выбрал Сашу: «Я люблю, признаться, всех, но вот эту больше всех». Шура был польщен.

* * *

Галя на елке получила много сластей. Я сказала:

— Смотри, не ешь все сразу, ты ведь это умеешь.

Она мягко возразила:

— Ты тоже умеешь.

* * *

Шура объявил Сашу больной, и бедная девочка вот уже больше недели ни за что ни про что сидит на диване без ботинок. Мечтательно глядя на окружающих, она говорит, немножко растягивая слова:

— Когда я вырасту большая, я надену ботиночки и буду ходить по полику…

Папа Аба, войдя в стиль, подхватывает:

— Где это видано, чтоб дети ходили по полу! Детям надо сидеть на диване и кашлять!

* * *

Садясь за стол, Саша говорит деловито:

— Сейчас будем кушать.

В еде стала разборчива. Пшенной каши не любит, требует рисовую. Очень любит мандарины. Однако на днях проявила широту натуры: вынула изо рта последнюю дольку и протянула мне.

30 января 45 года.

Перед сном Саша долго разговаривает сама с собой. Сама спрашивает, сама отвечает, иногда воспроизводит слышанные за день телефонные разговоры.

— Алло, это магазин? Мясо есть? А водка? Сегодня? А зайчики есть? А синие штанишки?

26 февраля 45.

— Саша, мама идет спать, Вадик идет спать, все идут спать. Иди и ты.

— Нет, я не пойду.

— Что же ты будешь делать?

— Я буду любить Галочку.

6 марта 45.

Саша видит, как папа обнял маму (или наоборот было: точно установить трудно), и говорит: «Я сама его люблю…»

У Саши была повышена температура. Ночью она жалобно плакала, вскрикивала, говорила, что боится звездочки и птички. Папа ее уговаривал, что ни звездочки, ни птички — нет. Тогда она возразила страдальческим голосом:

— Я боюсь кого-нибудь!

Саша. 16 марта 1945 г.

31 марта 45. Запись А. Б.

— Папа, дай колбасу-у-у…

— Тебе нельзя.

— Почему?

— Потому, что ты маленькая, будет болеть животик. Вот вырастешь большая, будешь кушать колбасу.

— Папа, купи мне репку, я вырасту большая-пребольшая и буду кушать колбасу!

Видно, хитрый младенец думает примазаться к репке и расти с ней. И запоминает сказки.

(А. Б.)

* * *

Галя начала по совету бабушки Вали вести дневник. Первая запись от 19 марта гласила: «Сегодня я получила 5 с минусом и 5 с плюсом. 5 с минусом это за арифметику. А 5 с плюсом по чтению. И еще 4 за письмо. Потом я пришла домой и сделала уроки. Уроков нам задали немного. Потом написала письмо Изе. *Это мой дядя.* (Курсив мой! — Ф. В.)

У меня есть сестренка. Ее звать Саша. И еще мы прозвали ее Топси. Саша очень похожа на негра».

Запись вторая от 22 марта:

«У нас в школе много девочек. Но больше всего я дружу со старостой и ее помощницей. Елене Петровне очень трудно ладить с 55 девочками. 54 ничего ведут. Но 55-я ужасно мешает. Елена Петровна хочет выключить ее из школы. Но не удается. Все учителя ее знают. Она в урок бегает как в перемену. Ну и все. На сегодня хватит».

Фраза-пояснение: «Это мой дядя» напомнила мне вот что: как-то один литературовед, удрученный однообразными и слишком олитературенными рассказами-воспоминаниями о Есенине, решил обратиться к отцу поэта, ожидая от него по-настоящему наивного и непосредственного повествования. И старик начал свой рассказ следующей вполне литературной фразой: «Была темная осенняя ночь. Шел дождь».

Мне казалось, если восьмилетняя Галка примется за дневник, то станет писать без всякого расчета на читателя. Однако — нет.

— Зачем ты пишешь, что Изя твой дядя? Разве ты забываешь об этом? — спросила ее Елена Евгеньевна.

— Нет, это для чужих, — откровенно ответила Галя.

* * *

На днях за столом у меня произошел острый разговор с одним нашим гостем.

— Выпьем, Фрида, — сказал он, — и забудем все!

Я ответила:

— Обиду утопить в вине нельзя.

Галя, присутствовавшая при этом, заметила мечтательно:

— А в шоколаде можно…

* * *

Мама Соня сгоряча сказала Саше:

— Не ломай посуду, а то я тебе голову сломаю!

Саша ответила с большой обидой:

— Если сломаешь мне голову, я тебя любить не буду!

Очевидцы утверждают, будто при этом она еще погрозила кулаком.

Восприняла у Вадика гнусную манеру плеваться и произносить нецензурные слова. И еще одна отвратительная привычка: кто бы ни сидел за столом, что бы ни ел — в любое время дня, даже тотчас после еды, Саша начинает клянчить: «Дай! дай! картошечку! колбасу!» А если еще не успела разглядеть, то просто: «Дай это!»

11 апреля 45. Запись А. Б.

Я работаю, Саша лежит, но спать не хочет. Ей скучно. Изобретает разговор:

— Пап, а папа?

— Что тебе?

— Мне не больно.

(А. Б.)

15 апреля 45.

Рассказывать про Галку становится трудно. Тут уж не отделаешься перечнем забавных словечек. Уже совершаются поступки. И довольно сомнительного свойства притом.

Со стола учительницы Галя взяла свою классную тетрадь и вырвала оттуда страницы с отметкой 3.

Когда Елена Петровна спросила, кто это сделал, — она заплакала, но ответила:

— Не знаю.

У меня, когда я стала спрашивать, созналась мгновенно, но тоже кроме слез я из нее ничего не выжала. Из уст вырывались отдельные, довольно бессвязные слова:

— Там было грязно… тройки… кляксы…

Поклялась больше не повторять такого.

Завели новые тетради (домашние), выполняем домашние задания совместно, т. е. я наблюдаю.

22 апреля 45.

Саша угрожает Шуре:

— Если не дашь картошечки, я буду говорить такие слова!

— Саша, гадкая девчонка, не бей Вадика.

— Я не девчонка, я Сашенька, я хорошая девочка!

4 мая 45.

— Саша, вот банка, тут сгущенное молоко, а вот на банке мальчик нарисован, видишь?

— А мальчик тоже сгущенный? — спрашивает Саша.

* * *

— Галя, какую отметку ты получила сегодня?

— Четыре с минусом за письмо.

— Вот пробка! Вот дура старая! — восклицают одновременно мама Соня и папа Аба по адресу учительницы.

Заметим при этом, что папа Аба кандидат педагогических наук.

Я строго-настрого запретила Гале вырывать из тетради листы. На днях увидела, что из тетради по письму вырван лист. Объяснение последовало неслыханное:

— Это папа Аба вырвал. Я ему сказала, что ты не разрешаешь, но он ответил: ничего, мы потихоньку от мамы Фриды. А то очень уж грязный листок — лучше вырвать!

Папа Аба был допрошен и сознался. Поставлю в соответствующих инстанциях вопрос о снятии с него звания кандидата.

* * *

Галя очень много хнычет, чуть что — начинает разговаривать плаксивым тоном. Это очень раздражает, но я все вспоминаю рассказ Гарина-Михайловского «Исповедь отца». Если разыщу его, перепишу сюда целиком.

Он говорит: бывает, что у ребенка нервы болят. Надо переждать, пока они переболят. И не сердиться, не кричать… Только это трудно. Особенно, когда у самой нервы болят.

* * *

Шура натренировал Сашу, и она поет:

Бом, бом, тили-тили,
Папе пьесу разрешили.

А если спросить: «Кто разрешил?», Саша отвечает: «Наш славный лепертком» [*Репертком: Репертуарный комитет.* — А. Р.].

— А кто будет ставить? — Аким**у**в.[13]

* * *

— Мама, дай я скажу тебе на ушко! — и при этом прикладывает свое ухо к моему.

7 мая 45.

Гале 8 лет 1 месяц. Саше 2 года, 11 месяцев, 20 дней.

Сегодня делали с Галей уроки. У нее было очень хорошее настроение. Быстро считала, легко решила задачку; написав 30 вместо 32, не захныкала, против обыкновения, а предложила сначала решить пример с цифрой 30, а потом уж дополнительно с 32-мя.

— Ты почему такая веселая сегодня? — спрашиваю.

— Я потому такая веселая, что в школе было очень интересно. Решали интересную задачу, читали интересный рассказ, а потом пели.

Учительница у нее, видимо, хорошая. Только зовет их по фамилиям. А нас Анна Ивановна всегда звала по именам. Потом однажды у них в классе был такой случай: у одной из девочек пропало 10 рублей. И учительница устроила обыск: перерыла у всех портфели, обшарила карманы. Я не знаю, как следует поступать в таких случаях, но твердо знаю, что Анна Ивановна ни при каких обстоятельствах обыска не стала бы делать.

Впрочем, что ж вспоминать Анну Ивановну — таких все равно нет.[14]

ВОЙНА КОНЧИЛАСЬ!
СЕГОДНЯ — 7 МАЯ!

Галино письмо:

«Дорогая моя бабуся! Вот и Шура едет в Ленинград. А меня опять не берут… Я так хотела тебя видеть. Бабуся! Сегодня радостный день! Война кончилась! Теперь кажется мы скоро

увидемся. Целуем мы тебя все. Жилаем щастя и здоровя».

На этом месте Галю позвали купаться. Последние строки она дописывала торопясь. Ждем салюта…

Его не последовало. Взяли Бреслау. А салют в честь окончания войны — еще впереди.

8 мая 1945.

Сегодня Шура уехал в Ленинград. На это время Галя переселяется в нашу комнату. Безумный восторг, блестящие глаза и безудержная жажда деятельности: подметает, вытирает пыль, а ко мне обращается не иначе, как «мамочка милая».

Мы с Галей сидим в своей комнате: я пишу, Галя читает. Саша ломится в дверь, мы не открываем. Саша стучит, а потом начинает плакать и лицемерно подвывать:

— Хооочу к мамочке, к моей дорогоооой! Маамочка, открой! Дорогаая, открой! Мамочка, пожаалуйста, открой!

«Пожалуйста» меня добивает, и я прошу Галю открыть дверь.

9 МАЯ — ПОБЕДА!

Весь день ребята провели на улице. Галка — та, вероятно, все запомнит.

13 мая 45.

Галя с презрением рассказывает о каких-то подлых девчонках и кончает так:

— Ну, они татары…

Долго толкую ей, что нельзя дурные поступки объяснять национальностью. Нет плохих народов.

— А немцы?

Стала ей рассказывать о Моцарте, Бетховене, немецких коммунистах и чувствовала себя преглупо.

* * *

Сегодня Саша с плачем повторяла няне:

— Вот приедет мой папа Шура из Ленинграда, я ему скажу, что ты меня обижала.

Сейчас проснулась и сказала совсем Шуриным — встревоженным — тоном:

— Вся потная.

16 мая 45 года. День Сашиного рождения.

Саше — 3 года. Черноглаза, смугла, очень забавна. Смешно

разговаривает, но, мне кажется, она не очень счастлива, если это можно применить к трехлетнему ребенку. Она много плачет — воет, совсем как писал Гарин про своего младенца. Протяжно, монотонно и подолгу. И беспричинно как-то. А когда берешь ее на руки, прижимается к тебе всем телом, щекой к щеке, крепко обнимает руками вокруг шеи и может находиться в таком положении без конца.

На днях мы лежали в постели — я, Галка, Саша. Саша чихнула. Я сказала: «Будь здорова». А Галка сказала: «Болей!»

У меня произошел с ней по этому поводу короткий, но выразительный разговор. Даже шутить так нельзя.

Немного погодя Саша рассказывала маме Соне:

— Мы лежали на кроватке, я кашлянула, мама сказала — будь здорова, а Галочка сказала — болей.

Саша изложила эту историю трижды. Сегодня утром, придя к нам в кровать, притворно кашлянула и обратилась ко мне: «Мама, скажи: будь здорова!» Я сказала: «Будь здорова!»

Тогда Саша повернулась к Гале:

— А ты что скажешь?

* * *

О Шуре не спрашивает больше. Он послезавтра должен приехать. Интересно, как они встретятся.

18 мая 45.

Сегодня Галя принесла табель с отметками: переведена во 2-й класс. Мне бы тут же ее поздравить, а я посмотрела: вместо пятерок — четверки и стала ей выговаривать: почему во второй четверти все было отлично, а теперь только хорошо? и прочие скучные и ненужные вещи. Простить себе не могу! Она пришла радостная, оживленная, директор поздравил их с переходом во второй класс, а я-то…

Она сразу поникла. Я, опомнившись, обняла, поцеловала, поздравила ее, но, боюсь, ничего не исправила.

19 мая 45.

Дедушка, он же папа Аба, — был умнее меня. Он пришел, поздравил с хорошими отметками и переходом во второй класс. Галя ответила металлическим голосом:

— Что ж поздравлять, когда всё четверки.

А потом добавила:

— Я все свое старание приберегла для второго класса.

* * *

Саша говорит: «Хочу встречать своего папочку Шурочку!»

* * *

Корней Иванович [*Чуковский.* — А. Р.] сказал, что Саша «трагически похожа на Раскина».

20 мая 45.

Шура отметил свой приезд тем, что велел надеть Саше шерстяные рейтузы.

Запись А. Б.

Да, велел, поскольку ребенок простужен и в доме еще холоднее, чем на улице. Довольно глупо вышучивать правильные поступки. Это я пишу не для себя, не для Фриды и не для третьих лиц, а для самой Саши: когда будет старше, пусть понимает, кто о ней заботился, а кто нет. Папа.

(А. Б.)

16 июня 45. Удельная.

Перед отъездом в Удельную у нас с Галей был деликатный разговор: с нами вместе снимают дачу знакомые, очень гостеприимные люди. Я просила Галю не пропадать у них целыми днями, не мешать им. Она обещала. Она всегда очень легко обещает.

И все же, как только наверху обед или завтрак — она там. Снова разговаривала, объясняла, что нехорошо это, пыталась призвать на помощь самолюбие. И вот вчера, после того, как мы позавтракали, приходит Берта Львовна и приглашает Галю завтракать к себе. Галя умоляюще смотрит на меня. Я — с удивлением на нее: ведь ты только что ела?

А она в ответ:

— Ну что же я ела… одно яичко…

Берта Львовна:

— Ну, вот и пойдем: у меня рисовая каша, сгущенное молоко (!), пойдем скорее.

Галя опять смотрит на меня, видит, что я рассержена, краснеет, на глазах появляются слезы. Я пожимаю плечами, она некоторое время мнется, а потом идет. Была она сыта, перед приходом Берты Львовны отказалась доедать простоквашу, а яйцо ела без хлеба.

Можно найти всему этому невинное объяснение: там дети и с

ними есть веселее. Но у меня из головы не выходят слова: «Ну, что же я ела… одно яичко…»

Очень противно.

* * *

Обе — и Саша, и Галя — выглядят чудесно: Саша смуглая, Галя румяная. Сашу остригли, она подурнела, очень похожа на жука. Галя, напротив, похорошела. Блондинка с карими глазами и очень длинными ресницами. И ямочкой на щеке.

Галя очень гордится мною. Когда я играю с детьми, или читаю им, или бегаю, она на всех смотрит почти победоносно и старается подчеркнуть наши родственные отношения. Ведет себя гораздо лучше, чем в Москве, спокойнее. О лагере и слышать не хочет. Если бы только не эта история с Бертой Львовной…

* * *

Саша:

— Мама, мне немцы всю спину покусали.

Речь идет о комарах. Все неприятное привычно связывается ею с немцами.

Ей тут хорошо. Не плачет.

* * *

От нечего делать я сообщила Саше, что главную роль в пьесе папы и дяди Мориса будет играть Юнгер (чтоб продолжить диалог «Бом, бом, тили-тили, папе пьесу разрешили»). Саша запомнила и, когда ее спрашивали: «Кто будет играть главную роль?», отвечала: «Юнгер».

Прошло несколько дней. Я снова спросила:

— Кто же будет играть главную роль?

Саша подумала с минуту и ответила:

— Кенгуру…

17 июня 45.

Я выгоняю из комнаты кошку. Саша горячо заступается за нее: «Ну, мама, ну, не надо, ведь она совсем маленькая, она ничего не понимает…», т. е. говорит все слова, которые произносят обычно в ее защиту: «маленькая, ничего не понимает».

23 июня 45.

Берта Львовна созывает своих ребят обедать.

— Галя, хочешь есть? — спрашиваю я.

— Вообще — нет, но с ними — хочу, — отвечает Галя со всей откровенностью, на какую только способна.

* * *

Мы сидим за столом и едим землянику.

— Съедим еще немного, а остальное я оставлю тете Оле, — говорю я.

— А я оставлю папе Шуре, — говорит Саша.

С минуту мы молчим. Сашина тарелка пустеет медленно, но неуклонно.

— А как же папа Шура? — спрашиваю я.

Саша отвечает вопросом на вопрос:

— Ты кому оставишь землянику?

— Тете Оле.

— Ну, а тетя Оля оставит папе Шуре.

* * *

Галя:

— А когда будет затемнение солнца?

* * *

— Ты гадкая и жадная девочка, — говорю я Саше.

— Я не буду с тобой водиться, если ты ругаешься, — отвечает она, плача.

13 июля 45.

Саша ест булку с маслом. Подходит Галя:

— Ты что кушаешь?

Саша делиться не хочет. Поэтому она предусмотрительно отвечает:

— Это гадость. Невкусно.

* * *

Берта Львовна воспитывает двоих чужих детей. Они любят ее, слушаются. Галя постоянно у них и принимает участие во всех делах — дежурит (убирает, моет посуду), играет, занимается.

Сказала мне вчера:

— Почему ты не разрешаешь много бывать у тети Берты? Ведь она делает меня хорошей. Даже тетя Оля (няня) говорит, что я стала хорошей.

28 июля 45.

Читаю Саше книжку. Там стихи:

Очень любит наш Ванюша
Вишни, яблоки и груши.

И нарисован мальчик с яблоком в руках.

— А почему он не дает мне? — спрашивает Саша, улыбкой намекая на то, что понимает всю вздорность такого вопроса. Но с надеждой в голосе — чем чёрт не шутит? — вдруг бумажный мальчик раздобрится!

* * *

Галя укладывает Сашу спать, раздевает ее. Сашка пищит, хохочет, бегает от нее по комнате. Самовлюбленно восклицает:

— И что я такая баловница!

Галя при этом проявляет неожиданную для меня начитанность:

— Ты, — говорит она, — как в «Обломове»: дрыгаешь ногами, не даешь ботинок снять.

Припоминаю: она зимой читала в какой-то хрестоматии отрывок «Сон Обломова».

* * *

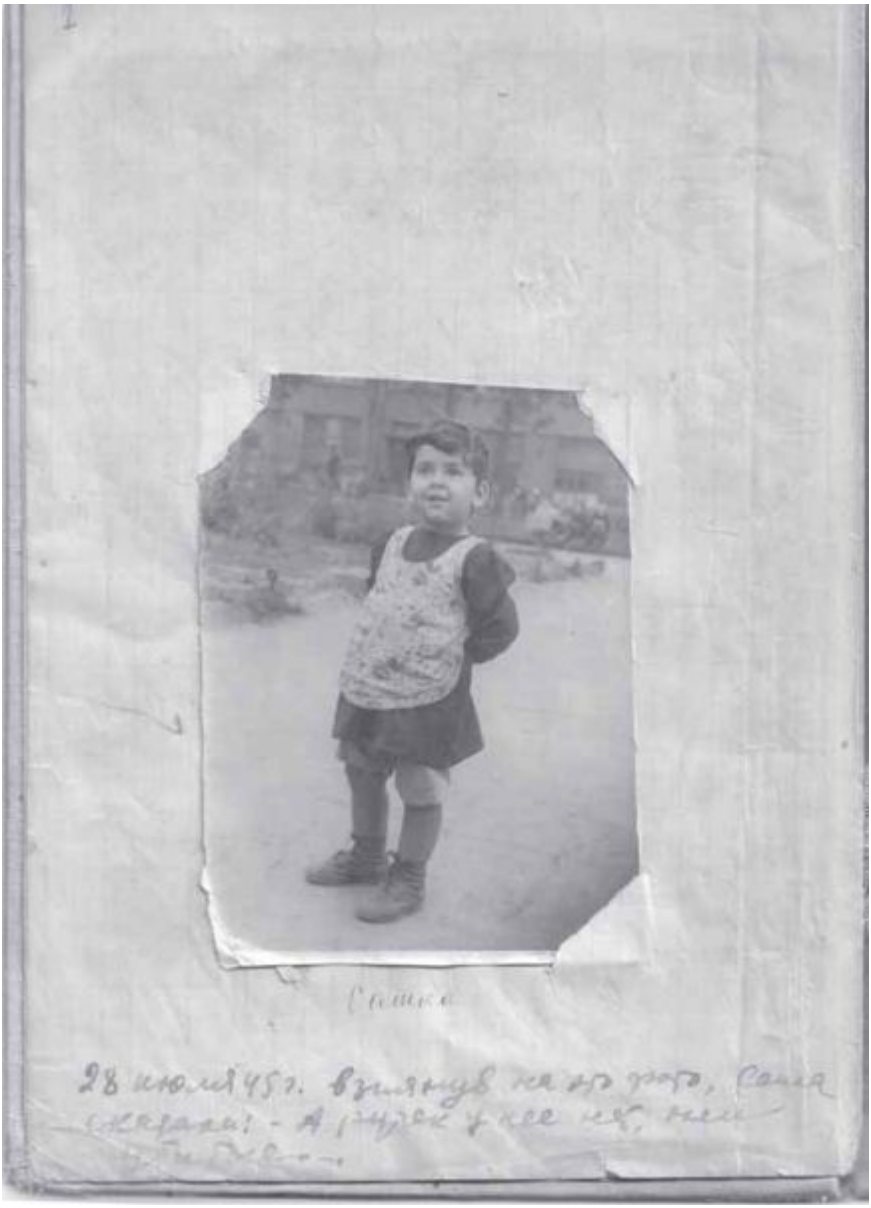
Галя плохо подмела комнату, оставила много сору.

— Будет у тебя жених рябой, — говорю ей то, что говорили мне в таких случаях в детстве.

— А я никогда не женюсь, — отвечает она. — Все мужья злые, мне их не надо.

* * *

Галя:
— Мама, в каком классе будут объяснять, как дети родятся?
(Вот ведь какая проклятая проблема!)



Саша. Лето 1944 г. Подписано рукой Ф. А.: 28 июля 45 г., взглянув на это фото, Саша сказала: — А ручек у нее нет, они убитые.

31 июля 45.

Саша собирает малину, тщательно разыскивая только красные ягоды. Когда делится со мной (отколупывая какие-то микроскопические дольки), то восклицает со смесью тоски и восхищения:

— Ой, какая я не жадная, какая я не жадная!

Иногда, прежде чем поделиться, спрашивает с надеждой: «Мама, ты ведь не хочешь?»

30 августа 45.

Десять дней назад — 19 августа — Саша упала со второго этажа дачи в пролет лестницы. К счастью, вниз спускался Григорий Давыдович Плинер, на фетровую шляпу которого и обрушилась Саша. Когда я выскочила на шум и крики в коридор, то в темноте нащупала Сашу на полу. Она лежала навзничь, раскинув ручки, и не кричала, а стонала. Я подняла ее, внесла в комнату — правый глазок у нее скосился, а личико было изжелта-бледное. Мы побежали к врачу. Он осмотрел Сашу, заставил ее пройтись, спросил, как все случилось.

— Я шла, — сказала она. — И упала. И было больно.

Глазок у нее стал на место, она перестала стонать, только выглядела очень усталой и хотела спать. Врач велел ждать — сутки решат, не будет ли мозговых явлений.

Мы ждали. Всё обошлось.

А упала она потому, что Шура в этот вечер привез ей новые ботиночки — они скользили. (*Все это знали, а проводить не могли. А. Б.*)

Когда Григорий Давыдович приехал снова, Саша предложила ему:

— Дядя Гриша, надень шляпу и иди по лестнице, а я опять на тебя упаду.

А между прочим, не спускайся дядя Гриша в тот час по лестнице, неизвестно, чем бы все кончилось.

* * *

Шура привез Саше игрушку.

— А Галечке? — спросила она тотчас же.

— Будете играть вместе, — ответил он.

— А Леночке? — спросила она опять.

* * *

— Папа, он не привез мне слона!

— Кто «он»?

— Ты.

2 сентября 45.

Берта Львовна говорит Саше:

— Вот и лето кончается… Как же мы будем с тобой друг без дружки?

— А я хочу с дружкой, — отвечает Саша.

* * *

Саша настаивает:

— Лена, давай играть: ты будешь немец, а я русская.

Лена не согласна. Саша возмущенно жалуется мне:

— Мама, ну скажи ей.

— Что же я ей скажу? Не хочет она быть немцем.

— А я хочу драться, я хочу кидать в нее кубики, пусть она будет немцем, а я буду русская!

* * *

Саша так вызывающе черна, что Кена зовет ее не Саша, а *Сажа*.

8 сентября 1945.

Приехали в гости Рая Облонская и Аня Штрих.

Саша рассказывает им:

— Папа Шура привез котят. Одного мне, а другого — больному мальчику Коле.

— Хороший у тебя папа, — замечают гости.

— Да, не жадный, — солидно соглашается Саша.

* * *

Саша бьет окружающих детей. При этом вопит так, как если бы колотили ее самое.

* * *

Саша говорит Валентине Николаевне:

— Этот медвежонок хочет тебе подариться!

10 октября 45. Ермолаевский, 27, кв. 5.

Галя осталась на Сретенке. Молчит, не протестует.[15]

24 октября 45.

Ата[16] принесла Саше в подарок «Сказку о глупом мышонке» Маршака. Сегодня Саша уселась за книжку и решила читать сама, долго пыталась начать и, наконец, ничего толком не вспомнив, сказала:

— Ну, в общем, кошка съела мышонка…

1 ноября.

Саша зовет частушки свистушками. Поет их охотно, не стесняясь.

* * *

Саша с упоением вещает:

— Одевают — не плачу! Раздевают — не плачу! Головку моют — не плачу! Кормят — не плачу! Лекарство дают — не плачу! Банки ставят — не плачу! Вот я какая!

4 ноября 45.

Шура допрашивает Сашу:

— Ты зачем ударила Милу?

— Я ее не ударяла.

— Неправда, ты ее ударила.

— Я нечаянно ее ударила.

— Как это нечаянно?

— Я как дам ей… тихонько…

* * *

Шура ест простоквашу. Саша:

— Папа, помнишь, как ты ел простоквашу и оставлял мне, помнишь?

— Не помню! — угрюмо отвечает папа.

Но все же дает Саше простоквашу.

12 ноября 45.

Изо дня в день я рассказываю Саше примерно такую, более или менее правдивую историю:

«Жила-была мама Ата. Было у нее двое детей: старшего мальчика звали Тюша, а младшего Паша. Жили они на даче, и однажды мама Ата повела своих детей на пруд. Там она их искупала, а потом говорит: “Я сейчас поеду в город, а вы пойдите в сад, играйте там и качайтесь в гамаке. А на пруд без меня ходить не смейте”. И вот мама уехала в Москву, а дети пошли в сад. Тюша был послушный и смирно играл с песочком. А Паше захотелось на пруд, он взял да и пошел туда. Прыгал-прыгал на берегу, да вдруг как упадет в воду!

(Тут наступает момент, полный драматизма. Саша нервно притоптывает ножкой.)

Стал он барахтаться, плакать и вдруг видит: с одной стороны бежит к нему Бармалей и кричит: “Вот я возьму тебя, непослушного, к себе в мешок, будешь знать, как ходить на пруд без мамы”. Паша заплакал, но вдруг услышал: “Не бойся, не бойся, я тебе помогу”.

Смотрит Паша, а с другой стороны бежит ему на помощь Ваничка Розанов».

Все кончается благополучно: Ваничка добежал прежде Бармалея и вытащил Пашу. Но если Ваничка не появляется слишком долго, Саша, торопя меня, спрашивает: «Мама, а кто бежал с другой стороны?»

А иногда, желая, чтобы ей в неурочный час рассказали эту историю, Саша начинает допекать меня наводящими вопросами:

— Мама, когда Паша упал, то кто бежал с одной стороны? А кто бежал с другой стороны? А что кричал Ваничка? А Бармалей что кричал?

Слушать может по двести пятьдесят раз на дню.

* * *

Была я сегодня у Гали. Она прочла «Таинственный сад» Бернет — автора «Лорда Фаунтлероя». Я тоже прочла — хорошо, по-моему. Рассказала Гале «Лорда» — так, как помнила его. Она слушала, затаив дыхание. Если б нашла, дала бы ей читать «Фаунтлероя», «Маленькую принцессу» той же Бернет, и «Маленькие женщины» Луизы Олькот, «Голубую цаплю» — не помню чью[17]. Хорошие были книжки.

Раза три назвала Галю Сашей. Она ничего не сказала, но взгляд у нее был строгий, укоризненный и взрослый. На днях она сказала Изе, приехавшему из армии в отпуск:

— Знаешь, обожди, пока я вырасту, я за тебя замуж пойду.

15 ноября 45.

Саша:

— У меня три сестры: Галя на Сретенке, Лена и Мила.

— Мама, ты почему скучная? Вот Леночка, скоро Мила придет из школы…[18]

19 ноября. Запись А. Б.

Саша запоминает абсолютно все и все прекрасно понимает. Вчера утром дети шумели и мешали мне спать. Я сказал ей, что она только обещает быть хорошей, но не выполняет обещания.

Сегодня утром я спал спокойно, Сашу не слышал. Когда проснулся, она зашла ко мне:

— Папа, можно?

— Можно.

— Я не кричала?

— Нет, сегодня ты молодец!

— Папа, я тихая?

— Тихая.

— Я хорошая?

— Да, ты очень хорошая.

Но этого ей все же было мало.

— Папа, а ты говорил: «Ты только говоришь — не буду! А сама будешь…»

Она решила, видно, получить признание по всем талонам. Я выдал ей таковое. Она была очень горда и довольна. Значит, целые сутки, со вчерашнего утра, она помнила мой упрек.

* * *

Уговариваю Сашу не кричать.

И вдруг:

— Если бы ты был Сашей, а я была… нет, был… нет, была папой, ты бы тоже кричал!

И хохочет в восторге от своей мудрости, находчивости и неотразимости. Она права, ничего не скажешь!

(А. Б.)

20 ноября 45.

Саша не любит отступать от традиций. Утром, когда я ее одеваю, она просит рассказать о девочке и мальчике, которые изображены на коврике. Когда ее причесывают, она требует

повесть о Паше и Тюше. Во время гуляния я, обычно по ее просьбе, рассказываю ей о том, как заблудился Севочка Барон. Историю я измыслила, такого на самом деле не было. То есть Севочка-то существует, но он не заблуждался.

21 ноября 45.

Саша не любит острых коллизий. Вот, например, на коврике, что висит над ее кроваткой, изображены плачущая девочка и мальчик, довольно равнодушно на нее смотрящий. Я утверждаю, что это брат и сестра. Мама принесла им яблоко, велела поделиться, а мальчик съел яблоко сам. Вот сестра и плачет.

— Нет! — кричит Саша. — Он спрятал яблочко, он просто пошутил! Он не съел, он спрятал! Зачем она плачет?

Коврик этот был подарен тетей Ниной 26 марта 37 г. в день рождения Галки.

* * *

Саша колотит Лену. Много раз говорили ей: у Лены болит нога, не смей трогать Лену. А она покается, а потом нет-нет, да и хлопнет опять, и именно по ноге. И откуда такая подлость?

22 ноября 45.

Я:

— Разве это хорошо, что ты ударила Лену?

Саша:

— Разве это хорошо, что Вова ударил Вадика?

Я:

— Нет, ты скажи, разве хорошо, что ты Лену ударила?

Саша:

— А разве это не хорошо, что я Галю не ударила?

Так и не дала прямого ответа и все упирала на то, что она *не* ударила Галю, *не* ударила Милу и т. д. Подлый младенец все же.

* * *

— Мама, почему *тетя* Женя Пастернак и *дядя* Женя Пастернак?[19] — спрашивает Саша, лежа в постели, после долгого молчания. Видимо, напряженно размышляла об этом.

23 ноября 45.

Саше 3 с половиной года.

Знает все буквы, кроме мягкого знака и Э. Знает Ё, но Е путает с Ш. Иногда путает И с М и Т с Г. В остальном тверда. Запоминает с первого раза. Почти вундеркинд.

Хорошо строит из кубиков домики. Эти кубики наше спасение — Саша часами возится с ними, напевая убогие Шурины стихи:

Наша Саша строит дом
Строит дом она с трудом.
Вот построила она
Три стены и два окна.
Кубики зеленые —
Кубики дареные!
Кубики синие —
Кубики красивые!
Кубики красные —
Кубики прекрасные!

Есть еще желтые кубики, но к ним папа рифмы не придумал, сколько ни старался.

* * *

Сегодня я была у Гали. Спросила про отметки.

— Троечки! — ответила она лукаво.

— Это жаль. Покажи тетрадки.

— Сейчас покажу. Вот смотри — одна троечка, другая, третья…

Смеется: там не тройки, а четверки.

Была очень довольна. Она. И я.

Скучает без Саши. Когда приходит сюда, бывает с ней очень нежна.

* * *

Забыла рассказать о том, как Галя встретилась с Эддой. Обе летом мечтали об этой встрече. У нас только и разговоров было:

— Мама, когда же мы пойдем к Эдде?

Когда переехали с дачи в Москву, первый визит был к Эдде (которая, кстати, поступила в 1-й класс Галиной школы). Приходим. Мы с Норой ждали, что они кинутся друг другу в объятья. Ничуть не бывало. Остановились. Неловко поздоровались. Сели. Каждая взяла в руки книгу и принялась

читать. Так и читали все время, пока мы с Норой разговаривали, исподтишка наблюдая эту странную встречу. Потом так же церемонно простились. «Эстетика сдержанности», как говаривала в своих лекциях Евгения Львовна Гальперина.

25 ноября 45.

Я Гале рассказала, как Саша вместо прямого ответа («Почему Лену ударила?») перечисляла всех, кого она не ударила. Галя засмеялась и сказала: «Какая наглая!»

28 ноября 45.

Построив что-нибудь из кубиков, Саша кричит: «Мама, у тебя есть дом! У тебя есть дача! У тебя есть кроватка!» — в зависимости от того, что построено.

* * *

Галя сегодня позвонила мне на работу и сказала только:

— Скучно, скучно, скучно без тебя! Скучно, скучно, скучно без Саши!

И положила трубку.

Придя в воскресенье и не застав Саши, сказала строго:

— Я прошу тебя очень, по воскресеньям Сашу никуда не отсылать, потому что я могу прийти в любое время…

* * *

Галя читает «Гулливер у лилипутов». Недавно прочла «Записки» Дурова. Читает сама. Читает много и с удовольствием.

* * *

Саша декламирует:

Лев Толстой нас учит ложно
Не влюбляться никогда.
Да, в его года возможно,
Но не в наши, господа!

Каюсь, выучила я. Напрасно, конечно, но очень уж забавно.

9 декабря 45.

Саша говорит: «Честное ленинское!» (Наверное, переняла у Милы.) Вместо «редакция» — «редацкая».

Галя говорит:

— Я прямо изнывала от нетерпения.

Вчера были на дне рождения у Паши. Девочки вели себя более или менее достойно. Но играли все порознь — Галя, Саша, Паша, Тюша — каждый был занят чем-то своим.

Утром первыми словами Саши было:

— Мама, я хочу к Паше!

Саше мальчики понравились, она говорит о них подобострастно.

Галя отнеслась к новым знакомым более критически:

— Много кричат, — сказала она. — А до игрушек своих дотронуться не дают.

Однако вчера долго не хотела уходить оттуда. Значит, тоже понравилось.

Рукой Ф. А. написано: Это рисовал Тюша Типот-Соколов. Ему 7 лет. По-моему, очень талантливо.

10 декабря 45.

За первую четверть у Галки были такие отметки: чтение — 5, арифметика, русский язык — 4, чистописание — 3. На днях, сидя за столом, сказала с улыбкой:

— Я умею учиться на «отлично», только мне неохота.

* * *

Галя:

— Мама, твоя Саша довольно скупая дама: делилась со мной шоколадом и дала мне крошечную дольку.

* * *

Мама Соня рассказывает, как у нее едва не стащили сумку. Галя, глубокомысленно:

— Просто тебе попался неопытный вор.

14 декабря 1945.

Саша:

— Папа, как зовут доктора?

— Доктор Гуревич.

— Я лучше буду звать его Гулливер.

* * *

Мы все сидели за столом на Сретенке, и каждый был занят своим делом. Галя перечитывала «Хижину дяди Тома». Вдруг она вскочила и, плача, крикнула:

— Я не могу больше читать!

Все всполошились, стали спрашивать, что случилось. Галя не отвечала и продолжала плакать. Я догадалась заглянуть в книгу: она была открыта на странице, где рассказывалось, как, после смерти Сен-Клера, Том узнает, что его продадут.

Оправившись, она стала мне объяснять, что «Это всё противная Марья виновата», имея в виду жену Сен-Клера — Мари.

Портрет Ф. А. Вигдоровой работы Е. В. Пастернак. Масло. Начало 1940-х.

18 декабря 45.

Некто Б., по профессии литературный критик, с профессиональной жестокостью излагал сегодня свою теорию воспитания малолетних.

— Моему сыну 6 с половиной лет, — говорил он. — Это чудесный парень. Однако я практикую регулярно следующие меры воздействия: малая ушедралка, большая ушедралка, порка

обыкновенная, порка большая и порка по высшей категории — ремнем. Все это я практикую регулярно по четным и нечетным числам. Иначе погибнет мой сын, моя жена, я сам и все соседи, а дом наш рухнет.

Все это Саша слышала, но притворилась, что не понимает.

Боюсь, что наш дом рухнет.

21 декабря 45.

Серьезно болен папа Аба. Я много времени провожу на Сретенке. И вижу всякое такое, что очень меня огорчает, мучает и пугает. Вот, например, слышу из соседней комнаты:

— Галочка, — говорит папа, — принеси мне, пожалуйста, из кухни мою чашку.

— Я читаю, — отвечает Галя.

Я была готова побить ее за это. Бить не била, однако, сказала все, что думала по этому поводу. Но я никогда не могу понять — дошло ли до нее. Лицо у нее было огорченное. Не оправдывалась.

22 декабря 45.

У Галки в дневнике за поведение — 5 с минусом. Она объясняет с улыбкой — довольно циничной:

— Это потому, что я болтаю…

Вот за это я сердиться на нее не в состоянии. Могу понять.

29 декабря 45.

«Мой милый, хороший,
Пришли мне калоши
И мне, и жене, и Тотоше», — декламирует Саша.

— А кто это — жена? — спрашиваю я.

— Это ты, — отвечает Саша.

— А кто мой муж?

— Папа Шура.

— А кто муж мамы Сони?

— Папа Аба.

— А кто муж тети Берты?

— Дядя Боря.

Все верно. Тогда я спрашиваю:

— А кто муж Кены?[20]

— Тетя Ира! — отвечает Саша.

7 января 1946 г. Москва.

Новый год начался скверно: Галка захворала дифтеритом, и сегодня ее отправили в больницу. Форма, к счастью, легкая. Уезжала она охотно и весело, так как любит все новое.

Расспрашивала: какие там девочки, весело ли будет в больнице? Считала минуты, которые оставались до приезда машины.

Вливание перенесла мужественно, даже не вскрикнула, так как мама Соня предупредила ее, что папе Абе вредно волноваться и огорчаться.

Очень боимся за Сашу: 4-го января мы с Сашей пошли на Сретенку навестить больного папу Абу. Галя и Саша были очень рады встрече, обнимали друг друга, вместе играли. А вечером оказалось, что температура у Гали повышена.

На обратном пути со Сретенки на Ермолаевский Саша изложила мне свои политические убеждения:

— Когда я пойду в школу, — сказала она, — то буду учить французский, английский и русский. А немецкий не буду. Немцы все очень плохие. Гитлер («Гитрер», иногда «Гитрель») очень плохой, хуже Бармалея. Я его боюсь. Если он будет к нам стучаться, ты ему не открывай. Если будет говорить тоненьким голоском, тоже не открывай. Немцы плохие, страшные и не любят хороших девочек.

* * *

Про себя Саша говорит:

— Я просто хорошая девочка Саша.

* * *

— Мама, ты меня любишь до слез или безумно?

17 января 46.

Галя уже вернулась из больницы. Миновал карантин и для Сашки: она не заболела. Я пока нахожусь на Сретенке, так как ухитрилась заболеть тут воспалением легких. Пришла навестить папу и Галю, помочь маме в уходе за больными и свалилась сама.

Галя веселая, хорошая, каждый день готовит уроки, которые приносит ей школьная подружка.

Галка много читает. Сегодня я услышала из ее комнаты страшный лающий кашель.

— Что с тобой? — спрашиваю я испуганно.

— Тут в книжке сказано, — пояснила она, — что «кашель соседа походил на собачий лай», — вот я и хочу попробовать, как это получается.

* * *

Был у нас еще один любопытный разговор.

— Мама, — сказала она. — Я не могу понять, хороший был Колумб или плохой? И его жена — хорошая или плохая? (Галка прочла О. Гурьян «Христофор Колумб».)

— А почему ты сомневаешься?

— Ну, конечно, Колумб храбрый, мужественный, — ответила Галя, — но вот он был очень груб с матросами. Или вот его жена. Когда он ей сказал, что хочет перерезать море Тьмы, она ему запретила. А когда он согласился не ехать, она закричала на него и даже *упрекнула в трусости*. (!)

Это был сложный разговор. Я довольно коряво объяснила, что это только в сказках одни — очень хорошие, а другие — очень плохие. А в жизни, дескать, не так. И даже у Колумба были свои недостатки. А потом подумала, что не в этом дело. Бедняге приходилось так худо, что в его положении любой бы стал грубить матросам.

* * *

Саша очаровательно разговаривает по телефону. Сегодня подробно доложила мне, как живет без меня, как скучает.

Саша дружит с Леной и замучивает ее до потери сознания своей нудной просьбой: «Почитай, почитай!..»

18 января 46. Ермолаевский.

Сегодня я вернулась на Ермолаевский. Саша встретила меня целой серией молчаливых глубоких вздохов. А Галя провожала плачем. Может быть, это объяснялось тем, что я не успела дочитать ей отрывок из «Странствия во мраке» Мартина Флавина. Я прочла ей главу «Ему было всего 9 лет и ему очень нужны были санки». Она превосходно понимала, слушала с наслаждением. А когда я начала читать о велосипеде, за мной приехал Шура и пришлось чтение прервать.

Я было хотела объяснить ей, что означает слово «шериф», но она торопливо сказала:

— Читай, читай. Я знаю, это милиционер.

24 января 46.

Саша:

— Мама, ведь я не слушаюсь, почему же ты меня целуешь?

— Я знаю, что делают волки с плохими девочками: они их

бьют и терзают…

— Суп — изумительный!

* * *

Саше купили воздушный шар. Проснувшись на следующее утро, Саша чуть не расплакалась, потому что большой шар превратился в маленький, с кулак величиной.

— Что ты с ним сделала? — воскликнула она с возмущением.

— Он просто похудел! — ответила я.

На днях Ян Сашин принес Саше шоколадку. Я дала ей кусочек, остальное положила в ящик. Вечером, когда Саша уснула, я несколько раз приложилась к шоколаду сама, да еще угостила Шуру. Утром Саша первым долгом помчалась к ящику. У меня сердце замерло. Но взглянув на шоколад, Саша сказала вполне добродушным тоном:

— Мама, посмотри, шоколадка похудела…

27 января 46.

Галя поет Саше (невероятно перевирая мотив):

— Рыбки уснули в пруду-у-у…

— Почему в пруду? Лучше бы они спали на песочке, — возражает Саша.

* * *

Галя говорит:

— Лену я люблю, она хорошая. А Милу не люблю и играть с ней не буду.

— Почему? Чем же она тебе не нравится?

— Она неправдивая. Подлиза. И надоеда.

Этот разговор мы продолжим. Интересно мне, что она имеет в виду.

18 февраля 46.

Саше 3 года 9 месяцев, Галке — 8 лет 11 месяцев.

Саша, оправившись от гриппа, говорит о себе:

— Сейчас я встану на свои слабенькие ножки.

* * *

— Саша, кому идти в аптеку за лекарством: мне или папе?

— Ты иди.

Я уязвлена:

— Почему же не папе?

— Он — долго… — отвечает Саша.

Очень наблюдательный ребенок.

* * *

Саша:

— Сейчас я построю домик, мама посмотрит и скажет: «Какая прелесть!»

19 февраля 46.

Мама рассказала мне, что Галя вернулась сегодня из школы заплаканная. Объяснила: «Мы пели песню “Отцы вернулись к нам домой”. А я петь не хотела. Только шевелила губами. Зачем я буду петь “отцы вернулись”, если мой папа не вернулся».

Это странно. Мне кажется, она почти не помнит Шуру, почти никогда о нем не расспрашивает, и мне кажется, она не понимает своей потери. Но, видимо, это не так. Я иногда рассказываю ей о том, каким был Шура в детстве. Она слушает жадно. Но сама не расспрашивает. Как-то спросила, правда:

— А папа Шура хорошо учился, когда был маленький?

И еще:

— Папа Шура любил играть со мной?

Александр Иосифович Кулаковский, Галин «папа Шура» (1912–1942).

21 февраля 46.

Вчера, вернувшись с работы, я была ошеломлена известиями о том, как вела себя Саша: она мешала Шуре работать, проткнула карандашом лимон, облила супом телефон (всё нарочно), кидала мяч на стол и в зеркало, стучала чем ни попадя по Милиной

чернильнице и т. д.

— Я тебя не люблю, — сказала я.

Она покорно удалилась.

— Саша! — крикнула я некоторое время спустя, собравшись укладывать ее спать. Она мигом примчалась:

— Ты меня уже любишь?

22 февраля 46.

Саша сказала только что:

— Мама, если мне позвонят, скажи: «Сашенька устала, она прилегла, позвоните позже». Или: «Она встанет — сама вам позвонит».

23 февраля 46.

Я щекотала Сашку, щипала щечки, дергала за уши. Она все терпела со снисходительной улыбкой, а потом произнесла горделиво:

— Как мама меня любит!

Вчера долго гладила меня обеими ручками по лицу. А потом спросила:

— Приятно?..

* * *

Саша поет:

— Ольбульбе́ли — опупели! Ольбульбе́ли — опупели!

— Саша, что такое ольбульбели?

— Это такое платьице! (?!)

* * *

Я рассказала Саше своими словами сказку о золотой рыбке («…А старуха говорит: попроси у рыбки отдельную квартиру с газом, новые туфли, шапку-кубанку и много пододеяльников…»). Эффект неожиданный: Саше жалко старуху:

— Зачем у нее всё отняли?

— Жадная она, понимаешь — жадная! — говорю я. — Чего же ее жалеть?

— Все равно жалко! — отвечает Саша.

* * *

Саша сказала кому-то: «Не ври! Ты врешь!»

Шура объяснил ей, что надо говорить не «врешь», а «ошибаешься».

Сегодня я сказала Саше:

— Не сбрасывай с себя одеяло.

Она ответила:

— Я не сбрасываю, не ошибайся, пожалуйста.

При этом вежливое «не ошибайся» звучит у нее совсем так же, как и «не ври».

* * *

Я принесла от дяди Бори Зутта в подарок Саше целлулоидного пупса. Все сказали: «Какой чудесный! Где это Борису Борисовичу удалось *поймать* такого?»

Саша с удивлением:

— А разве они бегают по улицам? Ведь они же голые?

27 февраля 46.

Всё, что мы ей говорим, она возвращает нам сполна:

— Мама, сейчас же подай мне кубик!

Или:

— Папа, ты в своем уме? Ты разрушил мой домик, все кубики упали!

И так далее.

Когда Шура ее шлепает (а только он и шлепает), она призывает на помощь все свое самообладание, только бы не заплакать: отворачивается, строит равнодушное лицо, говорит что-нибудь, не идущее к делу: «Какой у кошки хвост пушистый».

* * *

Шура:

— Саша, извинись передо мной!

Саша:

— Я устала…

1 марта 46.

У Шуры очередной грипп, и я отвезла Сашу на Сретенку. Между нею и Галей после поцелуев и объятий произошел такой разговор:

Галя:

— Ты поедешь с мамой Фридой обратно?

— Нет, я не хочу ехать на Ермолаевский.

— Почему?

— Потому что я хочу остаться на Сретенке.

— А почему?

— Потому что я хочу спать вместе с тобой.

— А почему?

— Потому что я тебя люблю.

— А почему?

— Потому что ты моя сестричка.

— А почему я твоя сестричка?

— Почему-почему! — раздражаясь, ответила Саша. — Потому что кончается на «у».

Папа Аба слушал с наслаждением, и на лице у него был написан восторг…

5 марта 46.

Саша после четырехдневного отсутствия вернулась домой.

— Ну как, мой горшочек тут скучал без меня? — спросила она.

Сразу стала озорничать, верещать, чего на Сретенке не бывало.

6 марта 46.

На Сашу напал рисовальный стих. Она целыми днями рисует, чем бесконечно радует родителей. Бумаги изводит — пропасть.

Постройки из кубиков стали у нее просто грандиозными. Я даже не могу их изобразить здесь.

7 марта 46.

Четыре года со дня гибели Шуры [*А. И. Кулаковского, отца Гали.* — А. Р.].

4 апреля 46.

Саша долго сидела у больной Ольги Львовны. После разговоров, чтения и прочих забав усталая Ольга Львовна сказала Саше:

— Ну, теперь помолчи немного…

Саша смолкла.

Через минуту раздался вздох, почти стон.

— Что ты, Сашенька? — спросила Ольга Львовна.

— Я не могу больше молчать!

7 апреля 46. Сретенка.

Когда Шура говорит Саше: «Я тебя не люблю!», она огорчается, но терпит сравнительно мужественно. Шура произносит эти слова слишком часто, и Саша попросту привыкла к ним. Я же этой формулой не злоупотребляю. И уж если мне приходится сказать «Ты плохая девочка, я тебя не люблю!» (Бог знает, педагогично это, или непедагогично), — она начинает маяться. На днях, когда папа Аба спал, я велела ей уйти в коридор и играть там. Она ответила: «Не хочу!» Вот тогда-то я и сказала:

— Если ты не слушаешься, я не стану тебя любить!

Она вышла, долго не появлялась. Потом мы сели за стол и явился Вадик, посланный Сашей:

— Дядя Аба, вы любите Сашеньку? — спросил он.

— Люблю! — ответил удивленный папа.

— Тетя Соня, а вы любите Сашеньку?

— Люблю!

— Тетя Фрида, а вы любите Сашу?

— Нет, — сказала я решительным голосом.

Вадик удалился. Потом прибежал снова:

— Тетя Фрида, а почему вы не любите Сашеньку?

— Потому что она не слушается.

Вадик снова убежал, но через минуту опять пришел:

— Тетя Фрида, Саша говорит, что она нечаянно не слушалась.

Самой выяснить отношения не позволяло самолюбие.

* * *

Галя дружит с Вовой. Он Галин ровесник, но она по сравнению с ним великан: на голову выше, вдвое шире в плечах. Сидя рядом с ним, доверчиво обнимает его за шею, очень считается с его мнением. Излюбленная игра — в папу и маму. Саша в этом случае дочка, а Галя Варичева — няня. Мать Вовы, мою сверстницу, я в детстве знала: она жила в Дорогобуже у своей приемной матери, Евгении Афанасьевны, и приезжала гостить в Москву к Вере Афанасьевне. Звали ее Огонёк (Агния). Когда немцы наступали на Дорогобуж, она бежала с Евгенией Афанасьевной и четырьмя своими детьми. Во время бомбежки убило ее и двух малышей. С оставшимися ребятами Евгения Афанасьевна пошла дальше. Двухлетний малыш в дороге потерялся. Уцелел один Вова, в котором Евгения Афанасьевна не чает души, хотя он ей совсем чужой. Сейчас она с ним живет у Веры Афанасьевны. Вову очень любят, очень балуют. Он мальчик способный, умница, но истеричный. Много кричит, плачет. А раз, когда его обманом хотели оставить на даче (в город боялись везти, у Гали нашли дифтерит), он плакал и кричал: «Если вы меня обманываете, то уж лучше убейте, лучше убейте меня!»

Евгению Афанасьевну он зовет бабушкой. Иногда, рассердившись, он бьет ее. Она все прощает. Мне кажется — напрасно. Он много перенес, его очень жаль, но распускать тоже не следует. Я слышала, как Евгения Афанасьевна утешала его по какому-то поводу: «Вовочка, не плачь, пожалуйста, не плачь». А он отвечал: «Я никак не могу успокоиться». И это было очень

фальшиво. Он внимательно прислушивается ко всему, что о нем говорят, и потом рассказывает о себе теми же словами. «Плача, он подолгу не может успокоиться», — эту фразу я не раз слышала от Евгении Афанасьевны.

Со взрослыми он разговаривает примерно так:

— Вова, тебе должно быть стыдно!

— А мне не стыдно!

— Ты плохо поступаешь!

— Замолчите! Я хорошо поступаю!

Вадика он терроризирует: бьет, дразнит и не играет с ним. С Галей дружит, хотя изредка ссорится. А Сашу любит, очень радуется, когда она приезжает, очень нежен с ней… Мне он сказал дословно следующее (галантным, светским тоном):

— Тетя Фрида, вы просто волшебница, если могли народить такую девочку!

Однажды Вова облил Галю чернилами. Ничьих сетований по этому поводу он слушать не хотел. Однако с Сашей он не только поговорил, но даже оправдывался перед ней.

— Ты нехороший, я не буду с тобой играть! — высокомерно сказала она. — Ты облил Галю чернилами!

— Я нечаянно… — без уверенности произнес Вова.

— Нет, чаянно! — энергично возразила Саша. — Галя говорит чаянно, значит чаянно, она моя сестричка, а ты ведь не моя сестричка?

Вова был посрамлен.

8 апреля 46.

Саша:

— Мама!

Я:

— Что тебе?

Саша:

— Ты зачем так грубо разговариваешь?

* * *

Саша Гале:

— Ты мне не сестричка, ты мачеха, потому что ты злая!

* * *

Саша, с гордостью:

— Мама, я спросила у бабушки Оли, как она себя поживает!

9 апреля 46.

Фаня[21] играет с Сашей в доктора. У Саши больна кукла. Фаня:

— Что болит у вашей дочки?

Саша:

— Сердце.

Фаня:

— Сейчас выслушаем.

Саша:

— Дышать?

Фаня:

— Дышите.

Саша:

— А еще болит животик, может, сделать клизму?

Фаня:

— Это не мешает.

Саша:

— А может, дать соды с молочком?

Фаня:

— Что ж, можно! Ну, а вы как живете?

Саша:

— Ничего, хорошо.

Фаня:

— А где ваш муж?

Саша:

— Он работает!

Фаня:

— Что же он делает?

Саша:

— *Пишет пародии!!!*

Комментарии, как говорится, излишни!

* * *

Мама Соня:

— Вот я расскажу маме Фриде, она тебе задаст!

Саша, самоуверенно:

— Мама Фрида меня очень любит и все равно ничего мне не сделает.

16 апреля 46.

Галя и Вова прочли чудесную, памятную мне с детства, книгу Люси Фич-Перкинс «Маленькие японцы». Теперь самая любимая игра «в японцев». Вова придумал сочинить японский словарь. На обложке написано: «Сочинил Ольшевский В. Сочинила Кулаковская Г.» Потом крупно: «СЛОВАРЬ».

На первой странице:

Сяли — Сашенька.

Дебен гонатэ — идем со мной.

Моне — Вова, Гоче — Галя.

Монерэ — прячься; мочене — тише.

Доне ване — не ходи к нему. (Должно быть, к Вадику.)

У ферем чибере мочить? — У тебя есть защита?

Мане — вперед!

И т. д. Словарь стилизован не под японскую, но под итальянскую речь: Вова слышал пленных итальянцев там, где жил в эвакуации, даже привез с собой две (антифашистские!) итальянские песни, которые, если очень-очень попросить, он исполняет с большим темпераментом.

Галя, 1946 год.

18 апреля 46.

Саша, чтоб усесться поудобнее, долго вертелась на диване. Сама прокомментировала: «Как кот Маркиз!»

Это верно: Маркиз, прежде чем усесться, тоже долго вертится.

20 апреля 46. Запись А. Б.

Лена с видом абсолютного превосходства загадывает Саше загадку.

— Ну, отгадай, — говорит она пренебрежительно, — зимой и летом одним цветом. Что такое?

Саша ошеломлена. Но признать свою несостоятельность она не в силах.

— Свет… — робко говорит она и быстро поправляется: — Зима…

Ей, бедняжке, кажется, что одно из слов загадки и есть отгадка. Мне ее очень жалко. Ей очень неловко.

— Елка, — добивает ее Лена.

Пауза. Саша уничтожена. И тихо, с надеждой отыграться, она говорит: «Загадай мне еще раз *эту загадку*…»

(А. Б.)

22 апреля 46.

Берта Львовна говорит Саше:

— Будешь шуметь — позову Бармалея!

Саша, лукаво улыбаясь:

— Пожалуйста, позовите! Я с удовольствием на него посмотрю.

6 мая 46.

Гость подает Саше руку со словами: «Я твой друг, да?»

Взглянув на него внимательно, Саша ответила: «Мама лучше…»

* * *

Саша взяла чернильный карандаш в рот, измазалась.

Шура:

— Что ты наделала?! Ведь от этого умереть можно!

Саша насмешливо:

— Что, карандаш немец, что ли, чтоб от него умереть?

8 мая 46.

— Мама, сорокины детки — соровнята?

— Нет, — отвечаю я не так чтоб очень уверенно: — Сорочата.

— А синичкины — синята?

11 мая 46.

Если я разговариваю с Сашей резким тоном, выговариваю ей, она, почти не слушая меня, вопит: «Любишь, любишь, любишь,

любишь!» — и звучит это как мольба и как приказание.

* * *

Шестнадцатого у Саши день рождения. Позовем ребятишек.

День рождения Саши 16 мая 1946 года, Москва. Слева направо: Тюша Соколов-Типот; Алена и (наверху) Оксана Венгеровы; Вадик (сосед); Саша, наверху Галя; Паша Соколов-Типот, наверху Эдда; Вова (сосед).

Фрида Абрамовна с Сашей, 16 мая 1946 года.

18 мая 46.

Я: «Саша, собери кубики».

Саша: «Попроси как следует».

Возразить нечего: мы требуем, чтобы она говорила «пожалуйста», и обычно шпыняем ее именно такими словами: «Попроси как следует».

* * *

Меня зовут к телефону. Я умываюсь. Чтобы пристойнее обрисовать положение, Шура говорит:

— Она не может подойти, она занята ребенком.

Саша, присутствующая при этом, выдерживает паузу, а потом осторожно спрашивает:

— Папа, а ты не обманываешь тетю?

Мать моя, до чего все надо делать с оглядкой!

23 мая 46.

Саша:

— Мама, костюмчик-изюмчик — правда, складно? Мама, слово «изюм» вкусное, и слово «вкусно» тоже вкусное, правда? Мама, а слово «кислый» — неприятное слово, да?

* * *

На днях была у Гали в школе, взяла ее табель (чтение — 5, арифметика и письмо — 4). Смотрела ее контрольные работы по арифметике и русскому языку. Задача и примеры решены безукоризненно, но в задаче всюду вместо слова «копейка» написано «рубль». Как остроумно заметила преподавательница, Галя решала задачу в соответствии с коммерческими ценами: у нее вышло, что карандаш стоит 54 рубля, ручка с пером — 25 рублей (вместо «копеек») и т. д.

Изложение написано хорошо. После рассказа о том, как льдина, на которую вскочила собака, раскололась, Галя написала: «Все ахнули…» И поставила многоточие. Однако и в изложении в слове «мальчики» она пропустила «ч», за что и получила четверку вместо пятерки. Преподавательница говорит, что схватывает она хорошо, быстро, но техническое выполнение ее уже не интересует — отсюда описки, ошибки и рубли вместо копеек.

24 мая 46.

Саша хвастливо:

— Я никогда не плююсь!

— А помнишь, как ты плюнула Лене в тарелку?

— Но это же не на пол! И это было давно, ну, мама, ведь это же было давно! И не на пол!

27 мая 46.

Саша задумчиво, с большими паузами, говорит:

— С кем же мне водиться? Галя пролила чернила… Вова облил Галю чернилами… Мила плохо учится… Лена схватила меня без спроса за живот… С кем же мне теперь водиться?.. Надо подумать…

С Леной она рассталась враждебно: высосала из пальца какую-то кляузу и твердо стоит на том, что Лена обязана перед ней *как следует* извиниться:

— Когда я плюнула Лене в суп, я как ей сказала? Я ей сказала: «Леночка, дорогая, извини меня, пожалуйста, я никогда больше не буду». А когда Лена схватила меня за живот без спросу, она как извинилась? «В мире, в мире навсегда, в ссоре, в ссоре никогда!» Извиняться надо не так! Она должна сказать, как я ей сказала: «Сашенька, дорогая, прости, я больше не буду». А она как сказала? Она просто сказала…

И повторяла долго, многословно, одно и то же по многу раз.

28 мая 46.

Саша:

— Мама, давай играть, как будто ты бабушка, а я Красная шапочка, давай? Ладно? Вот я прихожу и спрашиваю: «Бабушка, а почему у тебя такие большие ушки?», а волк отвечает: «Чтоб лучше слышать тебя, дитя мое». — «Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие глазки?» А волк отвечает: «Чтоб лучше видеть тебя, дитя мое». «Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие зубки?» — «Чтоб лучше съесть тебя, дитя мое!» — И тут он меня проглотил. Вот прихожу я в живот… Вижу — бабушка. Это ты. Говорю: «Здравствуй, бабушка!» А ты что отвечаешь?

…Но в ответ я только бездарно смеюсь.

1 июня 46.

Я по Галиной просьбе рассказывала ей содержание иллюстраций к Дантовскому «Аду». Саша некоторое время прислушивалась, а потом сказала:

— Это злая книга. Не надо ее, давайте читать другую!

6 июня 46.

Саша:

— Мама, ты меня любишь?

— Люблю, люблю, — отвечаю я устало.

— А почему таким тоном? — спрашивает Саша огорченно.

— Каким же тоном, по-твоему? — удивляюсь я.

— Бедным… Бедным тоном, — поясняет Саша.

* * *

Вчера мы переехали на дачу. Саша в упоении. Рвет цветы, научилась кататься на велосипеде, восхищается каждой травкой, командует Севочкой. Он несколько сопротивляется.

* * *

Галя вчера отбыла в Ленинград к бабушке Вале.

15 июня 46.

— Мама, я тебе расскажу смешное: тетя Поля говорит не «надеваю», а «одию». Правда, смешно?

* * *

Саша:

— Мама, я хочу ходить босиком, ведь Севочка ходит босиком!

— Он мужчина! — говорю я.

— А я кто? — с интересом спрашивает Саша.

— А ты женщина.

— Буду… — поправляет Саша.

— А сейчас кто же ты?

— Сейчас я просто девочка, а Сева просто мальчик. Потом я буду женщина, а Сева — мужчина…

Мы смеемся. Саша с удовлетворением поясняет:

— Я все понимаю…

* * *

Еще о воздействии художественной литературы на человеческую душу. Я стала читать Саше ненецкую сказку «Кукушка»:

«Вот что было. Жила на земле женщина. Было у нее четверо детей. Не слушались дети матери. Бегали, играли на снегу с утра до вечера. Вернутся к себе в чум, целые сугробы снега на пимах натащат, а мать убирай.

Одежду промочат, а мать суши.

Трудно было матери.

Вот один раз летом ловила мать рыбу на реке. Тяжело ей было, а дети ей не помогали.

От такой жизни, от работы тяжелой заболела мать. Лежит она в чуме, детей зовет, просит:

— Детки, воды мне дайте. Пересохло у меня горло. Принесите мне водички!

Не один, не два раза просила мать: не идут дети за водой.

Старший говорит:

— Я без пимов!

Другой говорит:

— Я без шапки!

Третий говорит:

— Я без одежи!

А четвертый и совсем не отвечает.

Сказала тогда мать:

— Близко от нас река, и без одежи можно за водой сходить. Пересохло у меня во рту. Пить хочу!

Засмеялись дети…»

Не успела я дойти до этих слов, как с Сашей стало твориться что-то уму непостижимое — она заплакала и закричала: «Зачем

ты мне читаешь такую злую книгу? Про таких детей?»

Она долго плакала и рыдала на удивление мне и Севочке.

Может, я и неверно поступила, но только сказку я все-таки дочитала ей до конца. Саша слушала, мучаясь и страдая:

«…Засмеялись дети, из чума выбежали. Долго играли, в чум к матери не заглядывали.

Наконец, захотел старший есть — заглянул в чум.

Смотрит он, а мать посреди чума стоит. Стоит и малицу надевает.

И вдруг малица перьями покрылась.

Берет мать доску, на которой шкуры скоблят, и доска та хвостом птичьим становится.

Наперсток железным клювом стал.

Вместо рук крылья выросли.

Обернулась мать птицей и вылетела из чума.

Закричал старший сын:

— Братья, смотрите, смотрите! Улетает наша мать птицей!

Тут побежали дети за матерью, кричат ей:

— Мама, мы тебе водички принесли!

Отвечает им мать:

— Ку-ку! Ку-ку! Поздно, поздно. Теперь озерные воды передо мной. К вольным водам лечу я.

Бегут дети за матерью, зовут ее, ковшик с водой протягивают. Меньшой сынок кричит:

— Мама, мама! Вернись домой! Водички на! Попей, мама!

Отвечает мать издали:

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Поздно, сынок, не вернусь я.

Так бежали за матерью дети много дней и ночей — по камням, по болотам, по кочкам.

Ноги себе в кровь изранили. Где побегут, там красный след остается.

Навсегда бросила детей мать-кукушка.

И с тех пор не вьет себе кукушка гнезда, не растит сама своих детенышей.

А по тундре с той самой поры красный мох стелется».

* * *

Некоторое время спустя я попросила Сашу: «Саша, принеси мне, пожалуйста, портфель». Саша принесла и, отдавая, сказала: «Маму надо слушаться, а то улетит».

А сказка очень хорошая и действительно очень грустная. Саша, которая все сказки готова слушать по 50 раз кряду, от этой

сказки с отвращением отказывается: «Не хочу, не буду слушать. Лучше про зайца, который напугал волка».

10 июля 46.

Саша мне: «Ты мне так нравишься, мама, что я тебя люблю больше, чем до слез, больше, чем безумно, и больше, чем крепко».

* * *

— Мама, тебе приятно, когда я тебя целую? — спрашивает Саша.

— Приятно.

— А когда Галя тебя целует, тебе приятно?

— Приятно, — отвечаю я между делом и довольно безмятежно, не подозревая, что за этим последует.

— А когда папа тебя целует, тебе приятно? — Я оглядываюсь как затравленный зверь, потому что народу кругом довольно много и все смеются.

— Построй-ка мне лучше домик, — говорю я.

— А когда дядя Сережа (один из присутствующих, малознакомый мужчина и чужой гость) тебя целует — тебе приятно?

И с чего она взяла, боже мой?

* * *

От Валентины Николаевны пришло письмо. Вот что она пишет о Галке:

«Для меня она просто ребенок, избалованный, своевольный и очень неорганизованный в своем ребячьем быту. Но я на нее пожаловаться не могу. Мы с ней запанибрата, меня она слушается, охотно берется за всякую работу, конечно, мелочную, но все у нее получается быстро, стремительно и часто вместо помощи она бедокурит. Во всех случаях она меня слушается, привыкла мыть шею утром, вечером ноги, чистить зубы, а волосы заплетаем в косы и завязываем впереди, что к ней идет, и она каждый день щупает их — не потолстели ли за ночь. Дружна и общительна со всеми, но играет преимущественно с маленькими, а со взрослыми детьми почему-то вздорит, вероятно, не желает терять своего авторитета.

Очень сообразительна. Пока мы были в Ленинграде, она попросила меня показать ей, как шьют на ножной машине, и,

представь себе, что то, что не давалось Лие до 16-ти лет, она освоила (движение машины) за час и самостоятельно строчила тряпочку. Также освоила вязание крючком, на что было затрачено больше времени, но и это преодолено, и она взялась вязать себе косыночку. Она очень сообразительна и настойчива в своих желаниях, очень деятельна. Она уже загорела, очень свежо и весело выглядит, ест хорошо и все, что даю. Спорит из-за молока, предпочитая простоквашу, и бегает целый день без оглядки вокруг дома, к соседям, к приятелям, и не обижайтесь на нее, она по-детски вспоминает вас всех только тогда, когда недовольна мною: тогда сразу садится писать письмо, но не жалуется — это значит, что она сознает свою неправоту».

14 июля 46.

Саша ежедневно доводит меня до исступления одним и тем же вопросом:

— Мама, кого ты больше любишь — меня или Галю?

— Одинаково, — отвечаю я.

— Одинаково не любят, — говорит Саша.

25 июля 46.

Саша:

— Мама, дай, пожалуйста, попить!

— Сейчас…

— Мама, если ты не дашь мне пить, я улечу, как та кукушка.

Я молчу. Тогда Саша усиливает впечатление:

— Приедет папа, — говорит она, — и скажет: «Фрида, где Саша?» А ты что скажешь?

— Я скажу, что ты улетела.

— А он что скажет?

Чувствуя, что я даже предположить затрудняюсь, что скажет папа Шура, Саша спешит мне на выручку:

— Не бойся, я прилечу и превращусь опять в маленькую хорошенькую девочку.

* * *

Саша и Сева собирают малину. Оба одновременно увидели одну и ту же ягоду и поссорились: каждый хотел ее сорвать.

Я стала стыдить их за жадность.

Через полчаса они снова встретились в малиннике, и Саша ежеминутно рапортовала мне: «Мама, я нашла ягоду и отдала ее Севе. Мама, Сева нашел две ягоды и отдал мне. Мама, я найду

три ягоды и отдам ему».

* * *

Саша:

— Мама, у меня по руке ползет какой-то босикомый.

* * *

Мальчик Шура (драчун и забияка) говорит:

— Я мальчишек во дворе не боюсь. Я говорю им: «Только троньте меня, вам же хуже будет!»

Саша:

— А почему им будет хуже?

— А если они меня побьют, я пойду к их родителям и скажу: «Ваши дети меня побили!»

Саша, спокойно:

— А они скажут: «Правильно сделали».

Саша и Сева.

1 августа 46.

Выдумала новую игру и очень любит ее:

— Мама, будем играть, как будто ты мне незнакомая. Спроси: «Девочка, как тебя зовут?»

— Девочка, — послушно говорю я, — как тебя зовут?

— Фаничка! — отвечает Саша.

— А фамилия твоя?

— Фамилия моя… фамилия моя… Моя фамилия — Крошкина! Я знаю ваших дочек. Вашу младшую дочку зовут Сашенька Раскина, а старшую — Галя Кулаковская. Я с ними познакомилась. Мы с ними играем… Мама, ну спроси же меня

еще!

Я спрашиваю, она отвечает, не забывая обращаться ко мне на «вы». Но в ответах своих не изобретательна. Всегда отвечает одно и то же. Правда, что и я задаю одни и те же вопросы.

* * *

Мальчик Шура часто обижает ее: толкнет, осыпет песком, выругается. И Саша страстно уповает на Галин приезд.

— Вот, — кричит она, — приедет моя сестричка Галочка. Она старше тебя, вы померяетесь, и ты увидишь, что она старше тебя, она большая, она не позволит тебе меня обижать, она тебя побьет. Я ей скажу, как ты меня обижал, она тебе покажет!

В последнее время часто вспоминает про Галю: «Мама, когда же приедет Галочка? Я хочу ее видеть, я по ней скучаю!»

* * *

Саша:

— Мама, ты едешь в Москву на четверг?[22]

— Да.

Саша укоризненно:

— Но ведь папа тебе не разрешает?

* * *

— Я своего дедушку называю папа Аба, потому что дедушка Аба — это нескладно.

* * *

— Мама, ты едешь в четверг? Передай привет… Передай привет кому-нибудь! Передай кому-нибудь привет!

4 августа 46.

Саша прислушивается к моему разговору с Верой. Верочка рассказывает, как Женя поссорилась с Котей, как Котя, сказав: «Не провожайте, сам дойду», ушел. Саша слушает внимательно и когда Верочка кончает, спрашивает:

— А кот был ваш?

Ей и в голову не пришло, что Котя — это мальчик. Она решила, что это обыкновенный кот, и ничуть не удивилась, что он разговаривает. Ей только было любопытно узнать — чей он?

12 августа 46.

Саша добросовестно отчитывается перед соседями:

— Что делает папа? — спрашивают ее.

— Стоит! — отвечает она правдиво.

— Где?

— На полу.

* * *

Вчера один из гостей долго улещивал Сашу, уговаривал стать его дочкой. Чего он ей только ни обещал — и шоколад размером в метр, и тьму игрушек, и двух братцев. Но она осталась непреклонна: «Какие родители у меня родились, с тоими я и останусь».

* * *

Я уже писала об этом: не терпит в сказках ничего печального, ничего грустного. «Ну вот, — говорит она с тревогой, — теперь ты начнешь рассказывать, как старушку съели волки, или как мальчик попал под трамвай. Очень тебя прошу: не говори зло, не говори обидно, не говори плохо. Не надо, чтоб мальчик попал под трамвай».

* * *

Соня рассказывала Саше сказку:

— И говорит солнце тучам: «Уходите, тучи!..»

В Сашиной передаче это звучит так:

— И солнце говорит тучам: «Уходите, тучи, а то как дам!»

15 августа 46.

— Мама, я видела у Женички грудного ребенка, он плакал изо всех сил. Они купили его на рынке за три рубля.

20 августа 46.

Приехала из Ленинграда Галка. Накануне нам позвонили, что

за неимением других попутчиков ее отправили с проводником. Когда поезд подходил, мы с Шурой отыскали шестой вагон, и идя (бежа?) рядом, спросили у проводницы:

— Едет тут девочка?

— Едет, едет.

— Одна?

— Нет, с каким-то гражданином.

Потом выскочила Галка — большая, румяная, с какими-то косичками. Чуть не сбила меня с ног, стала обнимать, целовать, причитая:

— Мамочка, миленькая, мамочка, миленькая!

И без всякого перехода:

— Я буду жить с тобой!

На вопрос: «С кем ты приехала?» ответила без запинки: «С молодым поэтом!»

Потом вышел молодой поэт, похвалил Галю за послушание во время дороги, мы его поблагодарили, распрощались и тут же поехали на дачу.

К дому Галя подошла одна — ей очень хотелось самой убедиться, узнает ли ее Саша. Подойдя к крыльцу, она подозвала Севу:

— Скажи, пожалуйста, Саше, что ее зовет какая-то чужая девочка.

Сева доложил, на крыльцо своей ленивой походкой вышла Саша, но, увидев Галю, с криком повисла у нее на шее и уже через минуту шептала ей на ухо: «Ты Севе дай конфетку, а Шуре не давай, он драчун и один раз засыпал мне глаза песком».

Галка привезла Саше — утерпела! — конфет и персиков. «Один, — призналась она, — я съела в вагоне, а остальные привезла тебе и Саше».

Галка стала гораздо спокойнее, хорошо играет с Сашей, заботится о ней; очень внимательна к своим нарядам и прическе; каждое утро дебатируется одна и та же проклятая проблема — как лучше: две косички с прямым пробором, одна косичка без пробора, или косой пробор с бантом? Опять же: что надеть — белую кофточку с серым сарафаном, красную кофточку с юбкой или украинский костюм?

Если с костюмом что-нибудь не ладится, Галя впадает в черную меланхолию, надувает губы и хмурится. Огорчение ее так глубоко и так искренне, что у меня нет сил посмеяться над ней.

«Я очень по тебе соскучилась», — говорит она мне по нескольку раз в день. А один раз пояснила:

— По тебе, по маме Соне, по папе Абе, по Сашке — одинаково. А потом по Шуре и по Фане.

В чемодане у нее я нашла чудесное платье, новый серый сарафан, белую батистовую блузку — всё дело рук Валентины Николаевны.

Первые три дня Галя звала меня: «Бабушка!».

* * *

Кто ведет себя с неслыханным похабством — это Сашка. Колотит детей, пристает ко всем. К няне Поле относится просто с издевкой; а когда Поля ругает ее, на Сашином лице — откровенная усмешка: и не подумайте, будто я стану вас слушаться!

Огорчают ее только мои выговоры, но и тут всё кончается ничем:

— Любишь! Любишь! — кричит Саша истерически.

— Нет, не люблю, потому что ты не слушаешься, замахнулась на тетю Полю, не хочешь мыть руки.

— Я больше не буду, а ты меня любишь, любишь, любишь! — продолжаются вопли.

А потом всё начинается снова.

За обедом часами сидит за супом, второе норовит схватить руками. Часто подозрительно осведомляется:

— А мне огурчика оставила? А мяса мне оставила? А мармелад мне не забыла оставить?

К тому же она склочница, сплетница и любит ябедничать:

— Тетя Рона, ваш Шура ругается! Галя, побей Севу, он отнял у меня игрушки! Мама, скажи Гале, что она ко мне пристает?

Но вообще она просто пухнет от гордости и всем хвастливо сообщает:

— Вы знаете мою сестричку Галочку? Она всех старше, у нее беленькие волосики, а глазки карие.

21 августа 46.

Саша:

— Мама, мы играем, и Шурик абсолютно никого не обижает: ни меня, ни Севу, ни Галю, ни себя, — никого!

Она же:

— Мама, купи нам такого мальчика, как Шурик, только не такого грубого.

* * *

Саша:
— Чур, моя мама!
Минутное замешательство и потом Галкин вопль:
— А голова мамина — чур, моя!

* * *

Саша, о маленьких ножницах:
— Мам, эти ножницы — грудные?

25 августа 46.
Ника была случайной свидетельницей такого разговора:
Саша, детям:
— Я разрушу ваш домик!
Галя:
— Не смей, я скажу маме.
Саша:
— Тогда я скажу папе, что ты меня ударила!

Тогда вмешалась Ника, спросив у детей, ударяла ли Галя Сашу. Все хором сказали — нет. Тогда Саша со слезами стала повторять:

— Нет, ударила, нет, ударила! Я скажу папе, и он мне поверит. Он мне поверит, а не Гале.

Это очень серьезно, очень тревожно. Но как всегда — не знаю, что нужно сделать. Для серьезного разговора на эту тему Саша слишком глупа еще. Отшлепать — она не поймет, за что. Простой выговор («Нехорошо говорить неправду, никто не поверит девочке, если она говорит неправду») не произведет на нее никакого впечатления.

Сказать: «Прости меня, я больше никогда не буду!» ей ничего не стоит.

21 сентября 46.
Саша придумала новое слово. Она сказала:

— Мама, я не забуду того, что ты мне говоришь, я не такая *забудка*, как Галя.

* * *

Я, по телефону:
— Я выеду в четыре!
Саша, по обыкновению с воплем:

— Нет, нет, ты не в четыре, а в пять поедешь!

Галя, иронически:

— Ребенок, знавший арифметику…

В этом замечании усматриваю тлетворное влияние Шуриного остроумия.

* * *

Саша:

— Мама, ты что, не слышишь? У тебя что, уш нету?

22 сентября 46.

Галя ходит в новую школу. Попала к молодой учительнице. Как остроумно заметил С. А. Гуревич[23], с точки зрения журналистской это хорошо, с точки зрения материнской — очень плохо.

Неопытная. Ребята едва научились узнавать подлежащее и сказуемое, а она уже требует, чтобы они находили сказуемое в безличном предложении, сказуемое, выраженное прилагательным, наречием и т. д.

Бестактная. Я послала ей записку, в которой просила посадить Галю ближе к доске, так как у нее после кори было осложнение на ухо, и она не совсем хорошо слышит. Прочитав записку, учительница сказала Гале: «Пусть мать принесет справку от врача».

Не знаю, как там с педагогической точки зрения, но, по-моему, нельзя давать ребенку понять, что не веришь его матери.

Потом: учительница все время требовала, чтобы Гале сшили коричневую форму. Пришлось покориться. Мама Соня купила коричневой шерсти и сама сшила чудесное платье. Галя полетела в школу как на крыльях, гордая и счастливая. Вернувшись смущенная, сказала:

— Чудна́я у нас Ирина Николаевна. Сама велела шить форму, а сама не радуется.

* * *

На днях было так:

— Шура, — сказала, я подхалимским голосом: — Мне очень хочется сегодня встретиться с Юшей, она здесь проездом. Я уйду часа на полтора.

— Ни в коем случае! — воскликнул Шура, так как Саша

чувствовала себя не совсем хорошо.

— Очень тебя прошу, — продолжала я. — Там меня ждут, я обещала, я просила папу Абу побыть с детьми. Очень тебя прошу.

Секунду мы препирались — очень мягко, без воплей. И вдруг видим, лицо у Гали исказилось, и она начала плакать:

— Я хочу, — объяснила она мне потом сквозь слезы, — чтобы Шура тебя отпускал и чтобы ты ходила куда хочешь.

А Саша, услышав, что я ухожу, завопила:

— Нет, нет, не уходи! Не уходи! Завтра пойдешь, сегодня не ходи!

Таково соотношение сил в нашем семействе.

* * *

Саша, играя, говорит сама с собой:

— Здравствуйте, Петр Иванович! Как ваше желание? Живание? Как вы живете? Как ваши дети?

* * *

Я обращаюсь с детьми несдержанно, много кричу, сержусь из-за пустяков. Сашку — ту даже шлепаю. Самую малость, правда.

* * *

Саша стоит на кончике кровати.

— Упадешь! — предостерегаю я трижды.

— Не упаду! — отвечает она и, конечно, падает. Видимо, ушиблась не очень — не плачет.

Я говорю:

— Так тебе и надо!

Тогда Саша начинает судорожно рыдать, забивается в угол кровати и, когда я подхожу к ней, плача, говорит:

— Нет, нет, уходи, ты меня не пожалела, ты меня не пожалела — уходи.

* * *

Саша:

— До свиданья, счастливо, пока, всего хорошего! Передайте

привет тому, к кому идете!

* * *

Саша:
— Какое странное говорение!

* * *

— Мама, это было давно? *Лет назад*?

* * *

Галя читает «Детство Никиты».

* * *

Саша раскладывает кубики и поет: «Тихо — окаянский флот!»

24 сентября 46.

Сегодня утром Галя нипочем не хотела вставать, хотя вчера легла рано. Я долго не могла добиться — в чем дело. Наконец Галя объяснила. Вчера учительница, увидев у нее в руках линейку, заподозрила ее в том, что она делала домашнее задание в классе (подчеркивала подлежащее и сказуемое). Галя объяснила, что вынула линейку по просьбе соседки. Ирина Николаевна не поверила и сказала:

— Девочки, кто видел, как Кулаковская подчеркивала в классе?

Какая-то девица подняла руку, и учительница поставила Гале в журнале двойку.

Галя, конечно, сказала правду: я видела, как она делала уроки и как подчеркивала эти злополучные подлежащие. Да если бы и не видела, поверила бы: что-что, а врать она не врет.

Галя. Сентябрь 1946 года.

28 сентября 46.

Саша:

— Мама, наше масло русское[24], значит, оно воевает с немцами?

29 сентября 46.

Саше часто — в трамвае, на бульваре — задают один и тот же вопрос: «Почему у тебя глазки такие черные? Они у тебя грязные, ты их не моешь?»

До сих пор Саша силилась как-то оправдаться: «Нет, — говорила она, — я моюсь, я купаюсь, я их с мылом мою!» — и ссылалась на меня: вот, мол, она может подтвердить.

Сегодня я имела удовольствие слышать, как Саша энергично парировала попытки посмеяться над ней и ее чернотой.

Место действия — Патриаршие пруды. Лавочка.

Сосед по лавочке:

— Девочка, почему это ты такая черная?

Саша, независимо:

— Трубы чистила.

Посмеявшись, сосед продолжает:

— Нет, — говорит он, — наверное, не поэтому. Наверное, у тебя родители такие черные. Кто же у тебя черный — папа или мама?

Саша:

— Бабушка!

Сосед:

— Ты все шутишь, а ты мне правду скажи!

Саша:

— Отвечать больше не буду!

* * *

В Галином задачнике оказалась нерешимая задача, с ошибкой. Мы с Галей этого не знали, долго бились над ней и, наконец, отчаявшись, обратились к Шуре. Конечно, не решил и он. И теперь утверждает, что Галя дает ему решать задачки, которых не решил бы и Пифагор даже в самых лучших своих штанах.

4 октября 46.

Галя пришла из школы и, по обыкновению, села за уроки. Потом обратилась ко мне с просьбой помочь: надо выдумать задачу по данной в задачнике схеме.

— Ну, придумывай, — говорю.

— Я не знаю, не умею, — ноющим голосом отвечает Галя.

Я было взяла карандаш в руки и бойко стала выдумывать, но, к счастью, вовремя опомнилась:

— Нет, — говорю, — придумывай сама, а я буду только помогать.

Галя поныла, похныкала и вдруг вполне спокойно и убежденно сказала:

— Ты потому не стала выдумывать, что сама не знаешь, как нужно делать.

Тут я почувствовала сильнейший приступ бешенства и стала говорить (очень громко…) разные слова, и напомнила ей, что нет у меня привычки утверждать, будто я знаю и умею, если не знаю и не умею. Галя начала плакать, плакала долго, громко, ходила из угла в угол, я ходила тоже, только в другом направлении, и продолжала говорить всякое, в том числе была сказана даже и такая, в сущности, подлая фраза:

— И знаешь, езжай обратно на Сретенку. Там тебе будет легче, и уж, конечно, там за тебя станут выдумывать и решать задачки.

Галя заплакала еще громче, а потом сказала:

— Я больше не буду.

— Чего ты не будешь? Решать задачки не будешь?

Что-то похожее на улыбку, снова слезы и опять:

— Я больше не буду.

Потом мы одну задачу выдумали вместе, потом она выдумала задачу сама, потом я ушла, сказав, чтобы она решила примеры самостоятельно и, уж разумеется, чисто и правильно. Она горячо обещала сделать так, как я прошу. По всем педагогическим и журналистским законам она должна была выполнить уроки как следует, чтобы доставить мне удовольствие. Вернувшись, я увидела, что все это не так просто: в тетрадке было много помарок и два примера решены неправильно. Обидно…

11 октября 46.

Сегодня Галя вернулась из школы на полтора часа позднее обычного. Мы уже стали даже волноваться. И вот приходит Галя и рассказывает следующее:

— У нас случилась ужасная вещь. Обещай, что никому не расскажешь. Ужасно подлый случай. Понимаешь, недалеко от меня сидит девочка Моисеенко. У нее есть часы. И вот на первом уроке она смотрела на часы, чтоб узнать, сколько времени осталось до звонка. А на втором уроке Ирина Николаевна спрашивает у нее: «Моисеенко, который час?» Моисеенко смотрит и видит: часов нет! Стала искать: в парте, под партой, в портфеле — нет часов! Тогда Ирина Николаевна стала обыскивать портфели — и у меня посмотрели. Опять нет часов. Тогда Ирина Николаевна говорит: «Девочки, лучше сознайтесь! Тогда я ругать не стану, а если не сознаетесь, милиция все равно узнает, кто взял, и родителям придется оплатить штраф, и уж, конечно, их

вышлют из Москвы, куда-нибудь далеко». Потом она пошла за Ольгой Сергеевной, директором, а девочкам велела сидеть на месте. А девочка, которая сидит с Моисеенко, взяла тряпку и вышла из класса. Приходит Ирина Николаевна с директором и спрашивает: «Где Обухова?» И вот входит Обухова. Ей говорят: «Ты зачем выходила, если велели сидеть на месте?» Она отвечает: «Я хотела намочить тряпку, чтобы стереть с доски». Зачем стирать с доски, если доска и так чистая? И теперь, конечно, все думают на Обухову. А Ольга Сергеевна сказала: «Лучше сознайтесь, а то сейчас придет из милиции ищейка и может загрызть ту, которая взяла часы». А потом нас отпустили, хотя Обухова и не призналась.

13 октября 46.

Саша разговаривает сама с собой:

— Самое страшное, когда воруют маленьких детей. Они маленькие и могут испугаться. И какая же мать согласится отдать своего родного ребенка?

* * *

Галка на воскресенье ездит на Сретенку. В прошлый раз она вернулась огорченная: рассердившись на нее, Вова назвал ее «гитлериха».

* * *

Саша утверждает, что мы жили в Мамонтовке на улице «Здоровый бык». (Поселок назывался «Здоровый быт».)

19 октября 46.

— Мама, я не как кукушкины дети, я тебе помогаю, да? — говорит Саша.

Разговаривает она очень чисто, но некоторые слова давно уже и упорно перевирает: разгудили (разбудили), светочек (цветочек), пугоровичка (пуговичка).

21 октября 46.

Саша:

— Мама, ведь правда — у каждого человека есть или дочка, или сын, или собачка. Правда? Правильно я говорю?

24 октября 46.

На днях было обнаружено, что Саша умеет читать. Я написала «Оля». Саша сказала: «О-л-я, а вместе Оля!»

Тогда я написала «Маша», «Нюра», «Галя» и другие имена. Она все исправно прочла, осилила даже такие имена, как «Наташа» и «Тамара». Каждый день умоляет:

— Пожалуйста, позаймись со мной азбукой.

Занятие это заключается в том, что я пишу легкие слова (лоб, суп и имена), а она читает. Иногда происходят конфузы. Так Саша прочла по буквам *Б-а-б-у-ш-к-а*…

— Ну а вместе?

Саша, подумав:

— А вместе *Петруша*.

26 октября 46.

Видя, что я собралась уходить, Саша спрашивает, вернее утверждает:

— А мне — слушаться тетю Нюру и не мешать Гале?!

Запись А. Б.

Это потому, что я всегда завещаю сие, уходя. Папа.

(А. Б.)

Саша:

— Мама, есть такие люди, которые никогда не умирают?

27 октября 46.

Я пишу. Галя читает. Шура заперся в своей комнате. Все заняты. Саша изнемогает: — Мама, — говорит она, — скука идет.

Послонявшись некоторое время по комнате, она говорит мне:

— Мама, перестань работать. Папа работает, вот ему и дадут за это денежки. Зачем же ты работаешь? Нам хватит папиных денег.

Я молчу, продолжая работать.

Отчаявшись, Саша направляется к Гале:

— Галочка, — произносит она умоляющим голосом, — позаймись со мной, пожалуйста.

28 октября 46.

Саша:

— Мама, попроси, чтоб нас превратили, чтоб мы не умирали. Очень не хочется умирать. Кто это может сделать?

— Никто не может.

— Ну, тогда попроси Сталина, он может. Ты знаешь, где он живет? В Кремле. Вот поезжай туда.

29 октября 46.

Обычно, готовя уроки, Галя обращается ко мне с разными вопросами, а иногда и злоупотребляет этим. На днях она пришла и, раскладывая учебники, заявила:

— Только ты мне, пожалуйста, ничем не помогай. Ирина Николаевна велела сделать домашнее задание на отдельном листочке и совершенно самостоятельно, это будет вроде контрольной.

Через полчаса я заглянула ей через плечо, она предостерегающе подняла руку, а когда я попыталась что-то сказать, снова повторила:

— Пожалуйста, ничего не говори, я ведь тебе объяснила, почему.

Мне было это очень приятно. Правдивая девочка.

В письме к бабушке Вале она писала: «С Сашей живем дружно, только иногда деремся».

5 ноября 46.

Я задаю Саше загадки:

— Что это такое: сто одежек, а все без застежек?

— Не знаю, — огорчается Саша.

— А два конца, два кольца, посередине гвоздик — это что такое?

Саша почти в отчаянии и требует реванша:

— Вот я тебе задам. Маленьких кубиков много, а больших нет совсем, — что это такое?

— ?!

Саша, торжествующе:

— Это — бедный человек!.. А что это такое: похоже на штучку, а все-таки не штучка?

— ?!

— Это — почти штучка!

* * *

— Мама, кто главнее — Сталин или Чуковский? — спрашивает Саша.

6 ноября 46.

— Мам, смотри, я знаю уже 25 английских слов, я совсем как настоящая англичиха. Мама, спроси у меня, люблю ли я немцев, а я отвечу тебе «ноу» (no), спроси, люблю ли я Галю и я отвечу «ес»

(yes)!

* * *

— Мама, отгадай загадку: живет не в аквариуме, а все-таки в реке, в водичке — кто это?

— Не знаю. Рыбки, может быть?

— Нет! Это РАК! (Торжествующе.)

В минуту может выдумать до 135 загадок. Очень радуется, что никто не в состоянии отгадать.

* * *

Галя ложится спать, я сижу за столом и работаю.

Я:

— Повернись к стенке.

Галя:

— Нет, я буду лежать и смотреть на тебя. Ты мне нравишься. Все-таки ты красивая. (!)

* * *

Галя уже несколько раз сообщала мне, что собирается стать писательницей.

7 ноября 46.

С утра Саша рвется на демонстрацию. Но на улице мокро, а калош у Саши нет.

* * *

Саша:

— Мама, я так люблю тебя, что ни за кого замуж не выйду, только за тебя.

* * *

Саша, возвращаясь с прогулки:

— Мама, я прочла на афише слово концерт. И Москва. И социализм.

* * *

Соня Фингер играет с Сашей и Галей «в школу».

— Саша Раскина, — говорит она педагогическим голосом. — Каких животных ты знаешь?

Саша, добросовестно, стараясь не пропустить ни одного из известных ей представителей фауны, отвечает:

— Козел… козленок… корова… лошадь… газели… А карусели — это тоже животное?[25]

15 ноября 46.

Итак, я, надеюсь, в последний раз, перевела Галю в новую, 175-ю (очень опасную) школу[26]. Весь переулок перед школой запружен машинами. Опасное место! Это скверно. Но я стараюсь об этом не думать. Самое важное — очень хороша учительница. Мягкая, ласковая, зовет девочек по именам. Галя уверяет меня, что она очень веселая и во время уроков много шутит. Это тоже приятно. Я это люблю.

Немолодое, но красивое лицо, красивого рисунка губы и совсем седые волосы. Я ее побаиваюсь, но она мне нравится. На днях зайду и порасспрошу насчет Галки, не отстала ли она?

21 ноября 46.

Вчера к нам приходил Корней Иванович. У Саши был испуганно счастливый вид, до сих пор она хоть и расспрашивала о Чуковском, но, кажется мне, не очень-то верила, что он существует. Поэтому вчера она дотрагивалась до него осторожно, а смотрела почти набожно и взобраться на колени осмелилась только под конец. Напоследок она совсем распоясалась и даже задавала Корнею Ивановичу загадки:

— Что это такое: зимой и летом — одним цветом?

— Платье, — деликатно говорит Корней Иванович.

Хохот, визг, восторг — Галка радуется не меньше, чем Саша.

— Занавеска? — спрашивает Корней Иванович.

— Ничего вы не догадались!! А вот догадайтесь полегче, я сама придумала, что такое: красивое, начинается на «сы».

— Самовар?

— Нет!

— Собака?

— Нет!

— Что же это?!

— Светок! (Цветок.)

Корней Иванович тоже был на высоте: жонглировал стульями, тарелками, куклами. «Мойдодыра» он читал на такой манер:

— Я хочу напиться молока,
К самовару подхожу,
Но пузатый от него
Убежал, как от воды.

Это привело Сашу в отчаяние, она долго убеждала Корнея Ивановича, что он читает неправильно, объясняла, как надо читать, удивлялась:

— Ведь вы же сами написали, как же вы забыли? Или, может быть, вы не Чуковский?

Сегодня я спросила:

— Понравился тебе Корней Иванович?

Она ответила кратко, но выразительно:

— Ура!

* * *

Учительница у Галки несомненно очень хорошая. Три мелочи:

1. Зовет девочек по именам.
2. Во время перемены не уходит в учительскую.
3. На уроках много шутит.

Как Анна Ивановна.

* * *

— Галя, тебя в школе сегодня спрашивали?

— Нет. Евгения Карловна обвела глазами класс, бросила взгляд и на меня, но не спросила.

28 ноября 46.

Саша живет бурной интеллектуальной жизнью, и от этого всем плохо, потому что никому нет покою.

— Мама, а как зовется маленький волк?

— Волчонок.

— А маленький медведь?

— Медвежонок.

— Значит, абажур — абажурёнок, стол — столёнок, стул — стулёнок? Мама, а ты была маленькой? А Евгения Карловна была маленькая? А дядя Морис был маленький? А нищие были маленькие? А немцы были маленькие? Разве плохие люди тоже

были маленькие? А стол был маленький? А стул был маленький?..

— Мама, почитай мне! Папа, почитай мне! Тетя Нюра, почитайте мне!

* * *

Шура говорит Саше:

— Цыц!

— А что такое цыц? — спрашивает Саша.

— Это значит — тише!

— Это по-английски?

* * *

Саша:

— Мама, почему так много плохих людей на свете: баба Яга, немцы, Бармалей?

4 декабря 46.

Саша:

— Мама, люби меня больше, чем Галю. Посмотри: она сосет палец, в школе ей поставили тройку… Она грубая… Люби меня, пожалуйста, больше.

* * *

Мы с Сашей пришли в школу за Галей. Сидим в вестибюле, ждем. Саша оглядывается, осматривается. Находит глазами плакат и читает по слогам: «Учиться, учиться, учиться!» и спрашивает:

— Мама, что это их так уговаривают учиться?

* * *

Вчера были на именинах у Паши. На прощанье я сказала имениннику:

— До свидания, Паша, поцелуемся.

— Только не с тобой! — воскликнул он и тут же заключил в объятия Сашу.

Очень у него это темпераментно получилось.

Ему исполнилось пять лет. Он был потрясен количеством подарков, шумом, кричал, дрался, но всё в каком-то упоении, без злости.

* * *

Саша с падежами не в ладу. Она говорит: «Я тебя люблю, как я могу тебя не любить, у меня же не шесть матерь?»

Она же: «Четыре детей».

9 декабря 46.

Саша, задумчиво:

— Мама, почему так смешно получается: сначала человека нет. Потом он родится. Потом его опять нет: умирает. Правда, почему так?

* * *

Мама Соня возила Галю в кино смотреть «Мастера сцены». Там первые акты из «Царя Федора», «Вишневого сада», «На дне». Девочка все поняла. Особенно проникновенно и с большим сочувствием рассказывает о «Царе Федоре»:

— А под конец зазвонили колокола в церкви, и он говорит своей жене таким жалким, усталым голосом: «Иринушка, не пойду я к обедне, ведь это не такой уж большой грех, правда? А пойду я в свою опочиваленку…»

* * *

Галя:

— Мама, моя соседка Гольденблат Рита потеряла свою ручку и говорит: «Это ты взяла». Я ей отвечаю: «Прежде чем говорить, поищи хорошенько». Она поискала и нашла под партой и все-таки стоит на своем: «Это ты взяла, а потом бросила!» Евгения Карловна услышала и страшно на нее накричала. Она сказала: «Как ты смеешь так оскорблять человека?»

Тут Галя смеется. Я удивленно смотрю на нее. Тогда она поясняет с веселым изумлением:

— Человек! Это я — человек!

9 декабря 46.

Галя, возвращаясь со Сретенки:

— Хорошо они живут! Всего много! Сухари… Конфеты… Колбаса…

Я, осторожно:

— Может, поедешь туда жить?

Галя, спокойно:

— Ни в коем случае.

18 декабря 46.

Шура любит спрашивать: «Сашенька, у тебя что-нибудь болит?»

На этот вопрос Саша имеет в запасе сотни разнообразнейших ответов. К примеру:

Шура:

— У тебя болит что-нибудь, Сашенька?

Саша, подумав:

— Нет, ничего не болит. Кроме уха.

Шура (в ужасе):

— А ухо?!

Саша:

— А ухо тоже не болит.

В другой раз она ответила:

— Ничего не болит… Кроме сердца, конечно…

* * *

Галя рассуждает вслух:

— Мама, посмотри: я в той школе получала одни тройки и редко-редко четверки. А тут четверки и пятерки. Почему так? Мне приятно здесь учиться. Мне в этой школе учиться и труднее, и легче. Как ты думаешь, почему? Я думаю потому, что здесь лучше учат: всё успевает осесть в голове. А потом Евгения Карловна — это не то, что Ирина Николаевна. Евгения Карловна — очень хорошая. Ты знаешь, если кто из девочек заболеет, она к ним домой ходит. Она обо всех так заботится, так огорчается, если кто заболеет. Очень она мне нравится. Ты знаешь, у нее очень много улыбок. Когда девочки с ней прощаются, она каждой улыбается — на всех хватает, и еще остается.

* * *

Галя:

— Когда мне что-нибудь из еды не нравится, я вспоминаю про Ташкент, и у меня тогда всё проскакивает, всё кажется хорошим.

* * *

Саша, услышав фразу «Погибла моя очередь», произносит: «Не говорите о смерти!»

23 декабря 46.

— Саша, у тебя болит что-нибудь?

— Сердце, живот и два бока.

* * *

Саша очень часто говорит о смерти, и это просто страшно. Как-то вечером, ложась спать, она плакала и приговаривала: «Зачем люди умирают? Живут, живут, а потом умирают. Вот Гуля Королева[27] умерла, Зоя [*Космодемьянская.* — А. Р.] умерла, Галин папа Шура умер. Мне жалко. Мне всех людей жалко, и чужих жалко — зачем они умирают?

* * *

Саша:

— Мама, как бабы-ягино отчество и фамилия?

* * *

— Мама, а почему ты не пошла на фронт?

— Потому что ты была маленькая!

— Тебе было жалко меня оставлять?

— Да.

— Но ведь были папа Шура и бабушка Оля?

— Но ведь тебя надо было кормить молоком, а оно было только у меня.

— Но ведь Ольга Львовна тоже женщина, у нее тоже есть грудь, почему же она меня не могла кормить молоком? Я думаю, что ты могла пойти на фронт. Немцев надо было всех убить. А ты ведь видишь, что их много живых осталось. [*Всегда в таких*

случаях Ф. А объясняла девочкам либо про разницу между немцами и фашистами, либо что «нет плохих народов, а есть только плохие люди» и т. п. (См., например, запись от 13 мая 1945 года.) Но в дневничках свою реакцию нередко оставляла за кадром. — А. Р.]

* * *

Сегодня я ворчала на Нюру [Няня. — А. Р.]. Саша слушала с внимательным и строгим выражением лица. И сказала:

— Мама, тетя Нюра не для того к нам приехала, чтобы ее ругали. Я даже слушать не хочу.

Было мне после этих слов неловко и совестно.

1 января 47.

К детям приходил дед-Мороз. Саше он подарил кукольную кроватку. Нюра сшила перинку, подушки, простыню и одеяльце.

Гале пожалована фарфоровая кукла ростом в 50 см в пестром шелковом платье. В чулки были положены конфеты и мандаринка. Проснувшись поутру, Саша была подавлена всем увиденным. Галя отнеслась к подаркам более трезво, но тоже очень радовалась.

Сегодня девочки ходили на елку к Вове. Принесли мне оттуда яблоки, мандаринку и грецких орехов — мне приятно, что девочки про меня не забыли. Галя всегда делится со мной всем, чем бы ее ни угостили. Саша — только тогда, когда ей кто-нибудь напомнит. Но если Шура ее угощает, она всегда спрашивает:

— А маме?

* * *

Пожелания учительнице:

«Дорогая Евгения Карловна! Поздравляю Вас с Новым и счастливым годом! Желаю Вам долго и счастливо жить и работать. Дорогая Евгения Карловна, я учусь уже в 3-й школе, а такой как Вы учительницы не встречала! Еще раз желаю Вам долгой и счастливой жизни».

* * *

Сейчас Галя проснулась и стала полусонным голосом

излагать, что было у Вовы на елке:

— Понимаешь, Вова нарядился дедом-морозом, пришел с бородой, с палкой и стал держать речь — о чем бы ты думала?! О том, как надо слушаться старших, не противоречить им, помогать! Одна тетя даже спросила его: «А сам-то ты, дедушка, выполняешь всё это?» Он не ответил, конечно. А Саша вела себя так: только сели за стол, она хвать большой кусок сыра с тарелки, надкусила и бросила обратно! Я, конечно, выудила этот сыр и положила ей на тарелку и заставила съесть.

* * *

Способ разговаривать у Гали вырабатывается Шурин — раскинский. Она говорит: «Я сжала губы и с победоносным видом посмотрела вокруг». Употребляет причастные и деепричастные обороты, длинные периоды со всякими там «который», «несмотря на то…» и пр.

4 января 47.

На днях Галя сказала:

— Знаешь, мама, я все-таки не верю в то, что папу убили. Я когда иду по улице, то вглядываюсь в лица встречных военных — думаю, вдруг он?

* * *

Няня Нюра читает «Ад» Данте. Со страхом спрашивает меня:

— Фрида Абрамовна, это все правда, что здесь написано?

* * *

Я говорю Саше:

— Если папа спросит, где я, скажи: пошла погулять.

Саша:

— А на *самом* деле?

6 января 47.

Саша читает книги с карандашом в руках и исправно ставит две точки в словах «елка», «еще». А в словах «его», «никого» — меняет «г» на «в»:

— Это ошибка в книге, — говорит она. — Надо писать «ево»,

а не «его», что такое «его» — это неправильно!

* * *

На елке вела себя препохабно. Пыталась отколотить каждого, кто прежде ее отгадывал загадку. Вопила: «Не хочу картошки, хочу мяса!» и без спроса брала себе из вазы мандарины.

15 января 47.

Шура заподозрил Сашу в том, что она откусила кусочек от его конфеты.

— Я не кусала! — кричала Саша, пылая благородным негодованием. — Я не кусала! Разве я могу так ровно откусить? Если б я говорила неправду, я покраснела бы! А я не покраснела! И я не могла бы так ровно откусить! И я бы покраснела! А я не покраснела!

* * *

На днях, отпуская ее гулять с Соней Ф., я говорила Саше:

— Только, пожалуйста, ничего не клянчи у тети Сони. Дай слово, что не будешь ничего просить.

— Даю честное слово.

— И мандаринки не будешь просить?

— Не буду!

— И если увидишь воздушные шары — не будешь?

— Не буду.

Потом Соня рассказывала: идут они по улице, навстречу продавец с мандаринами. Саша отвернулась и произнесла: «Ну их к черту, эти мандарины!»

24 января 47.

Галя:

— Саша, кого ты любишь больше всех на свете?

Саша:

— Папы нет, поэтому можно сказать — маму! А ты кого?

— Маму и папу.

— Какого папу?

— Своего.

— Но ведь твой папа… не буду говорить, а то ты заплачешь. А моего папу Шуру, который тебе вместо папы, — ты любишь?

— Люблю.

Мама Фрида (слева), когда ей было 10 лет.

2 февраля 47.

Был у Саши в гостях двоюродный брат Вика (2 года 9 месяцев). Она хватала его за руки, за ноги, за голову, словно хотела убедиться — настоящий ли он. Смотрела на него внимательно, с любопытством, заявила, между прочим, что у него

«не мужчинское имя». Потом вдруг спросила:

— А как выходят замуж?

На что Вика исчерпывающе ответил:

— Далеко…

Вика Раскин со своей мамой (1947 г.).

3 февраля 47.

Саша:

— Мама, Галя моему папе ведь падчерица, а почему же он ее любит?

(Это всё народные русские сказки!)

* * *

Саша мается:

— Ну как же выходят замуж? Вика говорит, что далеко. Но как, как? Галя, скажи, как выходят замуж?

Галя (неохотно отрываясь от книги):

— Замуж? Очень просто. Встретятся, полюбят друг друга, поцелуются, на радостях попируют, вина попьют. Вот и получается — вышли замуж.

4 февраля 47.

Шура, не без намека, прочел Саше такие стихи: «Красная рубашка, синие штаны, никому плохие дети не нужны».

Уязвленная, Саша придумала в ответ:

Синяя рубаха,
Карые *(произношение няни Нюры)* штаны,
Никому плохие
Мужчинцы не нужны.

Жарким шепотом говорила мне на ухо: «Как ты думаешь, папа догадается, что это — про него?»

* * *

Галя часто говорит о том, что будет писательницей. (Я говорила то же самое, когда мне было 9 лет.) На днях я нашла листок, на котором сверху было крупно выведено: «Пожар!» Насколько я могу судить, задумано, так сказать, большое полотно.

«Как-то летом стояла засуха, везде валялся (волялся) сухой мусор. У одного помещика (помещека) была хорошая усадьба. Сторожил ее сторож. И вот, в полночь, сторожу стало жутко и холодно. Он решил закурить. Сторож закурил папиросу и от нее упала искра. Но сторож ничего не видел. Он спал. Вдруг забили в колокол. Это запоздалый прохожий увидал пожар. Сбежалась молодежь (без мягкого знака). Подоспела скорая помощь, сторожа

увезли…»

На этом рукопись обрывается.

* * *

Когда кто-нибудь приходит в гости, обе девочки словно с цепи срываются: орут, пристают, жалуются друг на друга: «Мама, Галя палец сосет!», «Мама, Саша ябедничает!», «Мама, Галя меня обзывает!», «Она сама меня обзывает!»

Отлупить их не могу — совестно перед гостем.

Попрошу тихим голосом — умолкнут на минуту, и снова.

Сейчас, вечером, когда Саша уже улеглась, я долго беседовала с Галей по всем этим поводам. Она смотрит довольно-таки недоумевающим взглядом и, кажется, искренно ничего не понимает.

10 февраля 47.

В квартире одна девушка по имени Мила избила свою старую тетку. Было много суматохи, звонили в милицию — Анисья Ивановна сидела у нас и плакала. Сегодня утром Саша проснулась, по обыкновению пришла ко мне, полежала немного, а потом задумчиво сказала:

— Мила — фашист!

Очень правильно.

* * *

Шура принес детям калейдоскоп. Первое, о чем спросила Саша, рассмотрев игрушку: «А как это можно испортить?»

У пушкиниста И. Л. Фейнберга Саша спросила (видя его благожелательное к ней отношение):

— Я вам нравлюсь, что ли?

Спросила без тени кокетства, очень просто и, видимо, с одной целью: установить истину.

* * *

Саша:

— Мама, ты не сердись, я хочу тебя спросить: чего ты выпучила глаза?

19 февраля 47.

Саша:

— Пирожные — это дети торта.

Она же:

— Папа, братья у всех бывают или только у хороших людей?

Читает уже довольно бегло.

* * *

Саша:

— Мама, подойди, я скажу тебе по секрету: я непременно буду волшебницей. И пусть папа не беспокоится, я сделаю так, что он снова станет хорошо видеть. Только ты пока ему ничего не говори.

22 февраля 47.

Уже неделя, как у Саши болит ушко. Извелась, плачет, плохо спит.

Шура прочел ей сказку об Оле-Лукойе. Теперь все мысли, все вопросы — о нем.

Саша:

— Мама, мне сегодня снился странный сон. Я лежу, лежу и вдруг мне снится, что вокруг земли — какой-то золотой песочек и все, даже маленький ребенок, а не только Оле-Лукойе, может так наколдовать, чтоб его можно было есть. И меня одна старушка угостила этой землей. И она была вкусная, как яблоко.

* * *

Саша:

— Мама, папа принес мне яблоко, и я хочу дать тебе половину: я же не какой-нибудь немец, чтоб ни с кем не делиться!

23 февраля 47.

Галя, возвратившись из школы, еще с порога:

— Мама, какое у тебя настроение? Если плохое, то станет хорошее. Была городская контрольная по арифметике, и я получила 5. Нам эти тетради не выдают, но я сказала Евгении Карловне: «Знаете, какое бы ни было у мамы хорошее настроение, если я приношу двойку, или тройку, у нее становится плохое настроение. Какое бы у нее ни было плохое настроение, если я приношу пятерку, у нее становится хорошее настроение. Поэтому

мне очень хочется показать ей тетрадку. Конечно, она мне и так верит, но ей будет приятно посмотреть». И Евгения Карловна сказала: «Правильно!» и дала мне тетрадку. Вот, можешь посмотреть!

24 февраля 47.

Когда я болела, Саша подходила к телефону, давала справки о моем здоровье, а потом, повесив трубку, говорила: «Тебе велели кланяться!» и кланялась низко-низко, почти до самого полу.

Саша — мастер телефонного разговора. На все вопросы отвечает исчерпывающе. К примеру: «Папа пошел в “Новый мир”, мама купает старшего ребенка, а с вами говорит младшая дочь Саша».

Или: «Папа в “Литературной газете”, мама ушла в редакцию, Галя читает книгу, а тетя Нюра ставит пироги».

Поэтому, когда Шуре позже снова звонили из Мосфильма, то прежде всего спросили: «Как пироги?»

* * *

Саша:

— Мама, у зверей, у животных тоже 5 пальцев? А у фашистов неужели же, как у людей, — 5 пальцев?

Интересно, как она представляет себе фашистов?! Вроде Бармалея, вероятно.

25 февраля 47.

Галя гуляла — на Патриарших прудах, каталась на санках и подвернула себе ногу. Услышав, что это помешает ей завтра пойти в школу, отчаянно расплакалась. Шуру это безмерно удивило: он считает, что мечта каждого нормального ребенка не ходить в школу.

Вчера Саше было очень плохо. У нее болело ухо, она плакала. И, между прочим, жаловалась на то, что у Гали есть своя колыбельная, а у нее, у Саши — нет [*А. И. Кулаковский, Галин папа, сочинял для нее песенки, в частности, колыбельную, где припев был: «Ты каковская? Кулаковская. Значит, спи».* — А. Р.]. Несчастный Шура, который готов был на всё, чтобы утешить ее, тут же сел за письменный стол и немедленно накатал песню (на мотив Моцартовской «Колыбельной»), где есть такие строки:

Галя свой палец сосет,
Мамочке спать не дает.

Саша, скорей засыпай.
Сашенька, детка, бай-бай.

Галя немедленно парировала удар, сочинив такие строки:

Шура ночами не спит.
За Сашей с тревогой следит,
Как тихо она засыпает,
Как она плавно вздыхает.

Это довольно точно: Шура ложится не раньше четырех утра, так как считает необходимым наблюдать за тем, как… спит Саша.

Саша тоже вступилась за Галю, переделав две строчки на другой лад:

Галя палец не сосет,
Маме спать она дает.

* * *

— Галя, почему у тебя лицо и руки в чернилах?
— Это я думала над задачкой.

* * *

Страстно мечтает о том, чтобы ее приняли в пионерки.

26 февраля 47.

Утром у Гали отчаянно разболелась нога, она плакала, стонала, жаловалась. Был врач, сказал, что вернется через несколько часов и поставит гипс.

Очень не везет: уши, ноги.

27 февраля 47.

Вчерашний день был ужасен: Галя мучилась с утра до вечера. В 5 ей поставили гипс, но боль не прекратилась. Бедняга пыталась уснуть, начинала сосать свой излюбленный палец, но и он не помогал. Часам к десяти вечера вызвали неотложку. Оказалось, что гипс был наложен слишком туго и чересчур высоко. Перебинтовали, положили пузырь со льдом, и Галя мгновенно

уснула, блаженно повторяя: «Умный старый доктор!»

А доктор действительно был старый-старый, лысый, полуслепой и глухой. Но дело свое сделал ловко, быстро, все время приговаривая: «Не кричи, не кричи, помни, что удел женщины страдать и терпеть, а ты маленькая женщина… не кричи, говорю… Всё ваши спорты… или как их там… физкультуры… Гм… врачи… гипса наложить не сумели… Ну, о школе, голубчик, пока забудь… Как? Хочешь в школу? Гм… А мы из гимназии бегали… да, бегали… Скажите, пожалуйста, в школу хочет!..»

Фамилия умного старого доктора — Боголюбов.

* * *

На днях я сказала:

— Самое большое удовольствие в жизни — спать.

Галя со мной спорила:

— Нет, самое большое удовольствие в жизни — учиться… и получать пятерки…

* * *

Про Шуру в андерсеновской сказке «Аисты» я нашла очень точные слова: «Неподалеку от гнезда, вытянувшись в струнку и поджав под себя одну ногу, стоял сам аист-отец; *ногу он поджимал, чтобы не стоять на часах слишком уж с большим комфортом*».

* * *

У Гали нашли косой перелом малой берцовой кости.

3 марта 47.

Саша:

— Мама, если Золушка так уставала от работы, то почему она не уезжала в отпуск?

* * *

Вчера приходил профессор и установил, что Саша здорова.

Проверяя Сашин слух, он шепотом говорил ей: 18… 21…

Саша смущенно улыбалась и молчала, видимо, боясь ошибиться. Тогда умный папа Шура посоветовал доктору:

— Скажите что-нибудь вкусное…

— Яблоко, — прошептал профессор.

— Ой, яблоко! — воскликнула Саша.

Профессор:

— Конфетка.

Саша, с нежностью в голосе:

— Конфетка!

Исправно повторила: «ветчина», «селедка» и прочее.

Не ожидая от профессора ничего доброго, Саша сказала при встрече с ним:

— Мне сразу вся жизнь надоела!

6 марта 47.

Саша:

— Мама, а на улице бывает душно?

— Бывает, летом, когда очень жарко.

— А как же тогда проветривают? Улицу как проветривают?

23 марта 47.

Стенографически зафиксированный диалог папы Абы с папой Шурой:

Папа Аба:

— Как здоровье Сашеньки?

Папа Шура, взволнованно, с тревогой:

— Она два раза чихнула!

Папа Аба, философически:

— Что ж, скажите ей: «На здоровье!»

* * *

Саша:

— Вот мне будет семь — и я пойду в школу… Вот мне 18 — и я уже студентка… Вот мне 20 — и замуж пора!

* * *

— Мама, я в чернила не лезла, а руки у меня синие — что за чудеса!!!

— Мама, зачем только на свете есть врачи, и зачем только

люди болеют?!

— Мама, вот этот писатель Евгений Чарушин, который написал «Волчишко», — он живой?

— Живой.

— И счастливый?

— Счастливый, наверное.

— Вот хорошо!

(Саша долго горевала, узнав, что Пушкин, Ершов, Ушинский — умерли.)

28 марта 47.

Саша была совершенно подавлена, узнав, что Буш, написавший такую веселую историю про Плиха и Плюха — немец. Долго не могла примириться с этим обстоятельством.

Сегодня же она спросила:

— Мама, «Ганс» — это ведь немецкое имя?

— Немецкое!

Саша, испуганно:

— А как же тогда Ганс Христиан Андерсен?

Видно, отдать немцам Андерсена и Оле-Лукойе она была просто не в состоянии.

31 марта 47.

Саша:

— Мама, младших сыновей, видно, всегда зовут Иванами. И только очень редко Емелями…

5 апреля 47.

Саша:

— Мама, я слышала, как ты раз сказала, что с детьми жить тяжело. Мне это было неприятно слышать.

(В голосе — упрек.)

7 апреля 47.

Саша распевает странную песню, уверяет, будто сама сочинила ее:

Пошли в домоуправленья,
Нужна заявленья!
Выпили водки,
Соскочили с лодки!

18 апреля 47.

Прочитав у Андерсена, что сын жабы говорит: «Коакс-коакс-

брекекекекс», Саша спросила: «Это — по-жабски?»

19 апреля 47.

Саша:

— Папа, почему снег белый?

Шура:

— Потому что Я так хочу.

27 апреля 47.

Саша:

— Мама, вор, немец, разбойник — это одно и то же?

28 апреля 47.

Галя вступила в пионеры. Уже за несколько дней до этого весь дом до Шуры включительно был охвачен безумием: белая кофта! Синяя юбка! Обязательно две косы! Белые ленты!

Легко сказать — две косы, если и одну-то трудно устроить при таком количестве волос. Однако сделали. И кофту сообразили, и юбку. Кроме того, Галя заявила, что все мамы должны написать для вступающих в пионеры характеристики. При этом одна мама была поймана на жульничестве: она написала, будто ее дочка Рита — образец всех добродетелей: послушна, опрятна, правдива, вежлива и т. д. Оказалось, что все это не так. И просто даже — всё наоборот. Всё это Галя рассказывала с волнением и удивлением, потому как хорошо понимала, что я характеристику, полную вымышленных достоинств, не напишу ни при каких обстоятельствах.

Галя взволнованно шагала по комнате, пока я сочиняла такую характеристику:

«У Гали есть много хороших черт в характере. Она очень правдива: я верю каждому ее слову и знаю, что она никогда не обманывает.

Галя отзывчива и добра и всегда поделится всем, что у нее есть.

Галя любит книгу, много читает. Она честно относится к своим обязанностям. За три года ни разу не опоздала в школу и даже во время своей болезни не переставала заниматься.

Однако у Гали много недостатков — и очень серьезных. Она бывает резка и даже груба со взрослыми. На днях она так небрежно, так грубо говорила со своей бабушкой, что я не могу без стыда вспомнить об этом.

Потом, и, по-моему, это тоже очень серьезный недостаток: у Гали нет силы воли, нет твердости в характере, она не умеет преодолевать препятствия. Если ей что-нибудь не удается, она

огорчается, сердится и бросает начатое дело».

Галя прочла и молча положила в конверт.

Вернувшись из школы, была очень счастливая. Не сняв пальто, схватила свой форменный передник, отпорола звездочку и прикрепила пионерский значок.

10 мая 47.

На днях к нам пришел папа Аба. Он был очень усталый, прилег на диван и уснул. Саша посидела около него, а потом вдруг вскочила, побежала к своему столику, схватила флажок, ленту, вернулась к папе и стала тихонько помахивать флажком около его лица. Потом лентой, потом снова флажком.

Я спросила:

— Зачем ты это делаешь?

Она ответила:

— Я показываю ему сны.

* * *

Саша:

— Мама, муха какая счастливая… Она летать может… А мы нет…

Саша:

— Мама, от петуха, так же, как и от козла, пользы нет никакой?

В день рождения Сашу повели на Никитский бульвар сниматься: там уже ждала Соня Лаписова[28] с Петрушей и фотоаппаратом.

Саша и Петруша Пророков. 16 мая 1947 г.

22 мая 47.

Я прихожу домой замученная и голодная.

— Хочу есть! — говорю я.

— Тетя Анися! — вопит Саша. — Мама хочет есть, дайте ей обедать!

— Вот ты и дай, — отвечает Анисья Матвеевна. — Ты дочка.

— А вы — помогательница! — возражает Саша, которой, к счастью, еще неизвестны дурацкие слова «домработница», «прислуга». [*Как мы видим, няню Нюру сменила Анисья Матвеевна. Домашние работницы менялись часто. Обычно это были женщины, бежавшие из колхозов от голода. Устроившись и оглядевшись, они, бывало, находили работу, где давали общежитие, или — очень частый случай у нас — выходили замуж.* — А. Р.]

* * *

Саша пробует слова на вкус:

— Снегирь… — шепчет она. — Снегирь… А детки его — снегирьки, снегирятки, снегурки… Дочка снегиря — снегурка… Снегурочка…

23 мая 47.

— Саша, папа работает — не бегай!

— Саша, папа работает — не стучи!

— Оставь мяч! Папа работает!

— Папа работает — не топай!

Саша, робко:

— А дышать мне можно?

* * *

Саша:

— Мама, милая, как я тебя люблю, как обожаю… Какая ты моя радость… Я так тебя люблю, что и рассказать нельзя… Я тебя очень, очень-очень-очень-очень-очень обожаю-обожаю-обожаю! Обожаю!

И замолкает, пораженная, понимая, что слова они, в сущности, бессильны и сколько ни произноси, ничего ими не выразишь.

11 июня мы переехали на дачу.

* * *

Саша:

— Мама, смотри, какую Галя устроила сегодня обманию: вышла за калитку и кричит: «Мама приехала!» Я побежала, а тебя

нет, а Галя стала дразниться: «Оглядка, соленая пятка!»

* * *

— Мама, Галя всё дразнится… Я всё думаю — как бы мне ей ответить? Я буду кричать: «Галка-палка-кишка — никому не нужна!»

* * *

Саша:

— Мама, дорогая, я тебя никогда не покину!

Говорит это почти со слезами. Что она имеет в виду — для меня темно.

18 июня 47.

Возвратилась домой поздно, нашла Сашу уже в кровати.

— Мама, присядь ко мне, я тебя поцелую. Ты Галю уже видела?

— Да.

— Она тебя поцеловала?

— Нет.

— А обняла?

— Нет.

— Вот видишь.

Пауза — и потом:

— Мама, кого ты больше любишь — меня или Галю?

— Одинаково.

Саша, уныло:

— Мама, ну люби меня больше, хотя бы вот на сто-о-о-лечко!

* * *

Галя занимается английским. Иногда силится обращаться ко мне по-английски.

На днях Галя встретила меня и по дороге с возмущением рассказывала:

— Знаешь, я решила со Славой не водиться. Ты подумай, какой он. Я ему говорю, что дружу с Шуриком, а он презрительно спрашивает: «Это сын молочницы?» — Я говорю: «Да!» А он насмешливо засвистел. По-моему, это гадость.

— Может, он не насмешливо засвистел, а просто так? — робко говорю я.

— Нет, я уж знаю, как он свистел. По-моему, это просто отвратительно.

11 июля 47. Дача.

Вчера Галя ходила вместе с Севой и Никой [*Севина мама.* — А. Р.] в лес. Ушла в 8 утра, вернулась в 4 дня — смертельно усталая и голодная: они, оказывается, долго блуждали, не могли найти дорогу, переходили какую-то речку вброд и совсем заплутались.

— Но, — сказала Галя, — зато у меня есть о чем написать: как я гуляла, как заблудилась, как нашлась, как собирала ягоды и цветы.

— Цветы-то совсем увяли, — сказала я.

— А их надо поставить в свежую воду, — ответила Галя. — Это для них будет то же самое, что искусственное дыхание для не совсем мертвого человека.

* * *

Сосед по даче, трёхлетний Марк («Марик — язви его комарик!» — зовет его Шура) заехал Саше кулаком по лицу, попал в рот и оцарапал ногтями десну. Она очень огорчилась, а потом резюмировала:

— Хотел стать моряком, а получился немцем.

Марик зовётся у нас еще «кошмарик», что очень точно определяет его характер и поведение — крикун, драчун, ябедник, приставала и лицемер.

На днях я спросила его: «Почему ты так много плачешь?».

Он ответил: «Я ведь маленький».

* * *

Шура прилег на кровать, Саша села рядом с ним и стала рассказывать сказку: «Жил был царь… Было у него три сына… Вот царь и говорит: “А не дурно бы купить радио?!” Вот пошел его сын в магазин и спрашивает: “Сколько стоит радио?” Ему отвечают: “Три рубля!” Вот он купил и помчался домой. Идет и думает: “Хорошо, что я радио купил…”»

По ходу действия хлопает Шуру по животу.

12 июля 47.

Саша сидела рядом со мной и долго рассказывала мне, какой Сева плохой. И потом, без всякого перехода:

— Ну, я пойду к Севе.

Я очень удивилась:

— Зачем же ты к нему идешь, если он такой плохой?

Саша ответила:

— Не могу же я без дружбы сидеть всю жизнь? Я без дружбы не могу даже четыре часа!

19 июля 47.

Саша подвержена приступам самобичевания. Вот я вижу — она ударяет себя по руке.

— Зачем это ты? — спрашиваю я.

— Я потому бью себя, — отвечает Саша меланхолически, — я потому бью себя, что я очень плохая. А если я плохая, значит и рука моя плохая.

— Чем же ты такая плохая?

— Я замахиваюсь на тетю Анисю. Я толкала Марика. И потом я хочу пойти на другое житьё.

«Другое житьё» — это Сашин козырь. Когда она обижена, она тотчас заявляет, что пойдет «на другое житьё».

* * *

На днях Шура застал Сашу на стройке, куда ей строго-настрого запрещалось ходить, потому что там ничего не стоит провалиться в яму или в колодец. Шура схватил Сашу за руку и поволок домой. Саша покорно шла, хотя превосходно понимала, что её ожидает. Завидев меня, она кинулась ко мне и зашептала:

— Мамочка, пожалуйста, очень тебя прошу, скажи папе, пусть шлепает меня в комнате, а не на улице.

Но в комнате спал дядя Боря, и поэтому Шура вытолкал несчастную Сашу на открытую террасу, где и отшлепал ее очень сильно. Она попыталась сдержать слезы, но потом все же стала рыдать со своими обычными в этих случаях судорогами. Я тоже заплакала. Тогда Саша сквозь слезы стала спрашивать: «А ты почему плачешь?». Я ответила: «Потому что ты такая плохая». (Не могла же я сознаться, что мне жаль ее!)

Она не переспрашивала и не возразила, но очень хорошо поняла, что плачу я совсем не поэтому.

Шура окинул нас презрительным взглядом и ушел, хлопнув дверью. А Саша села ко мне на колени. Я ее не утешала, но она

чувствовала, что мне ее очень жалко, хотя ходить на стройку ей не нужно было, конечно.

* * *

Галя не замечает времени, живет просто как во сне, с упоением. С утра она мчится к своей школьной подруге Тане Белостоцкой. Там они играют, читают, носятся по участку, строят какие-то шалаши. К двум она прибегает домой, ест и снова порывается удрать к Тане, к Севе, к Марине, к кому-нибудь.

Читает гораздо меньше, чем в городе, но все, что читает, записывает в тетрадь по схеме, которую дала им, прежде чем распустить на каникулы, Евгения Карловна: автор, название, главные действующие лица и отрывок, который больше всего в книге понравился. Отрывки, выписанные Галей, очень любопытны.

Первой записана книга Кассиля «Великое противостояние». Процитировано место, где Кассиль рассказывает о том, как Сима узнает о смерти Расщепея. Из «Тихой бухты» Нагишкина выписан пейзаж, из «Голубой чашки» Гайдара такое место: «Ну, что?! — забирая с собой сонного котенка, спросила меня хитрая Светлана. — А разве теперь у нас жизнь плохая?

Поднялись и мы.

Золотая луна сияла над нашим садом. Прогремел и скрылся далекий поезд. Прогудел и скрылся в тучах полуночный летчик. А жизнь, товарищи… была совсем хорошая!»

Из книги Рысса «Девочка ищет отца» выписана встреча Лены с отцом. Прочитав в Галиной тетради это место, я подумала, что узнала о Гале больше, чем могла бы узнать из самого подробного разговора с ней:

«— Лена! — сказал генерал и повторил: — Лена!

Лена стояла, открыв рот, не в силах сказать ни слова. Слезы текли по ее лицу, и губы вздрагивали. Генерал опустил голову и сразу стал как-то гораздо меньше ростом. Коля увидал, что у генерала Рогачева тоже дрожат губы, он хотел что-то сказать и не мог. Рогачев сделал шаг вперед, подхватил Лену на руки и, повернувшись, быстро пошел с нею в штаб».

А из «Тимура» выписано следующее:

«— Будь спокоен! — отряхиваясь от раздумья, сказала Тимуру Ольга. — Ты о людях всегда думал, и они тебе отплатят тем же.

Тимур поднял голову. Ах, и тут, и тут, не мог он ответить иначе, этот простой и милый мальчишка. Он окинул взглядом товарищей, улыбнулся и сказал: — Я стою… Я смотрю… Всем

хорошо! Все спокойны. Значит, и я спокоен тоже!»

Автор «Путешествий Гулливера» записан как «Свист».

24 июля 47.

Соня читает Саше «Русские сказки».

Соня:

— Ну вот, а теперь почитаем про сестрицу Аленушку и братца Иванушку.

Саша:

— Нет, не надо: там про горе.

Соня, противница еврейского (оранжерейного) и сторонница спартанского воспитания:

— Ну что же, надо и про горе читать.

Саша, покорно:

— Правильно, надо привыкать.

Саша, которая так близко принимает к сердцу все, что происходит с добрыми, смелыми героями сказок и рассказов, поразила меня полным и глубоким равнодушием к горестям, которые постигают отрицательных персонажей.

Я читала ей сказку «Терёшечка». Терёшечка попал к ведьме. Ведьма велела своей дочери Аленке зажарить его. «А сама пошла на раздобытки». Но Терёшечка ухитрился затолкать в печь Аленку, а сам удрал.

«Прибежала ведьма, открыла печь, *вытащила оттуда свою дочь Аленку, съела, кости обглодала*», — у меня просто мурашки по телу забегали, а Саша даже глазом не моргнула. Но если какая-нибудь опасность грозит ее любимому герою, она выходит из себя — ерзает, приговаривает: «Ой-ой», плачет или просто отказывается слушать.

— Плохой конец, плохой конец, не хочу! — вопила она, услышав, что дуровскую свинью Чушку-Финтифлюшку собирается разорвать медведь. А к страданиям несчастной Аленки осталась равнодушна.

Родители Ф. А. Абрам Григорьевич и Софья Борисовна Вигдоровы («папа Аба» и «мама Соня»).

Брат Ф. А. Исаак Абрамович Вигдоров (Изя) в гостях на даче. Дети (справа налево): Галя, Саша и сосед по даче Шурик. Июль 1947 года.

И. А. Вигдоров с отцом Абрамом Григорьевичем, невестой Машей и племянницей Сашей. Лето 1947 года.

3 августа 47.

— Трогательная книга, — говорю я, дочитав «Далекие годы» [*Автобиографическая повесть К. Паустовского.* — А. Р.].

— А кто ее трогает? — спрашивает Саша.

Мы с Галей смеемся.

— Ну, а ты как понимаешь это слово? — спрашиваю я Галю.

— Трогательная — это значит грустная. И это значит, что она трогает все внутри. — И Галя показала рукой на сердце.

* * *

Галя хорошо катается на велосипеде — настоящем, большом, двухколесном.

20 августа 47.

Галя, лукаво-торжествующим голосом:

— Мама, я хочу предложить тебе один вопрос. Хочу предложить тебе выгодную сделку. Что бы ты выбрала: 16 корзин с самыми вкусными вещами или нас, своих двоих детей?

У них с Таней бесконечные разговоры на эту тему: что бы ты выбрала — красивое платье, 10 пирожных или 5 книг? Что бы ты выбрала: велосипед, библиотеку с самыми лучшими книгами или все игрушки, какие только есть на свете?

Галя во всех вариантах неукоснительно выбирает книги и не может устоять только перед велосипедом.

* * *

Сейчас идет дождик. На террасе собрались дети — играют.

Сначала тянут жребий — кто мама? Бумажку со словом «мама» вытягивает Таня. Потом начинается спор — кто дети?

— Дети — я, Саша, Сева, Марина и вот эта кукла, — говорит Галя.

— Пять детей? — в ужасе восклицает Таня.

— Ну что ж, — мать-героиня, — спокойно отвечает Галя.

— Ну давайте начинать домашнюю жизнь! — кричит она.

И начинается: болен ребенок, по телефону вызывают врача, врач спрашивает адрес и не забывает осведомиться, есть ли лифт, а потом сердится на то, что лифт не работает. Ходят на рынок,

готовят обед, едут на автомобиле, с автомобилем — авария, задавили двоих детей, на сцену является милиционер — и всё в таком же роде, безумно и однообразно.

Саша, конечно же, играет роль больного ребенка. На вопросы врача отвечает пространно и с видимым удовольствием. Ей ставят банки из белых шашек, и она очень волнуется, вскрикивает и в какой-то миг готова заплакать по-настоящему.

Девочка Марина зимой долго лежала в больнице. Поэтому она свободно оперирует словами «главврач», «пенициллин», «укол в вену» и т. д.

* * *

Галя читает Диккенса. Соединенными усилиями Галя и мама Соня превратили англосакса Давида Копперфильда в обыкновенного еврея: мама Соня говорит «Гопперфильд», а Галя зовет его «Давыд».

Иногда, по вечерам, когда Саша уже спит, я читаю Гале вслух. На днях мне попалась глава, где рассказывается о смерти матери Давида. Я не могла удержаться от слез, и конец главы мы должны были прочитать про себя. Прочли, помолчали. Потом Галя сказала:

— Мы с тобой умрем вместе, в один день.

* * *

Саша:

— Мама, маленьких детей всегда любят больше, чем больших. Но ты нас с Галей любишь одинаково потому, что у нее нет папы?

13 сентября 47.

Саша чутко прислушивается ко всем моим разговорам с Галей. Если услышит, что я Галю ругаю, тотчас же спрашивает (чаще шепотом):

— Ну, а теперь ты тоже любишь нас одинаково?

14 сентября 47.

Вчера был мутный и тяжелый день. Шура работал. А Галя и Саша мешали ему — шумели, смеялись, дразнили друг друга. Они так же вели себя и позавчера, когда я была в Звенигороде. Вчера я поговорила с Галей серьезно, без раздражения. И через

полчаса они снова верещали и смеялись, как ни в чем не бывало.

Мне кажется, я в 10 лет была поумнее и не шумела, если меня об этом просили. А, может, на расстоянии двадцати лет все кажется иначе? Но отвечала она с какой-то наглостью и, по-моему, хорошо понимала, что возражения ее нелепы.

— А зачем, — говорила она, — Шура поступал на писательскую работу, если он не умеет писать при шуме? А почему ты, когда работаешь, не обращаешь внимания на то, что мы шумим? Что же нам — сидеть и не двигаться?

И все в таком же тоне. Отвечать разумно было трудно. Очень хотелось отшлепать.

Чтоб прекратить дебаты и дать все же Шуре закончить работу, уволокла обеих на Патриаршие пруды…

Ф. А. с Галей и Сашей. Патриаршие пруды. Осень 1947 г.

19 сентября 47.

Я удивляюсь ответу на задачу, говорю:

— Что-то очень нелепо.

Галя:

— Так ведь это задача!

Я:

— Что ж, по-твоему, раз задача, значит, в ней могут быть нелепые ответы?

Галя:

— Ну конечно! В задаче, например, пишется, что кило яблок стоит 4 рубля — что же, по-твоему, это правда?

* * *

Галя читает вслух задачу, в которой надо вычислить, сколько сена поедают козы. Анисья Матвеевна слушает-слушает, а потом с сердцем говорит: «И зачем только такие задачи выдумывают! Сколько надо козе, столько она и съест!»

* * *

Саша:

— Галя, что бы ты выбрала: корзину с яблоками или меня?

Галя:

— Как когда!

Саша, торжественно, с дрожью в голосе:

— А я бы *всегда* выбрала тебя! Мама, правильно я говорю?

* * *

Мы с Сашей гуляем. Я прикасаюсь к ее носу и говорю:

— Совсем холодный!

Саша отвечает с возмущением:

— Ты что, папа? Только он щупает нос.

* * *

Саша сама додумалась до существования антонимов. Она сказала: «Мама, вот, например, говорят: это мягкое, а должно быть твердое. А как сказать про гладкое?»

Я не поняла. Тогда она продолжала: «Вот говорят: плохое, а надо, чтоб хорошее. А как сказать про гладкое?»

— Шершавое? — сказала я неуверенно, а потом стала задавать вопросы: — Глупый?

Саша:

— Умный!
Я:
— Чистый?
Саша:
— Грязный!
Я:
— Горе?
Саша:
— Радость!
Я поправляю:
— Счастье!
Она настаивает:
— Можно и радость!

Как Саша ходила в Зоопарк
(Водил Шура, он пусть и пишет)
Запись А. Б.

Сегодня мы ходили с Сашей в зоопарк. Саша была в каком-то упоении. Сколько зверей и птиц сразу! И все живые! И рыбки! И белые медведи очень смешные. И обезьянки! И слоны, около которых мы стояли особенно долго. На них можно смотреть, как на море, — сколько угодно. Мы укрылись от дождя в павильон с рыбьим народом и долго стояли возле аквариумов. Напоследок мы зашли ко льву. Лев был большой и в дурном настроении. Вероятно, в отличие от М. Исаковского, ему нужна была Африка [*В песне на слова М. Исаковского «Летят перелетные птицы» говорится: «Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна».* — А. Р.]. Так или иначе, но он грозно ревел и кидался на решетку. Решетка дрожала. Зрелище было внушительное. И вдруг крошечная Сашка смело подскочила к самой клетке и, к полному восторгу окружающих, страшно накричала на скандалиста. Смысл и текст были, примерно, такие:

«Ты что кричишь? Никто тебя не боится! Подумаешь, раскричался! Перестань сейчас же! Я кому говорю!.. Ты что, фашист, что ли?»

Сашка и лев дружно рычали некоторое время, потом я ее уволок. Но она еще долго возмущалась скверным поведением льва. Вот тут я понял, что в жизни у нее будет много неприятностей.

Потом мы пошли в молочное кафе: булочка и простокваша произвели на нее огромное впечатление. Дождя она просто не замечала. Так мы ходили с ней *первый раз* в Зоопарк. И мне было грустно: не меня, а я уже вожу сюда большую и смешную дочку.

(А. Б.)

27 сентября 47.

Саша:

— Мама, что бы ты выбрала: меня с Галей или корзину с пирожными?

Я:

— Зачем ты задаешь глупые вопросы? Ну что бы ты выбрала: корзину с пирожными или меня?

Саша, горячо:

— Конечно, тебя! Я *даже папу* выбрала бы, а не пирожные!

18 октября 47.

Галя находит на карте Тихий океан.

— А где шумный океан? — спрашивает Саша.

4 ноября 47.

Саша:

— Мне потому папа не разрешает держать в руках иголку, что эта иголка может попасть мне в сердце.

* * *

Саша:

— Бабушка Валя, расскажи мне какую-нибудь правду.

(Т. е. не сказку, а быль.)

5 ноября 47.

Случайно я увидела у Галки в мешочке 150 р. «Что это?» — спросила я. — «Это Танины, они находятся у меня на хранении». Я велела немедленно вернуть деньги и никогда не брать на хранение чужих капиталов.

Позавчера я водила Галю к друзьям на Беговую купаться[29]. Возвращались мы в 6 часов — у троллейбуса толпилась огромная очередь. Мы тоже встали. Прошло 10 минут. 20. Полчаса. Сесть не удавалось. Галка после ванны мерзла, я беспокоилась, что она простудится. Маршрутные такси пролетали одно за другим, а сесть на них мы не могли, т. к. у меня было всего 3 р. Я вслух пожалела об этом.

Пропустив 10 троллейбусов, мы кое-как втиснулись в одиннадцатый. Приехав домой, Галя тотчас села делать уроки. Когда она вынимала из портфеля книги, я увидела все тот же мешочек.

— Покажи! — сказала я.

— Не надо! — умоляюще попросила Галя.

Я настояла, посмотрела. Там были те же 150 рублей.

— Почему ты не отдала их, как я велела?

Молчание.

— Чьи это деньги?

— Мои и Танины.

— Почему ты мне соврала? Наконец, почему ты не сказала, что у тебя есть деньги, когда мы мерзли на троллейбусной остановке?

Слезы. Так, по-моему, плачут виноватые, без оправданий, горько.

Я не стала ничего выяснять, но погрузилась в отчаяние. Прилегла и стала думать о том, что все кончено. Уж чём в чём, а в том, что Галя правдива, я была уверена. Когда, например, по утрам звонят и спрашивают Шуру, а Шура еще спит, мы говорим иногда, что его нет дома. Галя категорически отказывается следовать нашему примеру. «Я вся дрожу, когда надо врать, я не хочу!» — объяснила она.

Так я лежала и думала: воспитывай не воспитывай, а толку все равно не будет.

А когда пришел Шура, оказалось, что он все знает. Галя по секрету копит деньги для праздничного подарка мне. Собирает вместе с Таней, Таня тоже хочет сделать матери подарок к празднику. Папе Абе поручено купить две самопишущих ручки, которые и будут преподнесены нам 7-го ноября.

— Эх ты! — сказал Шура.

— Эх ты! — сказал папа Аба, когда узнал обо всем происшедшем.

— Почему же ты мне не сказала, что это секрет и что о нем знают папа Аба и Шура? — спросила я у Гали.

— Зачем же я стала бы тебе говорить, если ты мне не веришь? — ответила Галя.

Эх-ма!

7 ноября 47.

Галя вручила мне прекрасную самопишущую ручку.

28 ноября 47.

Я читала режиссерский сценарий американского фильма. Саша заглянула через мое плечо и бегло прочла ремарку: «Ноги его приближаются к нам. По всей вероятности, он горячо целует ее». Я засмеялась. Подумав, Саша сказала:

— Теперь я знаю, как тебя веселить. Если тебе будет грустно, я сразу скажу: «Ноги его приближаются к нам, и, по всей

вероятности, он горячо целует ее».

И действительно, стоит мне теперь задуматься или огорчиться, как Саша, заглядывая мне в глаза, произносит: «Ноги его…» Результат всегда один и тот же: я смеюсь.

* * *

Читает Саша превосходно: очень бегло, не запинаясь и даже соблюдая знаки препинания.

29 ноября 47.

Мне принесли из «Молодой Гвардии» рукопись «12-ти отважных»[30]. Велено дополнить, расширить, углубить. Так как я сама мало чего соображаю после стольких доделок и переделок, я дала рукопись Гале, попросила прочесть и посоветовать. Она прочла и написала прямо в книжке: «Больше про работу пионеров, про их тайны, про жизнь их в пещере и про их учебу в немецкой школе». Затем на полях добавила: «Про азбуку побольше» и в другом месте, в конце: «Еще немного про их жизнь».

5 декабря 47.

Хочу продемонстрировать способность Саши к логическим умозаключениям:

— Мамочка, Коля Корчмарев — сын дяди Олега?

— Да.

Длительная пауза.

Саша:

— Мамочка, Таня и Тамара — это одно и то же имя?

Я:

— Нет, это два разных имени: Таня — это Татьяна, а Тамара … Тамара.

Саша:

— Ничего не понимаю!

— Чего же ты не понимаешь?

— Колину маму зовут Таня, жену дяди Олега — Тамара. Что же, у него две жены?

* * *

Саша:

— Мама, на бульваре один мальчик посмотрел и сказал: уй,

девочка какая! Видно, я ему понравилась.

— А может, как раз не понравилась?

— Ну, тогда бы он сказал: ай, какая девчонка! А он сказал: девочка какая! Нет, я ему понравилась. Мне это очень приятно. Потому что ласковое слово.

* * *

Саша:

— Мама, возьми в моем *подстолике* воздушный шар и, пожалуйста, вывеси его за окошко.

6 декабря 47.

Саша:

— Галя, когда ты станешь большая, чего ты больше всего будешь хотеть?

Ответ Гали меня подкосил:

— Я хочу, чтобы у меня был домик — собственный. И чтоб был хороший муж и хорошие дети.

14 декабря 47.

Купила Гале физическую карту СССР. И Галя и Саша с упоением путешествуют по карте, находят реки, города, острова.

— Вот Ульяновск, вот Ульяновск! — вопит Саша. — Тут родился Ленин и жила тетя Анися! Вот Ташкент — тут я родилась! А вот остров Ямал — остров, это когда кусочек земли, а кругом вода!

Шура:

— А полуостров что такое?

Саша, после недолгого раздумья:

— А полуостров — это маленький остров!

* * *

Саша:

— Мамочка, послушай, что я прочитала про кораллы. Кораллы — это маленькие, совсем крошечные животные. Они живут в море и строят себе домики и города. А когда кораллы умирают, люди забирают эти домики себе и делают красивые вещи: брошки и бусы. Правильно я объяснила?

19 декабря 47.

Няня выходит замуж. Ей 49 лет, но она все-таки выходит замуж. Это первая славная няня за 10 лет, она же десятая по счету. И вот она выходит замуж.

У нас были няни хромые, глухие, психически больные, а также одноглазые. Анисья Матвеевна не страдала ни одним из этих недостатков и обладала многочисленными достоинствами.

Анисья Матвеевна замечательна тем, что когда ей сообщали о приходе гостей, она говорила сурово: «Полено им в лоб!», но принимала гостей всегда приветливо, а кормила вкусно.

Она известна еще тем, что в иные минуты говорила мне «ты», а однажды даже сказала: «Ты что, с ума спятила?», что я и вынесла безропотно, т. к. это единственная няня, которая давала мне обедать, а также кормила первым и вторым завтраком наравне с детьми.

Это была единственная няня, которая благосклонно относилась к Шуре и не ссорилась с ним.

Это была единственная няня, к которой благосклонно относился Шура.

Это была единственная няня, которая умела стирать, гладить и, хотя шлепала Сашу, но все же любила ее и хорошо относилась к ней и к Галке.

Кроме того, Анисья Матвеевна мужественно перенесла денежную реформу и не тужила ни об одном из своих пропавших рублей.

У нее был только один недостаток: она недолюбливала почти всех моих друзей.

И вот она выходит замуж, и ничего с этим не поделаешь.

На днях, в воскресенье пришел ее жених — представиться, познакомиться. Саша вела себя, как заправская сваха. За обедом, когда Анисья Матвеевна отлучилась в кухню за вторым, она, обращаясь к жениху, говорила:

— Видите кружевное покрывало на подушке? Это тетя Анися сама вязала. Она и кружева вяжет, и чулки. Мама говорит, у нее золотые руки. Вкусные щи? Это тетя Анися готовила. Потом она вам сейчас голубцов даст — тоже вкусные. Она хорошо готовит.

Жених сидел и улыбался. Из всех его рассказов мне больше всего запомнился один — о свинье восьми пудов весом, которую он заколол в начале войны.

20 декабря 47.

«Сочинение: Кулаковской.

Воробей (по Тургеневу).

План. Возвращение Тургенева с охоты. Птенец упал с дерева.

Сила материнской любви. И Трезор признал силу любви

матери.

Однажды Тургенев возвращался с охоты. Его собака бежала впереди. Вдруг пес замедлил шаги и стал красться. Тургенев глянул в конец аллеи и увидал молодого воробья с желтым пушком у клюва. Он со страхом хлопал едва проросшими крыльями. Собака была уже готова схватить воробушка, но тут старый воробей, сидевший на безопасной ветке, камнем бросился вниз. Собака казалась ему чудовищем. Он весь трепыхался от страха, голос совсем одичал. Он жертвовал собою, он заслонил свое детище. Трезор признал силу любви матери к птенцу и смущенный отошел. Тургенев поспешно отозвал собаку и удалился…» 5-

Галка довольно хорошо владеет словом — и устным, и письменным. Этот пересказ — не лучший, рядовой. Она говорит: «Когда что-нибудь случается, я сейчас же думаю: а как это описать?»

Свойство опасное. Это должно мешать непосредственному восприятию событий — если тут же мысленно начинаешь их литературно оформлять.

23 декабря 47.

Спрашиваю у Саши:

— Можно вытереть руки твоим полотенцем?

И слышу подлый ответ:

— А у тебя нет для меня никакой заразы?

26 декабря 47.

Я:

— Саша, скажи папе, пусть сейчас же встает.

Саша:

— Папа, мама говорит, чтобы ты сейчас же пожалуйста вставал!

27 декабря 47.

Я:

— Надо сегодня купить хлеба на два дня, ведь завтра Анисьи Матвеевны не будет.

Саша:

— А где она будет? Замужем?

28 декабря 47.

Я сижу в большой комнате, Саша и Лена играют в маленькой.

Лена, тихо:

— Саша, своруй из шкафа кусочек хлебца.

Саша:

— Зачем же я буду воровать, если я совсем не хочу быть воровкой?

Лена:

— А ты тогда не воруй, а просто возьми.

Саша:

— Тогда уж я лучше попрошу у мамы. Она даже нищим всегда дает. А один раз мы шли по улице и старушка попросила у мамы денег, а у мамы не было, и она очень огорчилась и сказала: «К сожалению, у меня ничего нет…» А если у нее есть, она всегда дает.

После этого Саша вышла из Шуриной комнаты и торжественно провозгласила:

— Мама, дай нам с Леной для игры кусочек хлеба!

И хотя я знала, что они накрошат и нагрязнят, не дать я не могла, потому как очень дорожу Сашиным хорошим мнением.

29 декабря 47.

Шура, уходя, говорит Саше:

— Отвечай, ребенок, всем: папа будет ровно в семь!

Саша повторяет: «Отвечай, ребенок, всем: папа будет ровно в семь!» и тут же, повернувшись ко мне, радостно заявляет:

— Мама, смотри, как я хорошо придумала: отвечай, ребенок, всем: папа будет ровно в семь!

* * *

В 3 часа ночи Шура разбудил Сашу и спросил ее:

— Сашенька, у тебя что-нибудь болит?

Отчаявшись, Саша спросонок ответила:

— Ухо…

Остаток ночи Шура не спал. Мало того, он побежал и разбудил меня, сообщив прерывающимся шепотом: «Фрида, Саша говорит, что у нее ухо болит». Я, грешница, повернулась на другой бок и опять уснула, успев только расслышать, как Анисья Матвеевна произносила шепотом какие-то бранные слова. Я даже не могу привести их тут.

Утром Саша встала веселая и здоровая.

* * *

Однажды к нам в гости пришли мальчуганы Боря (четвертый

класс) и Гриня (седьмой). Умные мальчики, только немного скороспелые — отличники, начитанные и обо всем рассуждают с высоты своих десяти и тринадцати лет:

Гриня, разворачивая «Литературную газету»:

— Маршак переводит совсем неплохо.

Шура, робко:

— Я сказал бы даже, что он переводит хорошо.

Гриня, снисходительно:

— Пожалуй…

Галя страстно желала попасть в тон в этом умном, взрослом разговоре. Когда Гриня спросил ее, за какую футбольную команду она болеет, Галя ответила:

— За Динамо, конечно. ЦДКА играет очень серо.

При этом она умоляюще посмотрела на меня.

В таких случаях я обычно говорю: «Галя, не рассуждай, пожалуйста, о том, чего ты не понимаешь». Но на этот раз я ее пощадила и смолчала.

Саша смотрела на мальчиков почти набожно. Ей очень нравилось все, что они делали, и она с готовностью смеялась, когда догадывалась, что они острят.

30 декабря 47.

Сегодня Галя разбила 3 глубокие тарелки, 3 мелкие и 3 блюдца. Говорят, что посуда бьется к счастью.

* * *

Саша:

— Мама, знаешь, как мне горестно, что тетя Анися выходит замуж.

Все предыдущие няни относились к Саше очень ласково. Анисья Матвеевна разговаривала с ней примерно так: «Александра, садись, ешь!», «Александра, руки мыть!», «Еще раз полезешь в чемодан — руки оборву», «Закрой шкаф, а то руки обобью».

Саша очень часто бунтовала, пыталась не слушаться. А теперь ходит по пятам за Анисьей Матвеевной, обнимает ее и вообще действительно горюет.

31 декабря 47.

Саша:

— Мама, у нас есть книжка «Мертвые души»?

— Есть, а зачем она тебе?

— Мне она не нужна.

— Зачем же ты спрашиваешь?

— Я потому спрашиваю, что ее читал Витя Смидович из «Воспоминаний».

Я прочла девочкам несколько отрывков из «Воспоминаний» Вересаева: «Плюшкин магазин», про Машу Плещееву, про то, как Витя с Юлей собирали вишни, и т. д. Саше все это очень понравилось. Приходя домой, я часто застаю ее за «Воспоминаниями». Сидит и читает, как большая.

1 января 48.

Приехал жених и увез няню. Она прощалась с нами сердечно и даже всплакнула.

* * *

Дед Мороз принес Гале глобус и сласти. Шуре — носки и галстук. Няне и Саше — шоколад, мандарины, конфеты. Единственный человек, которому Дед Мороз не подарил ничего в нашем семействе, — Я.

2 января 48.

На днях Ирина Алексеевна[31] читала у нас свою повесть. Саша тоже слушала и под конец сказала:

— Так интересно, что у меня даже пальцы вспотели!

* * *

Я говорю:

— Сашуля.

Саша отвечает:

— Мамуля!

Я:

— Сашок Саша:

— Мамок.

Я:

— Сашенция.

Саша:

— Маменция — Марк-Твенция.

* * *

Галя излагает Саше содержание «Тараса Бульбы»:

— …И когда Андрий предался полякам, Тарас убил его и совершенно правильно сделал.

Саша подавлена. Галя поясняет:

— Ну вот, например, я перешла бы к немцам — что бы мама со мной сделала?

Саша, нерешительно:

— Убила бы?..

Галя:

— Конечно!

5 января 48.

У Саши есть свой взгляд на художественную литературу.

«Мама, — говорит она, — почему это Барто так прекрасно пишет?» Или: «Какие хорошие стихи у Трутневой, я хочу с ней познакомиться».

* * *

Саша, вдруг:

— Мама, если ты поженишься на другом муже, то уж лучше я помру.

— Что это тебе в голову пришло?!

— А я вспомнила, как один раз папа пришел, а ты спрашиваешь: «Принес что-нибудь сладкое?» А он ответил: «Нет, не принес». И тогда ты сказала: «Мне таких мужей не надо». Вот я и решила, что ты хочешь пожениться на другом человеке.

* * *

Саша, вместо «вспомнила» — «перепомнила»:

— А, теперь я все перепомнила!

6 января 48.

После отъезда Анисьи Матвеевны я кормила семью преимущественно сосисками и жареной колбасой. Почувствовав, что терпению домашних приходит конец, я решила сварить суп и сделать настоящее второе. Саша оценила мои усилия. Милая, добрая девочка, поев, она сказала:

— Спасибо за прелестный обед!

* * *

Саша, к вечеру:

— Мама, посмотри, как хорошо, как весело без няни. Давай, пусть у нас больше не будет нянь. Няни — они всегда то одно не разрешают, то другое.

— Так я ведь тоже не все разрешаю.

Саша:

— Если ты даже не разрешаешь, мне все равно приятно.

7 января 48.

Саша:

— Мама, почему старые коты ничего не любят?

— Кто тебе сказал?

— Видишь, я была в гостях у тети Сони и познакомилась там с котом. Ему 12 лет, он старше меня. И вот я его гладила, под шейкой гладила, за ушами, по усам погладила, спинку, а он не мурлыкал. *Тогда я поняла, что старые коты ничего не любят.*

Она постоянно кончает свои рассказы какими-нибудь умозаключениями.

8 января 48.

— Саша, ты чего плачешь?

— Потому что ты сердишься.

— Но ведь я не на тебя сержусь?

— Все равно, я не могу, когда ты сердишься.

Стоит мне нахмуриться, Саша испуганно восклицает: «Ой, все пропало! Ты сердишься!» — и плачет. К Шуре это не относится — он может сердиться сколько угодно. Я спросила Сашу, почему она не плачет, когда папа сердитый. Она помолчала, подумала и сказала:

— Папа сердится и молчит, а ты, если рассердишься, говоришь страшные слова.

— Какие слова?

— Ты говоришь: «Черт знает что!», «Какая подлость!».

Гм…

* * *

Саша, рисуя:

— Ах, глупая я баба! Не тем карандашом покрасила!

* * *

Саша:

— Мама, а волк понимает по заячьему языку?

11 января 48.

Сегодня Саша отбыла на Стреле в Ленинград.

Услыхав, что поедет она вместе с дядей Ираклием[32] и тетей Вивой, у которых есть дочка Манана, Саша изрекла: «Какие все имена чудны́е»!

Придя в купе, воскликнула: «Какая комнатка маленькая! Изолированная?»

А когда мигнул свет, спросила: «Ограничитель?»

И, наконец, увидев, что П. И. Лавут[33] закурил, осторожно сказала: «А я читала, что курить воспрещается».

(Я даже не подозревала, что у нее такой обывательский лексикон. Однажды за обедом она поразила нас следующей распошлой фразой: «Храните деньги в *избирательной кассе*!» — тут, видимо, перемешалась избирательная кампания со сберегательной кассой.)

Утром, когда Шура было раздумал брать ее, огорчилась, но вела себя сдержанно, только сказала:

— Какое у тебя слово неверное, как у царя.

Потом стала читать мне невообразимо длинную сказку под названием «Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Читая, поминутно спрашивала: «Страшно тебе?» и добавляла: «Не надо страшиться, все будет хорошо».

* * *

Галя увлекается книгой «Жизнь и приключения Роальда Амундсена». Все географические названия отыскивает на карте.

Галя с нетерпением ждала минуты, когда Саша с Шурой уехали, очень хотела поскорее остаться со мной вдвоем и теперь наслаждается моим обществом.

14 января 48.

Галя:

— Когда я получаю тройку, ты любишь меня меньше, чем всегда. А почему, если тебе статья не удается, я все равно люблю тебя по-прежнему?

— Потому что ты тройки получаешь по небрежности.

Я же…

— Пожалуй, ты права.

15 января 48.

От Шуры пришло письмо.

Про Сашу он пишет так:

«Вела себя дочка безукоризненно, только боялась засыпать без меня (я стоял с Ираклием в дверях купе со стороны коридора), причем это вполне можно понять и простить. Я присел к ней, и она быстро уснула. Ираклий и Вива очарованы ею. Саше было все безумно интересно. Ираклий и Павел Ильич пели хором для нее. Кое-как переспав, мы подъехали к Ленинграду. Я внушал девочке, что надо слушаться бабушку [*Галину бабушку Валю*. — А. Р.], много гулять, научиться самой одеваться и приехать к маме здоровенькой, красненькой, голубенькой, беленькой… “Я не пластилин!” — сухо заметил ребенок, убив Павла Ильича наповал.

Встреча была роскошная, по первому разряду. Со всех сторон кинулись: бабушка Валя, дядя Илюша, тетя Руня[34] и дядя Шапиро с машиной (что особенно приятно)».

* * *

С нашими детьми не соскучишься: у Гали, кажется, аппендицит.

У Гали были: ветрянка, корь, скарлатина, свинка, дифтерит, коклюш, воспаление среднего уха. Когда нам показалось, что остались только сап и чума, Галя сломала ногу. Но, видно, и этим не исчерпалась ее изобретательность.

Неужели операция?

17 января 48.

Сегодня я отвела Галю в Филатовскую больницу. Она вела себя очень мужественно. Объявила врачу, что операции нисколько не боится, а мне сказала: «Я знаю, когда я уйду, ты перестанешь есть и пить. Так вот, очень тебя прошу: ешь, пей и не грусти. А лучше всего переезжай на Сретенку, чтобы не быть одной».

А в глазах — любопытство: что такое ждет ее там, в больнице?

На прощание Галя сказала так: «Мама, если ты будешь приносить сладкое, то пирожных не надо: пирожные трудно ломать. Лучше шоколад, он легко делится на дольки и можно будет поделиться с соседями».

18 января 48.

Пришла я домой. Немыслимо тихо и пусто.

Галя пишет из больницы: «Дорогая мама! Меня положили к моим ровесникам-мальчикам. Ребята хорошие. Я одна между ними девочка, но они относятся ко мне хорошо. Днем сегодня дали передачу. Один мальчик, мой сосед (ему голову продавила машина), угостил меня яблоками и конфетами. Я уже с ним подружилась».

19 января 48.

«Муся! Спасибо за подарок. Он очень вкусен. Вчера меня смотрел хирург и сказал, что оперировать будет во вторник. Мамочка, я видела грудную девочку с тремя носами. Это страшно. Целую тебя. Галя».

20 января 48 (перед самой операцией).

«Дорогая мамочка! Спасибо за халат. (Кстати, как пишется это слово?) Чувствую себя хорошо. Сегодня меня будут резать. Брррр! Завтра мне можно есть только мандарины. Гив ми плиз».

А после операции она продиктовала сестре такое письмо:

«Мама, мне сделали операцию. Когда давали наркоз, я не плакала и вела себя хорошо. Сейчас чувствую себя хорошо. Не огорчайся».

Заместительница главного врача сказала: «Очень смешная и очень хорошая девочка. Когда шла на операцию, то все повторяла: нет, не буду плакать, нет, не буду плакать!»

Когда я пришла к ней на другой день, меня пустили в палату. Она лежала такая славная, с большими-большими прозрачными глазами, полными слез. Но сказала только: «Не обращай внимания, это просто так».

Ей говорить было больно, она тихо лежала, держа меня за руку. А девочка, ее соседка, и мальчуган — сосед с другой стороны — оба сказали: «Она у вас молодец, даже не стонала! И не мешала нам спать!»

И кто бы мог подумать такое про Галку, которая проливает слезы из-за сущих пустяков по три раза на день!

25 января 48.

Письма из Ленинграда. Валентина Николаевна сообщает, что «несмотря на все происки Шуры, температура у Саши нормальная». Саша писем не пишет, ссылаясь на то, что она не умеет писать букву «Я», а «Р» у нее выходит очень толстое.

Дорогая Генри [*См. примечание к записи от 15 января.* — А. Р.], к моему большому удивлению, утверждает, что «Саша очень воспитанна. Не дичится, со всеми здоровалась, прочла вслух басню Крылова, даже с выражением, хотя тут же созналась, что

ничего не поняла. Очень милый маленький жучок. Я пыталась ее расцеловать, но она, очевидно, к этому не особенно привыкла».

И, наконец, Шура:

«Саша упивается общением с тремя (!) сразу детишками (13 лет, 6 лет и полтора года)[35]. Командует всеми, дерется даже. Ребятишки очень хорошие, любят ее. Девочка прекрасно ест, посвежела, порозовела, бывает на улице. Она свыклась с Ленинградом, обнаглела, позволяет себе не слишком слушать бабушку. Она шалит, прыгает — вообще больше стала похожа на обыкновенного человеческого детеныша.

Завтра она придет ко мне купаться, будет ночевать и толкать меня ногами под микитки.

У нее много недостатков, удивляющих Валентину Николаевну. Она мало что умеет делать сама, довольно противно ведет себя в коллективе. Кое-что здесь выравнивается, правда, довольно туго. Читает она сравнительно мало — это приятно.

Очень занятная головка. Упрямая. Уж который день добивается от меня ответа на весьма сложный вопрос: «Почему мы едим одно, а из нас выходит совсем другое?»

Валентину Николаевну она, по моим наблюдениям, заездила.

Как же ты живешь, кому отдаешь наши книги, не говоря уже о деньгах?» — последнее замечание относится непосредственно ко мне.

9 февраля 48.

Наконец-то Галя дома! Она пробыла в больнице 3 недели (вместо десяти дней), с тяжелой температурой: простуда, ангина. Господи, какое счастье, что она, наконец, тут!

* * *

Ленинградцы еще не приехали. Валентина Николаевна ругает меня в каждом письме: Саша не умеет ни одеться, ни раздеться, ни завязать узел, ни зашнуровать ботинки. «Столько взрослых вокруг, а ребенка ничему не научили!» — пишет Валентина Николаевна.

Все это, конечно, верно, но виновата в этом не я.

10 февраля 48.

Галя догоняет класс. Зубрит историю, географию и прочее.

— Мама, за что Екатерина вторая убила своего мужа?

— Ммм… потому что он был неумный и слабосильный, — не очень вразумительно отвечает мама, занятая очередной статьей в

«Комсомольскую правду».

— А как бы ты поступила на ее месте? Так же, наверное?

Тут уж я бросаю статью:

— Неужели, — говорю я, — ты считаешь меня способной убить человека только за то, что он неумный?

После длительной паузы Галя произносит:

— Да, конечно, если бы ты способна была убивать неумных и слабосильных, ты давно бы убила меня…

Мы обе смеемся. Но я чувствую, что отвечала не так, не то и вообще нелепо. Но пускаться с Галей в длинные разговоры просто опасно: того и гляди — увязнешь.

* * *

Галя продолжает зубрить историю.

— Как же так, — в полном недоумении восклицает она, — «буржуазия, опираясь на революционный народ…» — как может буржуазия опираться на революционный народ?!

Или, в ответ на мои слова «Суворов был не только великий полководец, но и замечательный человек»:

— Да, замечательный, а восставших поляков подавлял. Как же так?

А я и сама не знаю — как. Или вот — дала я Гале читать «Петра I», переделанного [А. Н.] Толстым для детей. Она читает, и изумление ее не имеет границ:

— Как же, как же так? — почти вопит она. — Как же в учебнике написано и ты говоришь: «Петр — великий», «Петр — отважный», «Петр — смелый, мужественный», а ты знаешь, что он сделал, когда стрельцы восстали? Он сбежал! Он так поспешно бежал, что слуги помчались за ним с криком: «Ваше величество, Ваше величество, как же вы без портков-то? Портки-то возьмите!» Понимаешь, так струсил, что убежал без штанов! А ты говоришь — великий!

17 февраля 48.

Сегодня встретила Сашу. При виде меня она завопила: «Ура!!!» (Пробыла в отъезде месяц и 6 дней). Привезла с собой четыре новых туалета и очень кичится этим.

* * *

— Галя, — говорю я. — Вот послушай, что было: ученицы пятого класса узнали, что одна из их подруг очень нуждается. У нее не было ни обуви, ни теплой шапки. Вот они собрались, скопили денег, купили шапку и преподнесли девочке на сборе отряда. Как, по-твоему, правильно они поступили?

— Нет, — отвечает Галя, не задумываясь. — Они должны были отдать ей в одиночку, потихоньку, а не на сборе.

* * *

В больнице, куда Эдду положили на исследование, сосед ее, мальчик, нарисовал ей в альбоме сердце, пронзенное стрелой. Она сообщила Норе по этому поводу: «Один мальчик нарисовал мне какую-то репу с палкой».

* * *

Макс Жуков, попав с родителями в ЗАГС и увидев пальмы: «Мама, это Африка?»

27 февраля 48.

Пришла к нам вчера новая няня, Шура, немыслимо говорливое и общительное существо. У нее, как у солдата Швейка, на каждый случай есть своя история. Истории все какие-то неинтересные, нелюбопытные, но нескончаемые: слушаешь, слушаешь — и не видишь конца:

— А вот прихожу я в аптеку — вы только послушайте, и говорю: дайте, говорю, пожалуйста, лекарство. А мужчина, такой интеллигентный с виду, говорит: а кому вам лекарство? А я говорю: девочке, ребенку. А он говорит: а сколько девочке лет? «Десять, — говорю, — или, может, одиннадцать, я, говорю, у них недавно живу, не знаю точно — десять или одиннадцать, но, вернее всего, я так думаю, десять с половиною». Он и дал мне лекарство. Выхожу я, смотрю: в булочную очередь. «Что дают?» — спрашиваю. А мне говорят: «Батоны». «А, что, — говорю, — по четыре сорок, или по шесть?» Ах, думаю, по шесть, надо взять — и вы только послушайте, вспоминаю: денег-то я с собой не взяла, нет, вы только послушайте, стою и думаю: что же делать?..

* * *

Саша:

— Кто такой гигант?

— Очень большой человек.

Но отделаться этим нельзя:

«А гигант может поместиться в нашей комнате? А если станет на четвереньки? А во сколько раз Дюймовочка меньше гиганта? А во сколько раз гигант больше меня? А гиганты ходят в одежде или голые? А что гиганты кушают? Они добрые или нет? А может один гигант убить всех немцев?»

Все это не сразу, а порознь. Значит, голова продолжает работать, раздумывать.

— Мама, если страус будет драться с гориллой — кто победит?

* * *

Галя очень груба с Сашей. «Уйди. Не приставай! Отстань! Что ты лезешь? Терпеть тебя не могу!»

После моих замечаний наступает временное затишье, а потом я опять слышу то же самое. Саша переживает это с горечью. Она говорит: «Мама, почему у меня такая скандальная сестра? Роди ее обратно…»

Или: «Мама, преврати меня в пса, я тогда убегу, раз меня Галя не любит. И почему она меня не любит? Разве я плохая?»

Когда я говорю: «Галя очень любит тебя. Когда ты была в Ленинграде, она скучала», Саша возражает: «Галя вроде Золушкиных сестер. Сначала они ее обижали, а когда она уезжала с принцем, то просили Золушку их простить. Вот и Галя. Сама первая задирается и обижает, а когда я уезжаю — скучает».

* * *

На Галю очень сердиться не могу: она опять лежит. Может быть, это ревматизм, а может быть и что-нибудь похуже. Лежит, читает. Выглядит хорошо, но все время ощущает боль в колене, не острую, правда, но непреходящую.

Ф. А. с девочками. 1948 г.

28 февраля 48.

Саша:

— Мама, зачем на свете существуют микробы? Мы бы прекрасно обошлись без них.

Она же:

— А у милиционеров есть дети? Где же они живут — в милиции, что ли?

* * *

У новой няни обнаружилось еще одно опасное свойство:

— А завтра я приготовлю на второе котлеты. Я так их делаю: беру мяса, провертываю, лук жарю, перемешиваю… А потом пудинг: беру рис, отвариваю, беру изюму, перемешиваю… А еще вот пирог жидкий: беру дрожжей, взбалтываю, беру муки, яиц, перемешиваю… А вот когда я жила у Кожевниковых… А вот когда я жила у одних евреев…

От всех этих «взбалтываю», «перемешиваю», «поджарю», «поперчу», «а вот у Кожевниковых» у меня стоит непрерывный звон в ушах, и я с тоской вспоминаю тихую милую Нину, которая недавно жила у нас и, может быть, еще вернется… А эта — ходячая поваренная книга и говорливая до ужаса, до отчаяния, до безумия, до того, что темнеет в глазах.

29 февраля.

Сегодня папе Абе 62 года.

* * *

Саша:

— Мама, как мне быть: мой столик стоит в папиной комнате, а когда папа со мной в ссоре, то он не разрешает входить. Как же быть?

— Как быть? Не ссориться с папой.

Молчание. А потом:

— А знаешь, как трудно быть хорошей?

2 марта 48.

Саша:

— Мама, почему на свете так много рук? Моя рука — видишь? Потом ручка от двери, от корзины, от чашки и ручка, которой пишут.

Когда Саша рисует, и у нее получается что-нибудь очень уж страшное, она говорит: «Это Бармалей. Или жена Бармалея».

* * *

Я кончу тем, что убью нашу новую няню.

5 марта 48.

Я купила Саше старофранцузские сказки. («Хотел бы я видеть того сумасшедшего, который купит эту книгу!» — воскликнул Шура, когда в книжной лавке писателей ему предложили ее.)[36] Там есть сказка «Красавица и Чудовище» (вариант аксаковского «Аленького цветочка»). В этой сказке волшебница говорит Красавице: «Не верь тому, что говорят тебе твои глаза, спроси свое сердце, оно скажет правду».

Саша заездила меня своими вопросами и рассуждениями по этому поводу.

— Что глаза говорят, я понимаю, а вот что сердце говорит — не понимаю. Я его спрашиваю-спрашиваю, а оно молчит. Объясни мне, как оно разговаривает.

— Вырастешь большая, поймешь, — прибегаю я к спасительной формуле.

— Нет, ты мне сейчас объясни. Может быть, оно покалывает?

— Да, покалывает.

— И что же это значит, если покалывает?

11 марта 48.

Саша:

— Мама, смотри: целоваться очень просто — надо прикоснуться губами к лицу и чмокнуть.

Галя произнесла по этому поводу длинную речь:

— Если просто прикоснуться губами и чмокнуть, это будет поцелуй не настоящий. А чтоб был настоящий, надо любить. Тогда будет поцелуй искренний. Вот нас мама целует редко, зато от души. А ты вот действительно просто чмокаешь — часто и без толку.

11 марта 48.

Саша:

— Мама, если я совершу какой-нибудь хороший поступок, меня наградят?

!!!

* * *

Саша:

— Мама, я прочла в «Чуке и Геке», как надо поступать, если мне будет сниться плохой сон. Вот послушай: сон, конечно, не пружина и его нельзя просто выбросить, но его можно погасить. Ты возьми, переверни меня на другой бок, проведи рукой по лбу. Тогда я засоплю и улыбнусь. Это будет означать, что плохой сон погас.

12 марта 48.

Саша, на ухо, доверительно:

— Мама, почему у папы такой большой нос?

В самом деле!

15 марта 48.

Галя:

— Саша, если бы Гитлер предложил тебе съесть за миллион рублей лягушку, ты бы съела?

Саша, после очень долгого раздумья:

— Ну что ж, съела бы, ведь французы едят лягушек?

Галя, презрительно:

— Съела бы гитлеровскую лягушку?!

Саша, испуганно:

— Ой, я забыла, что это Гитлер предложил бы. Нет, от Гитлера, конечно, ничего не съела бы.

16 марта 48.

Сегодня маме Фриде исполнилось очень много лет [примечание Ф. А.: *33 года*].

19 марта 48.

Саша:

— Галя уехала на Сретенку, а я тем временем научилась целоваться от души.

Минуту спустя:

— Мама, мне что, чмокнуть тебя или поцеловать от души?

20 марта 48.

У Сашки сложные и интересные ассоциации:

— Мама, видишь эту нитку? Я завязываю на ней узелки, но она не становится от этого короче. Совсем как с сундуком в сказке «Красавица и чудовище», помнишь? Там купец накладывал в сундук золотые монеты, а места в сундуке становилась все больше. Вот и нитка: я завязываю на ней узелки, а она становится длинней. Наверное, волшебная нитка.

* * *

В ответах своих Саша очень нагла.

— Саша, зачем ты бежишь на мостовую?

— Хочу, чтобы машина меня раздавила.

— Саша, зачем ты играешь вилкой?

— Хочу выколоть себе глаза.

Шура:

— Я тебя не буду любить.

Саша, спокойно:

— А я еще больше не буду слушаться.

* * *

У Саши выпадают зубы, она по-старушечьи шепелявит. («Я шепевеляю», — говорит она.)

21 марта 48.

На днях Саша спрашивала меня, что такое лесть. Я объясняла долго и запутанно и, в конце концов, свела понятие лести к лицемерию. (Впрочем, если вдуматься, это ведь одно и то же.) Тогда я не знала, поняла ли Саша что-нибудь из моего объяснения. Но вот сегодня она говорит:

— Мама, во мне есть лесть.

— ?

— Когда тетя Шура дома, я говорю: «Какая вы хорошая». А когда ее нет, я говорю: «Тетя Шура сумасшедшая».

— Зачем же ты так делаешь?

— Потому что она мне не нравится.

— Зачем же ты говоришь, что она хорошая?

— Так я ведь еще не знала, что лесть — это нехорошо.

* * *

Саша:

— Мама, как ты думаешь, я тебя люблю?

— Не знаю.

— Ну подумай. Сообрази.

2 апреля 48.

Шура берет Сашу на руки и переносит ее через лужу. Саша, с сочувствием:

— Тяжеленько?

* * *

Запись Елены Евгеньевны [*Приятельница Ф. А., уделявшая много внимания девочкам.* — А. Р.]

В день рождения Гали мы с ней беседовали.

Галя сообщила мне, что у нее нет еще силы воли, но потом будет. Насчет Саши: я объясняю Гале, что к Саше надо относиться со вниманием, так как она чрезмерно умна.

Галя:

— Тетя Лена, я этого совсем не нахожу.

(Е. Е.)

* * *

Шура, входя в комнату и не сразу заметив Сашу:

— А где Саша?

Саша:

— У тебя под носом.

Шура, возмущенно:

— Кто тебя научил так грубо отвечать?

Саша:

— Никто не научил, я сама научилась по книжке. Там Лиса Алиса говорит: «Буратино у вас под носом в кувшине сидит».

4 апреля 48.

Вышла книжка «12 отважных» [*Книга Ф. А. в соавторстве с Т. А. Печерниковой.* — А. Р.]. Саша сидит, читает и то и дело приговаривает подхалимским тоном:

— Как интересно! Знаешь, как интересно!

* * *

Шура:

— Не трогай эту стеклянную елочную игрушку — она у тебя мигом развалится.

Саша, с полным знанием дела:

— Как старый гнилой пень?

(Что делает художественная литература с этим ребенком — уму непостижимо).

6 апреля 48.

Саша уже начинает интересоваться дневником, и это плохо, потому что при ее врожденном честолюбии и тщеславии она начнет работать специально на меня.

Сегодня она спросила:

— Мама, ты записала, как я грубо ответила папе?

— Записала.

Саша, со слезами:

— Зачем, зачем записывать про плохие поступки?

Чуть погодя:

— Я теперь совсем не стану совершать никаких поступков, ни плохих, ни хороших — просто буду сидеть и молчать.

Потом, подумав, мстительно:

— Нет, я буду очень непослушная и все буду делать плохо. Ты станешь записывать, какая я нехорошая, кто-нибудь прочтет и

скажет: «Почему вы так плохо воспитываете свою дочку?» Приятно тебе будет?

Вывод один: спрятать дневник подальше, чтоб она забыла о его существовании.

* * *

Пока я ездила в Ленинград, Шура развил бешеную деятельность: выставил Шуру, которая готовила такие неслыханные пудинги и пловы, и призвал обратно Нину. И если бы не дети, дома снова было бы тихо и спокойно. Никто не верещит у меня над ухом, никто не допытывается, почему я молчу, и я больше не испытываю желания убить человека, в сущности, ни за что, ни про что.

8 апреля 48.

Саша:

— Мама, в книжке «Почемучка» *[«Что я видел» Б. Житкова.* — А. Р.] говорится, что мамы всего боятся. А у нас папа всего боится. Шея у меня голая, он боится, что мне холодно. Если на мне теплая кофта, он боится, что мне жарко. Сегодня он долго пробоялся, что я умру с голоду, потому что Нина ушла на рынок, не накормив меня. А ты ничего не боишься. Это значит, что папа превратился в тебя, а ты превратилась в папу.

11 апреля 48.

Галя играет с Сашей в «Вертолину».

— Что такое — предмет, необходимый в домашнем обиходе, начинается на букву «ж»?

Саша, не задумываясь:

— Жена!

12 апреля 48.

Саша:

— Мама, я хочу задать тебе очень-очень трудный вопрос: кто злее — мышь, которая повела Буратино в Страну Дураков, или кот Базлила и лиса Алиса?

(Что касается кота Базлилы, то так Саша называет кота Базилио).

Саша:

— Мама, в Африке крокодилы прохаживаются прямо перед домом?

13 апреля 48.

— Мама, мне что-то кажется, что у меня горло болит. *Сейчас попробую сделать глотательное движение.* (!)

Она же, читая хрестоматию для 3-го класса:

— Мама, погляди, как складно тут написано: берем ухо — орган слуха. А вообще, знаешь, это книжка для трехлетних. Мне даже смешно читать. Тут написано, что вредно ковырять острым в ухе. Еще бы написали, что в глазу нельзя ковырять острым. Как будто я этого не знаю. Это всякий ребенок знает, даже трехлетний, правда?

17 апреля 48.

Саша:

— Мама, знаешь, как по-настоящему называются глаза?

— Как?

Саша, торжествующе: — Зеркало души!

* * *

Саша, на бульваре, указывая на славного кудрявого мальчугана лет трех:

— Мамочка, вот в этого мальчика я давно влюбилась!

И тут же:

— Но тебя я на него не променяю — ты самая золотая, самая хорошая, самая дорогая!

* * *

Галя:

— Мама, я спрашиваю у Саши: «Что тебе больше всего хочется?», а она отвечает: «Хочу, чтоб у меня были золотые волосы, хочу, чтоб у меня было новое платье, новые книжки, новые игрушки»… Смотри: всё для себя, для других — ничего.

Саша смущена:

— Но ведь ты говорила: скажи, что тебе больше всего хочется.

Галя:

— Ну да. Но тебе, видно, всё хочется только для себя.

Саша, после паузы:

— Нет, знаешь, я еще хочу, чтобы папа и мама всегда были здоровы.

Галя, одобрительно:

— Вот это дело!

Галя. 1948 г.

19 апреля 48.

Саша:

— Мама, на тебя что ни надень — даже рваное платье, даже уродливое, грязное, нищенское (!) — ты все равно останешься хорошая.

— Почему же ты уговариваешь меня почаще надевать красивое белое платье, если я в любом платье хорошая?

Саша, подумав:

— Ну, конечно, в рваном ты будешь не такая хорошая, но ведь это — *вешность*! Обманчивая вешность!

20 апреля 48.

Саша:

— Мама, бывают такие красивые девочки, чтоб у них были волосы — золотые, глаза — голубые, брови — черные, зубы — белые и уши — чистые? Бывают на свете такие красавицы?

21 апреля 48.

Шура, Саше:

— Ты очень плохой ребенок.

Немного спустя, Саша:

— Зачем же ты целуешь плохого ребенка?

Или:

— Три печенья — плохому ребенку?

24 апреля 48.

Саша никого не хвалит, не похвалив предварительно, или следом — меня. К примеру:

— Мама, какой Изя счастливый, какую хорошую достал себе жену — лучше ее нет на свете, правда? Кроме тебя, конечно. Ты — всех лучше, конечно.

27 апреля 48.

Саша: — Мама, я думаю, что незабудка — это дочка или жена василька, потому что она тоже голубая.

1 мая 48.

Сегодня Саша впервые гуляла без пальто. Носилась по улице и с упоением выкликала:

— Первое Мая
Я встречаю!
Я встречаю
Первое Мая!
Первое мая — весело встречаю!

* * *

Саша:

— Мама, почему на этой коробке нарисован красный олень — разве бывают красные олени?

Я, лениво:

— Это импрессионизм.

Саша долго молчит.

Я:

— Ты понимаешь, что такое импрессионизм?

Саша:

— Нет.

Я:

— Почему же ты не спрашиваешь?

Саша:

— Я думаю, что ты и сама этого не знаешь.

* * *

Галя доводит меня до исступления. Сначала надевается синее платье. Осматривает себя в зеркале и мчится на улицу. Через минуту она снова дома.

— Ребята дразнят — говорят, что платье прозрачное.

Долго сидит надутая, потом облачается в платье с горошинами и снова бежит на улицу. Не проходит и пяти минут, как она возвращается.

— Я не могу ходить в таком коротком платье.

Всё как прежде: сидит надутая, мается, раздумывает и, наконец, — о счастье! — надевает синее платье с красным поясом. Долго расхаживает по комнате с убитым видом.

— Мне не нравится это платье, — говорит она с тоской. — У него нет воротника, я не могу без воротника.

Мы долго хором убеждаем ее, что платье славное, а отсутствие воротника даже украшает его. Кажется, всё в порядке. Но вот я слышу шорох. Оборачиваюсь: Галя снова — в четвертый раз! — переоблачается, надевая юбку с белой кофтой.

Может, в этом нет ничего страшного, но я почему-то зверею. Мне противно, что из-за таких вещей можно дуться, злиться, огорчаться. Я сначала думала, это кокетство — куда ни шло! Но это не кокетство, это какая-то блажь, истерика.

3 мая 48.

Саша, в трамвае, глядя в окно:

— Когда я еду на трамвае, я замечаю, что земля действительно вертится.

* * *

Саша:

— Мама, я все-таки думаю, что ты любишь меня больше Гали.

— С чего ты взяла?

— Ты меня чаще ласкаешь.

— Маленьких всегда больше ласкают, чем больших.

Саша (подумав):

— Да, правда… Вот папу ты редко ласкаешь — всего полраза в день!

5 мая 48.

«Ты никогда больше не распахнешь дверь настежь: по ту сторону ее, может быть, сидит на корточках маленький человечек.

Ты будешь рассчитывать все твои жесты и сдерживать твои порывы. Поменьше пылкости и побольше силы!

Ты будешь реже смотреть в небо: тебе придется постоянно смотреть себе под ноги, чтобы не наступить на одного из твоих малышей.

Ты никогда больше не будешь задвигать ящик стола толчком колена: маленькие руки проникают повсюду. Всё, что ты делаешь, ты будешь делать медленно и осторожно.

Ты никогда не будешь спать крепким, непробудным сном; малейший вздох будет тревожить тебя. При каждом крике ты будешь спрашивать себя с замирающим сердцем, не тот ли это крик… не тот ли это крик, которого ты будешь бояться всю свою жизнь.

Ты никогда больше не будешь зажигать огонь, не подумав о том, что огонь жжёт. Ты никогда больше не будешь ставить чашку с чаем на край стола. Ты будешь тушить окурки твоих папирос с сугубой тщательностью.

Ты никогда больше не будешь есть сласти, не подумав о тех маленьких ртах, которые тоже любят сласти.

Ты приучишься считать тишину в доме нелепой случайностью, почти чудом.

Ты никогда больше не скажешь с уверенностью прошлых дней: «Такого-то числа я сделаю то-то». На крыльях всех твоих проектов будет висеть «может быть».

Это так, и тебе ничего не остается, как покориться».

Жорж Дюамель. «Игры и утехи».

(Очень любимая мною и Шурой книжка).

15 мая 48.

Я:

— Господи, что же мне написать в передовой к началу экзаменов?

Галя, саркастически:

— Дорогие дети, не занимайтесь, не учитесь, билетов не повторяйте, побольше гуляйте и сажайте цветы — так и напиши!

* * *

Саша очень мается в ожидании дня рождения. Подарки — вот мысль, которая грызет ее с утра до вечера.

Галя на деньги, которые давались ей на завтраки, купила Саше песочный прибор, автомобиль и еще какую-то музыкальную игрушку. Спрашивается, что же она ела в последние дни?

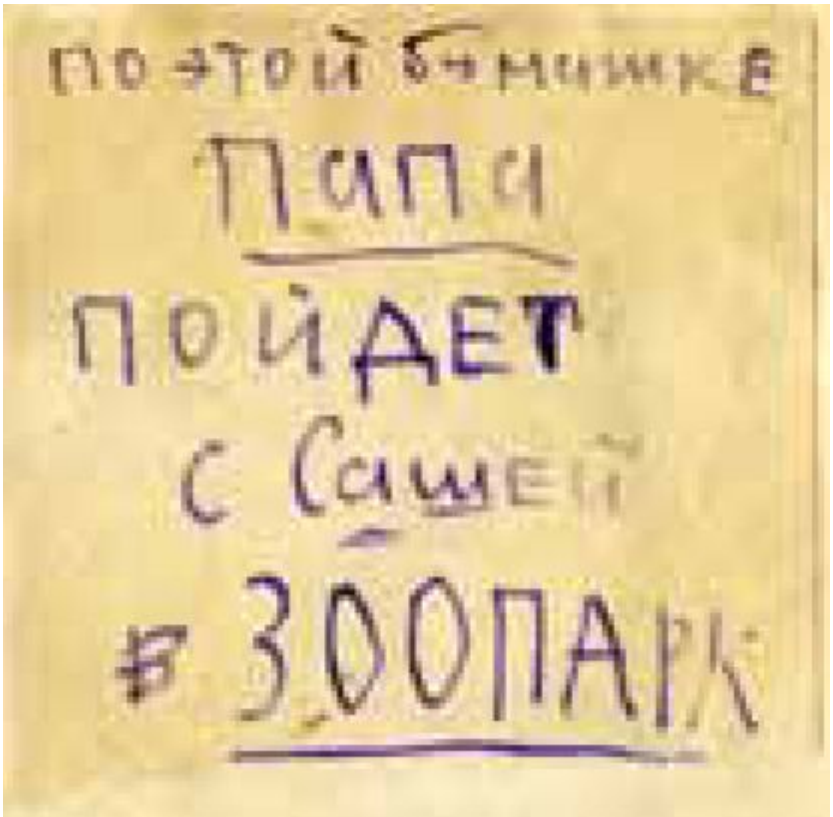
17 мая 48.

Вчера Саша вскочила ни свет ни заря и помчалась в большую комнату, где для нее был накрыт стол: подарки от меня, Гали, Нины и *векселя* от Шуры. Потом пришла дорогая Генри с зонтиком, потом вестовой от Саши Б. с тортом, потом тетя Зоя с мячом, папа Аба с шоколадом и серебряной ложкой, потом… В общем, гостей было много, подарков тоже.

По этой бумажке
ПАПА
КУПИТ ВЕЛОСИПЕД
ТРЕХКОЛЕСНЫЙ.

ПО ЭТОЙ БУМАЖКЕ
ПАПА
НЕ БУДЕТ ШЛЕПАТЬ
Сашу
(СЕГОДНЯ)

Юмор этого весеннего
дошёл до самой весны.



Саша ходила как во сне, а к вечеру призналась:
— Я так устала, что не могу даже улыбаться.
И не успели мы уложить ее, как она уснула.

* * *

Саша с выражением читает басню «Ворона и лисица». Прочитала, помолчала, подумала.

— А зачем лисице надо было так поступать? Почему она просто не попросила ворону: «Дай мне, пожалуйста, кусочек сыру, поделись со мной!»

18 мая 48.

Саша:
— Мне кажется, что во мне есть злорадство.
— Разве ты радуешься, когда кому-нибудь плохо?
— Нет.
— Так почему же ты говоришь, что в тебе есть злорадство?
— Мне почему-то так кажется.

* * *

Утро. Саша приходит ко мне в кровать. Я ласкаю ее и говорю:

— Ты моя хорошая, ты моя милая, мое солнышко.

Саша лежит тихо и удовлетворенно вздыхает. Когда я замолкаю, она говорит:

— Мама, скажи мне еще какие-нибудь такие хорошие именушечки.

Май 48.

У нас гостит семейство наших ленинградцев: Илюша, Руня и Ниночка[37].

Ниночке три с половиной. Мы водили ее в зоопарк. Она совершенно спокойно отнеслась к слону, львам, жирафу и в восторге застыла у клетки с кроликом: «Вот это зверь!» — закричала она.

Галя не отходит от нее: утром умывает, причесывает; вернувшись из школы, кормит. Саша: «Галя, ты, что ли, Ниночку больше меня любишь? Я ведь тебе роднее!»

* * *

Руня много времени проводит с детьми, читает, разговаривает с ними. Нынче она сказала:

— Знаешь, по-моему, есть два типа характеров, как два типа голосов: поставленных от природы — это встречается очень редко! — и искусственно поставленных в школе. Вот у Гали характер, поставленный от природы, и тут главное — не испортить его. А Саше надо ставить характер, и это всегда трудно: приходится много ломать.

Мне кажется, она не совсем права. Много на свете характеров, только, по-моему, каждый лепится жизнью. Вполне готовых характеров, пожалуй, я не встречала.

* * *

Илюша с Руней помогли нам перебраться на дачу и уехали, оставив Ниночку с нами на две недели. Теперь у меня три дочки.

11 июня 48.

Саша:

— Мама, ты почему не улыбаешься, ты что, царевна-

несмеяна?

* * *

— Мама, один мальчик на дворе кричит другому: «Сука!» Ты не пугайся, это значит просто — собака.

* * *

На плакате цифра XXIX.

Ниночка:

— Галя, а это что за буквы, вот так перекладываются?

И скрестила босые ножки.

23 июня 48.

Галино белое платье покрыто серией разнообразных пятен.

— Это — от кофе, — объясняет она непринужденно, — а это я ела землянику, а это клубничное варенье капнуло, а это…

* * *

Галя:

— Несчастные люди, которые будут жить через 1000 лет после нас — сколько событий произойдет за это время, и им все придется учить.

* * *

Раздобыли черепаху, поят ее молоком, кормят булкой.

Назвали Найдёнышем. В первые дни были очень увлечены. Потом охладели.

* * *

Саша:

— Мама, давай играть в домино. Если я проиграю, то не буду жадной, ябедой и все свои плохие черты исправлю. А если ты проиграешь, то купишь нам с Галей и Ниночкой конфет и вот такого печенья.

* * *

Когда Шура был в Ленинграде, Саша говорила, искательно заглядывая мне в глаза: «Ты не беспокойся: я сейчас напишу папе, что ты бережешь меня, как царь золото, ведь больше беречь нельзя, правда?»

* * *

Проводили Серманов в Ленинград. Грустно без Ниночки — привыкли к ней.

27 июня 48.

Галя разбила банку с русским маслом — на полу большое масляное пятно.

— Что же делать с этим пятном? — говорю я.

— Знаю! — восклицает Саша, — давайте повсюду — и тут и там разольем русское масло — тогда весь пол будет такой же, как это пятно.

* * *

Шура (о себе):

— Великий русский писатель вставал поздно, был небрит, ничего не писал и смотрел исподлобья.

Саша, тихо:

— Ты не великий…

Шура, возмущенно:

— Вон из-за стола! Я знаю, это бабушкины происки!

Бабушка, тактично:

— Я на эти темы с детьми не разговариваю!

Тетя Соня:

— А кто же великий?

Саша, подумав:

— Пушкин!

Мы, хором:

— Откуда ты знаешь?

Саша, скромно:

— Из предисловий.

5 июля 48.

Саша, сосредоточенно разбирая игральные карты:

— Это валет. А это жена его. Как она называется — валетина или валетина?

* * *

— Саша, что ты сегодня делала?
— Мешала всем.

18 июля 48.
Саша:
— Мама, знаешь, какое у меня самое любимое занятие?
— Какое?
— Играть на нервах!
— ?
— Ну, кричать изо всех сил — очень люблю кричать. А бабушка говорит: ты играешь на нервах.

5 августа 48.
Саша, обращаясь к двухлетнему Антону:
— Антончик, это кто?
(Указывает на Шуру).
— Дя-дя.
— Это просто дядя или папа?
(Так сказать, высшая степень дяди).

26 августа 48.
Сидеть с Сашей за столом просто пытка. Ест она медленно, кончает позже всех, долго ковыряется в каждом куске и по ходу дела все время что-нибудь изрекает: «Молоко — вещь полезная…» Или: «В помидорах — витамины».

Валентина Николаевна пытается внедрить в ее сознание кое-какие полезные сведения: «Не ешь руками… Не болтай ложкой в воздухе… Как ты держишь вилку?»

Саша:
— Уж нельзя ребенку вилку плохо подержать…

* * *

Гостю, который принес огорчившее меня известие, Саша сказала: «Зачем вы испортили маму? Она была веселая, а стала грустная. Смеялась, а теперь не смеется».

11 октября 48.

Удивительно, непостижимо: я с великим трудом достала Гале любимую свою книжку «Записки школьника» Амичиса — и ей *не понравилось*!!!

— Скучно… — говорит она. — И потом: — Что это — большие мальчишки, а целуются друг с другом!

Я было начала объяснять: «Так ведь это итальянцы, у них характер такой…», но тут Галя меня совсем ошеломила:

— Это итальянцы? А я думала, русские!

— Как русские! Ты что, не помнишь, какие там города: Рим, Неаполь — разве у нас есть такие?

— Я думала, может, до революции были.

— Господи! Ну, а имена: Энрико, Гарроне, Франти, Старди — разве это русские имена и фамилии?

— Я подумала: в царской России всё может быть…

* * *

Саша:

— Сколько мозгу в этой утке! Наверное, умная была.

Она же:

— Папа, а зачем существует петух? Он ведь яиц не несет, пользы не приносит.

15 октября 48.

Саша, сидя у меня на коленях, прислонившись головой к моему плечу:

— С мамой всегда так уютно… Если, конечно, ты с нею не в ссоре.

1 ноября 48.

Саша:

— Мама, мы подписали с Галей договор о любви и дружбе. Чтоб любить друг друга и не обижать.

* * *

Саша:

— Мама, когда ты вышла на улицу, я спросила у своей подруги: «Красивая у меня мама?» А она отвечает: «Нет». (Пауза). Знаешь, как мне было неприятно…

18 декабря 48.

Саша:

— Мама, тетя Нора такая хорошая, что ты только ненамного лучше ее.

— А я совсем не лучше.

— Нет, лучше. Немного, но лучше.

— Да почему ты так думаешь?

— Для каждого человека его мать — самая лучшая. Вот и ты для меня — лучше всех!

Я решила: еще рано сообщать ей о существовании объективной истины — и удовольствовалась таким ответом.

Саша. 1948 г.

Рукой Ф. А. подписано: Эта фотография вырезана из журнала «Америка». Сходство с Сашей у этой девочки — поразительное. Даже выражение лица у Саши бывает в точности такое же.

26 декабря 48.

Таня пригласила Галю на «Евгения Онегина». Поэтому я сначала пересказала ей содержание, а потом почитала ей немного

из романа. Саша тоже слушала — и очень внимательно.

Я:

— Онегин сказал Татьяне, что не любит ее…

Саша в ужасе:

— Так и сказал?!

Когда я читала сцену дуэли, Саша в отчаянии зажала уши.

Слушая: «Нет, поминутно видеть вас, повсюду следовать за вами…», она изрекла: «Так ему и надо!»

И, наконец: «… Но я другому отдана и буду век ему верна!»

Саша удовлетворенно воскликнула:

— Права! Права!

* * *

Галя начала вести дневник.

10 января 49.

Мы решаем с Галей кроссворд: «Известный советский поэт» — 8 букв, последняя «в». Галя говорит:

— Некрасов!

— Какой же он советский? — спрашиваю я.

— А разве он не советский? Ведь он же хороший.

11 января 49.

— Если бы земля вертелась с такими толчками, с какими едет обычно троллейбус, — сказала Галя, демонстрируя свою пятерку по географии, — мы все попадали бы в мировое пространство и через некоторое время превратились бы в самостоятельные планеты, *подобные* земле.

И такая манера выражать свои мысли совмещается у нее с тройкой по письменному русскому! В записке, оставленной как-то Шуре, она писала: «завтро».

Такого позора в нашем семействе еще не бывало.

* * *

Галя очень любит маленьких, и они ее тоже очень любят.

12 января 49.

Саша:

— Мама, что такое циркуль?

— Это инструмент, с помощью которого можно нарисовать

ровный круг.

Саша:

— Так это же блюдце!

* * *

Галя:

— Мама, не туши свет, не уходи.

— Но ведь лампа мешает тебе спать.

Галя:

— Но мне приятно смотреть на тебя.

— Так я же сижу к тебе спиной.

Галя:

— Мне приятно смотреть на твой затылочек.

15 января 49.

Галя:

— Мама, скажи там в Союзе писателей, чтоб дали Сталинскую премию Луизе Олькот за книгу «Маленькие женщины» и Бичер Стоу за «Хижину дяди Тома».

20 января 49.

Саша:

— Мама, я была на кухне и там слышала очень интересный разговор. Все рассказывают, каким они представляют себе бога. Тетя Аня представляет себе бога маленьким, седым старичком в лохмотьях. А я думаю, что он очень высокий и что у него очень большие уши.

— ?!

— А видишь ли: тетя Аня говорит, что бог всегда всех слышит — и меня, где бы я ни находилась. Значит, у него должны быть большие уши. Иначе как бы он мог все слышать, посуди сама?

* * *

Галке кто-то рассказал: мать Вали Семеновой огорчена тем, что Валя вышла замуж за еврея. Галино удивление велико:

— Может, эта мать сумасшедшая? Ведь сейчас времена нормальные и все равны, — говорит она с глубочайшим изумлением.

* * *

Галя:

— Мама, объясни мне: почему Саша такая ревнивая?

* * *

По вечерам, когда Галя ложится спать, она обычно просит: «Посиди около меня».

Тогда Саша начинает вопить из соседней комнаты: «Нет, пойди лучше ко мне».

Вчера Галя сказала ей:

— Ты целый день с мамой, а я до трех часов в школе. А по вечерам, когда я дома, мама куда-нибудь улепетывает…

21 января 49.

Накануне Галя пришила к концам пионерского галстука черные полоски в знак траура. 20 января ходила вместе со своим классом в мавзолей.

22 января 49.

Галя:

— Мама, мы очень не любим нашу учительницу по истории. Знаешь, как она нам говорит: «Для меня все девочки равны — что Жукова, что Захарова — для меня все равно». Нас возмущают такие слова: чем уж так хороша Жукова и чем уж так плоха Захарова? Это обидно и гадко, правда? [*Жукова — дочь маршала Жукова, Захарова — дочь школьной уборщицы.* — А. Р.]

Я всегда на стороне учителя, всегда! Но тут и я ничего не могла сказать в защиту. И согласилась с Галей, что учительница не должна была так говорить.

24 января 49.

Диктор по радио: «Храните деньги в сберегательной кассе».

Саша, заносчиво:

— Сами знаем, где хранить!

Диктор: …по адресу: «Коровий вал…».

Саша, радостно:

— Коровий бал?!

* * *

Утверждает, что очень соскучилась по папе. Увидев в «Крокодиле» Шурину эпиграмму, поцеловала ее.

Говорит: «Раз папа оттягивает свой приезд, значит, он по нас не соскучился», — и мстительно добавляет: «Раз так, я напишу, что тоже не соскучилась, пусть знает».

Ревнива, подозрительна, мстительна, мелочна (в отношениях с людьми). А на вещи — щедра, всегда готова подарить, поделиться, отдать.

* * *

Вчера читала им выдержки из «Странствия во мраке» Флавина. Галя помнит все, хотя когда я читала вслух эту книгу впервые, Гале было всего 8 лет.

Итак, читаю: «Она любила всех своих детей, но Сэма больше всех: он был младший, последний».

Ночью Саша обращается ко мне:

— Мама, ты не спишь? Можно спросить тебя?

— Ну, спрашивай.

— Скажи, младших детей любят больше, чем старших?

— Иногда, — отвечаю я, вспомнив про Сэма.

— А когда? Когда они беззащитные?

— Да.

— Почему же ты нас с Галей любишь одинаково, ведь я младше?

— Какая же ты беззащитная? Ты сама кого угодно обидишь. И тебе уже шесть лет.

Это неосторожное замечание, я понимаю, потому что после паузы (довольно длинной) Саша спрашивает:

— А Сэму сколько было лет?

— Девять.

Саша молчит, но молчание это выразительнее всяких слов.

25 января 49.

Я:

— Галя старше тебя, и ты должна слушаться ее.

Саша, с усмешкой:

— А если она скажет: «Кидайся в колодец» — я должна кинуться?

* * *

Саша:

— Мама, мне снились белые цветы — что это значит?

— Ничего не значит.

— Нет, ты не понимаешь. Ну, вот, например, снится собака — это значит к дружбе, мясо — к болезни, а белые цветы к чему?

— Я не верю в сны.

— Ну, а для тех, кто верит, что это означает?

26 января 49.

Саша находится в состоянии вечной перепалки с радио:

Диктор:

— Граждане!

Саша:

— Какие мы граждане?!

Я:

— А кто же мы?

Саша:

— Мы — товарищи.

* * *

Саша:

— Мама, тебе звонили из какой-то редакции. Забыла… чего-то советское…

— «Советский спорт»?

— Нет, как-то иначе.

— «Советская женщина»?

— Вот-вот! Я потому забыла, что очень удивилась: что за такая советская женщина, у нас все женщины советские и вообще у нас все люди советские.

27 января 49.

Пришла мама Соня и напекла пирогов к Шуриному приезду. Саша посмотрела внимательно, а потом спросила:

— Это всё останется в нашей семье?

* * *

Форма, подаренная Гале в сентябре, превратилась в решето уже в конце первой четверти. Пришлось сшить новую. А еще ей куплены коньки и специальные к ним ботинки. Отыскала же их (это трудно!) доблестная мама Соня.

28 января 49.

Саша:

— Мама, знаешь, я решила ни с кем из нашей семьи больше никогда не ссориться. Даже с *папой*.

Она же:

— Мама, я ищу для своего календаря красное двадцать восьмое число: сегодня хоть не воскресенье, зато папа приехал, тоже праздник.

30 января 49.

Саша:

— Мама, вот эта история про Женю и цветик-семицветик — это правда, или сказка?

— Я думаю все-таки, что сказка.

— Мам, ну как же сказка! Ведь он пишет, что это случилось с его знакомой! Не может быть, что сказка! Это про знакомую его, понимаешь?

* * *

Саша:

— Мама, ты почему нарядилась? Уходишь, или ждешь гостей?

— Нет, остаюсь дома. Просто я решила надевать красивые платья для своих детей и для своего мужа.

Саша:

— Дай я тебя за это поцелую в шейку.

* * *

Саша:

— Мама, что такое ультитатим?

— Что-о?!!

— *Ультитатим*. Вот, в книжке.

Подхожу: «Тимур и его команда». Ультиматум.

* * *

Саша, Анне Федоровне:

— Влюбиться и любить — это не одно и то же. Влюбиться можно только во взрослого человека и обязательно в мужчину. А любить можно кого угодно — и маленьких, и больших, и мужчин,

и женщин.

Откуда у нее такие сведения? Это мне непонятно.

3 февраля 49.

Саша легла в кровать. Смотрит на меня:

— Спи, — говорю я.

— Необходимо поцеловать, — отвечает Саша.

8 февраля 49.

Галя задает Саше уроки: писать буквы, цифры. Саша очень любит это занятие. Но вот Галя поехала на Сретенку.

— Как же я буду без уроков? — огорчается Саша.

— Я могу задать тебе, потом сегодня придет к нам Анна Ивановна, она учительница, она тоже может тебя поучить.

— Нет, я хочу, чтобы Галя. Вы добрые, и ты, и Анна Ивановна. Вы обе за каждую закорючку можете поставить 5+, а Галя строгая.

— Я тоже могу быть строгой.

— Все равно, Галя строжее.

Мне это нравится. То, что ей не нужны поблажки.

9 февраля 49.

Саша:

— Лена, ты веришь в бога?

Лена:

— Верю.

Саша:

— Ну а *как* ты веришь?

Лена:

— А так, просто: сижу и верю.

* * *

Галя задала Саше урок. Саша сидит, корпит, выводит буквы и цифры. Вздыхая, приговаривает: «Ах, эти восьмерки меня просто в гроб вгонят, они меня прямо доконают, так трудно их писать!»

* * *

Саша пишет Шуре открытку:

— В слове «здравствуй» — одно «р» или два? Сначала мне не хотелось писать, а теперь знаешь как стало приятно? Это,

наверное, потому, что я его люблю. А как мне подписаться: «Саша»? Или: «Твоя дочка». Нет, я знаю, я подпишусь: «Твоя младшая дочка», чтоб он не подумал, что это Галя.

* * *

Саша:

— Мама, я тебя раз спросила: «Что такое любовь»? А ты сказала: «Это когда готов всё для человека сделать». Вот так любовь!

— Что, мало?

— Конечно, мало! Любовь, это когда ходишь за человеком хвостиком и как только он свободен, начинаешь с ним разговаривать. Вот как я с тетей Аней.

* * *

Сашу с каждым днем все больше угнетает ее смуглота. Купаясь, она просит Анну Федоровну: «Тетя Аня, три меня посильнее. Может, черная кожа сойдет, а под ней — белая, хорошая. Ах, зачем родители возили меня рожать в Ташкент! Неужели им нравятся такие черные дети? Если бы ты знала, как мне хочется быть беленькой, хорошенькой!»

15 февраля 49.

Шура Саше:

— У тебя ручки совсем холодные, а ручки и ножки должны быть теплые.

Саша:

— У меня не ручки и ножки, а руки и ноги! (Со злостью).

* * *

Проработав подряд восемь часов, я говорю:

— Я, кажется, обалдеваю…

Услышав это, Саша идет к Шуре и сообщает ему доверительным шепотом:

— Мама совсем обалдела.

— От тебя? — спрашивает Шура.

— Вовсе нет, — отвечает Саша с обидой, — от работы от своей.

19 февраля 49.

Саша:

— А почему кошки рожают без помощи кота? Кошкам что, муж не нужен?

23 февраля 49.

— Саша, ты в который раз читаешь эту книгу?

— В *стотый*.

И правда: закончив книгу, она тут же, без всякой передышки, открывает первую страницу и начинает читать снова. Иногда просит: «Найди мне место, где к Зое приезжает ее отец». Или: «Найди место, где рассказывается, как Зое подарили куклу», — и с упоением перечитывает такие избранные места. А книжка-то плохая-преплохая. («Школа в лесу». Сладкая, розовая. Как говорит Корней Иванович — мармеладная.)

6 марта 49.

У Сашки кончилось воспаление среднего уха. Началось оно в конце февраля. Каждый год и, примерно, в одно и то же время.

8 марта 49.

Девочки преподнесли мне шоколад, Анне Федоровне — письмо и цветы.

Саша:

— Мы были в шестях магазинах… Нет, в шестерых магазинах…

* * *

Галя:

— Мама, ну пожалуйста: ребеночка или собачку, ну прошу тебя, знаешь, как я буду их любить!..

* * *

Саша:

— Тетя Аня, ты русская?

— Русская.

— А кто я?

— Ты еврейка.

Саша (удивленно):

— Разве я еврейка?

— Кто же ты?

— Я узбечка, а Галя — москвичка. Папа тоже москвич. Если бы он был еврей, он знал бы еврейский язык, а он его не знает.

Я:

— А ты разве знаешь узбекский язык?

— Нет, не знаю.

— Какая же ты узбечка?

Саша (после некоторого раздумья):

— Да, пожалуй, я тоже москвичка, как Галя.

21 марта 49.

Если, читая, Саша доходит до страшного или печального места, она садится рядом со мной и берет меня за руку. По ее пальцам я могу судить обо всем, что происходит в книге: если пожатие становится крепче, дела героя плохи. Если пожатие ослабевает, дела героя идут на лад. Если Саша просто оставляет мою руку — книга кончилась хорошо. Если она переползает ко мне на колени и вздыхает, значит, развязка печальная.

* * *

Саша:

— Мама, подхожу я к этой бутылке из-под вина, заглядываю в горлышко: ничего нет. А мне так хочется, хоть капельку. Тогда я беру эту большую таблицу умножения, свертываю в трубку и говорю сквозь нее бутылке: «Вино, вино, налейся! Вино, вино, налейся!» И вдруг вижу: там появилось несколько капелек вина. Я их выпила и думаю: значит, эта трубка волшебная? Надо проверить. Как же это сделать? Смотрю я на обложку этой книги — она зеленая. Беру трубку и говорю очень вежливо: «Обложка, обложка, покройся розами и тюльпанами, ромашками и незабудками!» Несколько раз повторила, но обложка как была зеленая, так и осталась. Что бы это значило? Волшебная у меня трубка или не волшебная?

22 марта 49.

Я читаю Саше греческие мифы. О Зевсе она отозвалась так:

— У, черт! Из-за какой-то одной искорки так разозлился?

Сегодня она сказала мне:

— Мама, по-моему, если уж верить в бога, то уж в одного Прометея, да?

2 апреля 49.

Муки Тантала не производят на нее ни малейшего впечатления, только смешат.

— Понимаешь, — говорю я, — он стоит по горло в воде, но стоит ему нагнуться, чтобы отпить хоть немного, как вода тотчас отливает и пруд кажется совсем высохшим.

— Обидно, должно быть! — говорит Саша и смеется.

Это, наверное, потому, что муки жажды и голода ей еще не известны. Поэтому она и не жалеет Тантала. Сизифу она тоже не сочувствует. История с камнем, который то и дело скатывается, кажется ей смешным фокусом.

4 апреля 49.

Я читаю «Педагогическую поэму». Смеюсь, плачу, не нахожу слов — как хорошо! Девочки пристают: «Почему смеешься? Про что тут написано? Расскажи». — Тогда я прочла им про то, как Антон Семенович ударил Задорова и про то, как судили Буруна за воровство. Саша заворожена. Требует, чтобы ей дали прочитать всю книгу.

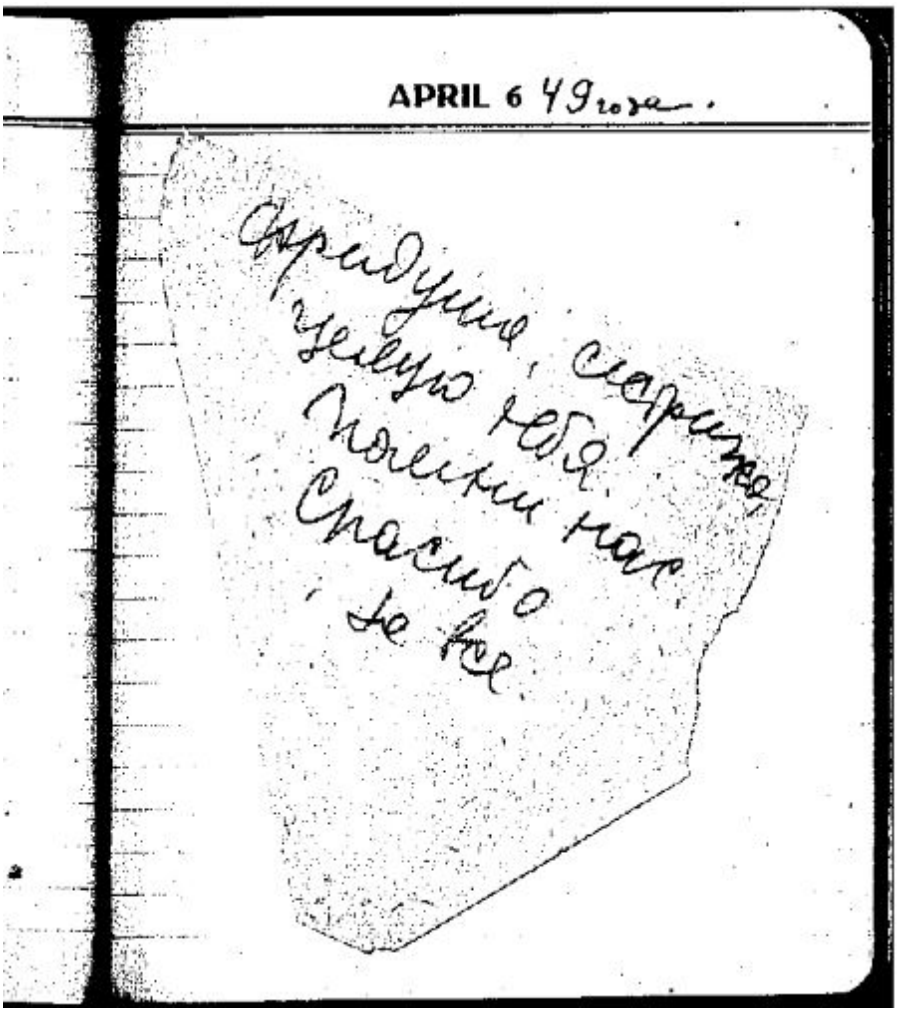
6 апреля 49.

[*6 апреля 1949 года в разгар «борьбы с космополитизмом» в Ленинграде арестовали ближайших друзей семьи Ф. А., Илью Захаровича Сермана и его жену Руфь Александровну. Им предъявили обвинение в «еврейском национализме и антисоветской агитации» (печально знаменитая статья 58–10), через несколько месяцев судили и приговорили И. З. к 25 годам, а Р. А. — к 10 годам заключения. Гале Ф. А. сказала, что это судебная ошибка и что друзья за них хлопочут (и действительно пыталась что-то делать: писала Эренбургу, консультировалась с адвокатами, и т. д., но изменить приговор, разумеется, ей не удалось), а маленькой Саше сказали, что тетя Руня и дядя Илюша уехали очень далеко — что тоже, в общем, было правдой. Четырехлетняя Ниночка осталась жить с бабушкой Генриеттой Яковлевной, а двухлетнего Марика забрали в Одессу родители Р. А.… На лето детей часто соединяли в Одессе, и Ниночка иногда проездом оказывалась в Москве «на Ермолаевском», поскольку Ф. А. и А. Б. продолжали тесно общаться с Генриеттой Яковлевной и считали ее и Ниночку как бы частью своей семьи. Но писать всего этого, тем более в детских дневниках, Ф. А. в то страшное время не могла. О многом можно догадываться по фотографиям Ниночки и Марика на страницах дневников.*

В архиве Ф. А. Вигдоровой, кроме детских дневников, сохранилось множество блокнотов с ее записями. В одном из них,

календарного типа, где на каждом листке стоят месяц и число, на листке с датой «Апрель 6» Ф. А. приписала «49 года» и вклеила туда обрывок конверта, на котором без подписи, но почерком Руфи Александровны, карандашом написано:

«Фридуша, сестричка, целую тебя. Помни нас. Спасибо за всё.» Когда Р. А. это написала (ясно только, что после ареста), и как ей удалось передать эту записку Ф. А., — установить уже невозможно. — А. Р.]



* * *

Саша прочла всего «Тараса Бульбу». Сама.

— Мама, тебе жалко Андрия?

— Жалко-то жалко, а все-таки Тарас его за дело убил.

— Это, конечно, — соглашается Саша. — За дело. Но все-таки жаль. Пусть бы уж лучше он ему назначил самые плохие муки, но не убивал. Мама, Тарас ведь хороший?

— Хороший, конечно.

— А почему же он был таким грубым со своей женой?

Я не знаю, что ответить. Тогда Саша сама приходит мне на помощь:

— Может, он не знал, что ей это неприятно?

— Может быть.

— Да, наверное, не догадывался. Но если не считать этой грубости, мне Тарас очень нравится.

7 апреля 49.

Саша:

— Мама, тут в книжке написано «вши». Кто это такие?

* * *

Саша нагрубила Шуре.

— Проси прощения! — говорю я.

Саша шепчет мне в самое ухо:

— Мама, как ты не понимаешь: сейчас неудобный случай. Сейчас папа меня не извинит, сейчас неудобный случай.

И находит-таки, каналья, удобный случай — ночью, когда Шура укрывает ее, она сквозь сон говорит ему:

— Папа, прости меня, пожалуйста!

И Шура не может устоять. Он говорит угрюмо:

— Ладно уж. Спи.

* * *

Когда Саше говорят: «Ты, Саша, в «Тарасе Бульбе», наверное, половину не поняла», — она отвечает: «А вот и нет! Всё поняла! Мне же не два месяца, чтоб читать какие-нибудь “Ладушки”».

Ни на какие Шурины провокации, спрашивавшего, женился ли Тарас на Бульбе, она не пошла.

* * *

Галя:

— Мама, когда я раньше читала слова: «Я памятник себе

воздвиг нерукотворный», — я думала, что Пушкин хвастается, воображает. Но теперь я понимаю…

* * *

Сажусь работать и велю детям не приставать. Немного погодя Саша осторожно:

— Мама, ты сосредоточена? Можно тебя спросить?

* * *

Галина записка:

«Мамочка! Мне попался 9 билет — приставки, их правописание. Я утром повторила их. Они мне и попали. Стала я говорить приставки, меня остановили. Молодец! Видно, что знаешь. Сказала басню. Получила 5. Меня похвалили. Я разбирала такое предложение: “Дома в ту пору без дела злая мачеха сидела перед зеркальцем своим и беседовала с ним”. Мне поставили 5».

25 июня 49.

Саша:

— Мама, ты нас ненавидишь за то, что мы с Галей живем недружно. А мне надо, чтобы ты нас навидела.

* * *

Мы с Галей ходили встречать Ниночку. Ее привезли друзья. На вокзале она долго оглядывалась, искала глазами маму, но ни о чем не спросила. Видно, она надеялась, что мама ждет ее у нас. Но у нас ее не было. Галя умыла Ниночку, я накрыла на стол. Усадив Ниночку, я увидела, что по лицу у нее текут слезы. Я впервые видела, чтоб четырехлетний ребенок плакал вот так: горько, молча.

Ниночка и Марик (Бубик) Серманы. 1948 г.

Ниночка и Марик (Бубик) Серманы. Лето 1949 г.

* * *

За Ниночкой приехала бабушка и увезла ее к себе в Одессу.

* * *

Шура купил Саше двухколесный велосипед, она никак не могла научиться.

— Если не научишься, — сказала я, — буду презирать тебя всю жизнь.

Я не приезжала на дачу неделю. Приехав, была встречена торжествующим воплем: «Я научилась!»

Тут же села на велосипед и поехала, выкликая:

— Ну, как? Теперь не презираешь? Теперь больше не презираешь?

* * *

Первого мая мы с Сашей ходили по улицам, купили красный воздушный шар и пустили его на волю. Он летел красиво и плавно. Люди останавливались и улыбались, следя за ним.

— Вот видишь, скольким людям удовольствие доставили, — сказала я.

Потом, даже три дня спустя, Саша, рассказывая про шар, непременно добавляла: «Вот сколько удовольствия мы людям доставили!»

1 июля 49.

Очень люблю эту белорусскую песню и буду петь ее Сашке:

Наша перепёлочка старенькая стала.
Ты ж моя, ты ж моя, перепелочка,
Ты ж моя родная перепёлочка.
А у перепёлки заболели ножки.
Ты ж моя, ты ж моя перепёлочка,
Ты ж моя родная перепёлочка.
А у перепёлочки маленькие детки.
Ты ж моя, ты ж моя перепёлочка,
Ты ж моя родная перепёлочка.
Поиграй же с нами, перепёлочка.
Ты ж моя, ты ж моя перепёлочка,
Ты ж моя родная перепёлочка.

9 июля 49.

Выслушав песню, Саша заплакала:

— Я потому плачу, — объяснила она, заливаясь слезами, — что перепёлочка старая, у нее всё болит, а дети этого не понимают и еще говорят: поиграй с нами.

* * *

Шура сказал Саше:

— Ты так много разговариваешь, что я стану звать тебя хрюшка-говорюшка.

— А еще лучше поросятина-говорятина, — предложила Саша.

Чувство юмора у нее безошибочное.

* * *

Я уже записала ее в школу. К той учительнице, которая учила когда-то Изю — с первого по четвертый класс. Ее зовут Александра Ильинична Воскресенская.

* * *

Шура Саше:

— Ты что всё споришь со мной? Разве можно идти против отца?

Саша:

— А Павлик Морозов?

24 июля 49.

Я сижу и работаю. Рядом со мной за столом сидят Галя, Эдда и Саша. Галя читает «В Крымском подполье», Эдда — «Возмутитель спокойствия», Саша — «Военную тайну» Гайдара. Тишина. Скрипит мое перо, дети дышат и листают страницы. И вдруг Саша говорит Эдде:

— Читай спокойно, Ходжу никогда не убьют.

— Зачем ты мешаешь ей читать? — спрашиваю я. — А мне работать?

— Я хочу, чтобы она не беспокоилась за Ходжу. Я не рассказываю ей содержания, я только говорю: читай спокойно, Ходжу не убьют.

20 августа 49.

На днях я случайно узнала, что мы — люди с достатком. Произошло это так.

— Понравилась тебе книга о Суворове? — спросил Сашу Овадий Герцевич [*Овадий Герцевич Савич, писатель, друг Ф. А. и А. Б.* — А. Р.].

— Нет, — решительно ответила Саша.

— Почему?

— Во-первых, он все время хвастает: сделает что-нибудь хорошее и сразу же начинает говорить: вот я какой! Потом мне не нравится, что он богатый, ездит в карете, и все там ходят в золоте-серебре. Я люблю, когда люди живут не богато и не бедно, а просто с достатком, вот как мы, например. Я понимаю, что Суворов был очень хороший, но все-таки меня огорчает, что он хвастал. И почему бы ему не ездить в трамвае, а непременно в карете?

25 августа 49.

На Сашу жалуется Клава Куприянова. Саше сильно достается. Рыдая и оправдываясь, она говорит:

— Она врет, не трогаю я ее Иришку — зачем мне она? Вот ты удивляешься, что я люблю больше мужчин, чем женщин. Так разве с дядей Сеней могла бы произойти такая история? Нет, мужчины гораздо лучше! — повторяла Саша сквозь плач. — Они не ябеды и не вруны…

27 августа 49.

Саша:

— Мама, а ты не будешь огорчаться, если я вместо золотой медали получу серебряную?

Я:

— Рано еще об этом думать.

Саша:

— Почему рано? Через какие-нибудь десять лет…

1 сентября 49.

Отвела Сашу в школу. Она проснулась сегодня в 5 часов утра и очень волновалась. Прощаясь со мной на школьном дворе, сказала сдавленным голосом:

— До свидания, мамочка. Передай привет папе.

Учительница вышла к ним навстречу веселая, смеющаяся.

Еще не заметив меня, направилась к Саше:

— Сразу узнала, вся в дядю!

Саша так сияла в ответ, что я чуть не ослепла, глядя на нее.

К часу надо пойти за ней.

* * *

Первый день полон событий.

Шура надел свой лучший костюм, я свое самое нарядное платье, и мы вместе отправились за ней в школу. И вдруг вместо хорошего, здорового ребенка, которого мы привели утром, нам выдали девочку с кривой шеей. Дело было так.

На первой же переменке Галя пошла навестить Сашу и увидела, что наша первоклассница держит голову набок.

— Ты почему наклонила голову?

— Шея болит.

Галя отвела Сашу к врачу; оказалось, вспухли желёзки, и называется эта болезнь кривошея. Надо лечь в постель и дня два-три не ходить в школу. Саша, услышав это, залилась горькими слезами. Но по дороге домой она уже довольно бодро рассказывала нам с Шурой о первом школьном дне:

— Всё было очень хорошо. Мне всё очень нравится. И учительница, и моя парта. Со мной сидит девочка Лида Слепак. Нам директор сказал три речи. Первую в школьном зале. Он сказал, чтоб мы хорошо учились. Третью он сказал у нас в классе. Он сказал, что Александра Ильинична очень хорошая, учит детей уже 40 лет и заработала орден Ленина. (Вторую речь обнаружить не удалось. Но Саша утверждает, что их было ровным счетом три.) Потом директор ушел, и нам сказала речь Александра Ильинична. Она показала нам портрет Ленина и спросила: «Кто это?» Все девочки сказали: «Ленин!» Тогда она стала рассказывать про Верховный Совет и про то, как он любит детей и заботится о них. Про то, как он хочет, чтоб все люди стали хорошие и строили коммунизм. (Коммунизьм, — говорит Саша). Потом Александра Ильинична повесила картину «Лето в парке». А кто не умел читать, должен был сказать, по каким признакам видно, что это лето. Девочки говорили-говорили, а потом Александра Ильинична спросила меня, не хочу ли я чего-нибудь сказать? Но я сказала, что я согласна с тем, что говорили другие девочки. Потом нам велели нарисовать то, что больше всего понравилось летом. Я нарисовала лес.

Тут мы пришли домой, уложили Сашу в постель, погрели синим светом и закутали ей шею. И она спросила:

— Почему это, когда я или Галя больны, с нами обращаются как-то нежнее?

Саша и другие девочки нашли у себя на парте книжку с дарственной надписью *(Ученице 1 кл. «А» 175-ой школы Саше Раскиной от учительницы)* и открытку.

9 сентября 49.

Саша снова пошла в школу. Она, как говорит Шура, переживает кризис жанра: школа нравится ей несколько меньше.

— Одна девочка на уроке показывала язык, ты только подумай: на уроке! А другая зевнула раз, другой, а потом положила голову на парту, да и заснула.

* * *

Я:

— Если не будешь гулять, станешь бледная.

Саша:

— Ну и что же, что бледная: за это ведь отметок не снижают.

* * *

Галя на даче прибежала ко мне, запыхавшись:

— Мама, к тебе сейчас придет Сережкина мать жаловаться: я ее Сережку стукнула три раза по шее.

— За что же ты его?

— Он сказал мне «жид».

— А-а, — говорю я. — Ну, пусть мать приходит.

Жду — никто не идет.

— Что ж Марья Петровна не пришла? — спрашиваю вечером.

— А Сережка ей не пожаловался. Он говорит: «Мне нет смысла ей рассказывать».

* * *

Саша Лене:

— Самое плохое — врать, спорить и ябедничать. Я раньше ябедничала, а теперь перестала.

Ленина считалка:

Из-под горки катится
Голубое платьице.
На боку зеленый бант,
Ее любит музыкант.

Музыкант молоденький,
Зовут его Володенькой.
Через годик, через два
Будешь ты его жена.

12 сентября 49.

Саша долгое время звала меня «Милочка». Сегодня она сказала:

— Послушай-ка, что я надумала: я буду звать тебя «Людмилочка» — это значит «мила людям», ведь тебя же твои знакомые любят?

* * *

Саша:

— Ох, мама, у тебя лицо сердитое… Когда у тебя лицо сердитое, мне сразу так скучно становится…

13 сентября 49.

Саша:

— И еще я Суворова, знаешь, за что не очень люблю? За то, что он часто нападал первый. Правда, в книжке это не очень понятно сказано, но я все-таки догадалась, что он нападал первый.

* * *

Я прочитала ей «Батрачку» Шевченко. Слез было!

— Зачем, зачем ты мне читаешь книги с таким плохим концом?!

16 сентября 49.

Галя:

— Мама, вот послушай из «Швамбрании»: «Когда в нашей квартире засорялась уборная, замок буфета ущемлял ключ или надо было двинуть пианино и поправить электричество, Аннушку посылали вниз, где жил рабочий железнодорожного депо, просить, чтоб “кто-нибудь” пришел. Кто-нибудь приходил, и вещи смирялись перед ним. *Мама говорила: “золотые руки” и пересчитывала в буфете серебряные ложечки…*» На кого это похоже, а? На маму Соню! Ну, конечно, на маму Соню!

Саша:

— *Типичная* мама Соня.

Она же:

— На этом платье нет кармана, а *я просто погибаю* без кармана.

Галя:

— Откуда у тебя такие словечки: «типичная», «погибаю»?

Саша:

— Как откуда? Из книг, конечно.

* * *

Саша:

— Мама, вот я читаю про Володю Дубинина. У него был отец, молодой довольно, и там сказано, что он жил в 35-м году, а потом говорится, что он жил еще в 19-м веку.

— Не в 19-м веке, а в 19-м году.

— А я думала, что это одно и то же.

* * *

Саша:

— Мама, мне наш физкультурник не нравится. Он повышает голос и очень грубо кричит, вот так: «Р-рав-няйсь! Ста-но-вись!» Мне это не нравится.

— Дурочка, так ведь это команда. Разве можно командовать тихо?

— Не тихо, конечно, но зачем же грубо? Можно так: равняйсь! Становись! (Эти слова Саша произносит ласкательным, почти просительным голосом.) Нет, он мне не нравится, и у меня с ним вражда. Он говорит, что я плохо играю в «солнышко» и в «птички».

* * *

Саша:

— Тетя Аня говорит, что мы все как цветки: я еще маленькая, Галя только начинает цвести, ты, мама, цветешь, а она, тетя Аня, отцветает. Это значит, что Галя молоденькая, ты не совсем молоденькая, а тетя Аня совсем не молоденькая.

Скучно узнать, что ты «не совсем молоденькая».

* * *

Прощаясь с Лидией Корнеевной, Саша узнает, что Лидия Корнеевна идет в милицию.

— Привет милиционеру! — говорит любезная Саша.

* * *

Школа ей нравится с каждым днем больше. Но пишет она с кляксами. А обложка тетрадки уже в каких-то жирных пятнах.

Встает она с трудом, хотя и ложится рано — между 8 и 9 ч. Сегодня пояснила мне:

— Я читала в одной книжке, что надо развивать волю. И когда утром мне очень не хочется вставать, я вспоминаю, что надо развивать волю, и раз-два! — быстро встаю.

* * *

Саша:

— Мама, почему бы тебе не выйти замуж за дядю Сеню? Переженитесь: ты выходи за дядю Сеню, а папа пусть женится на тете Ляле. Мне дядя Сеня очень нравится, он закаленный, и на даче ходил босиком.

* * *

Саша:

— Мама, мы с тобой дружим?

— По-моему, дружим. А ты как думаешь?

— Я тоже думаю, что дружим. Но я захотела проверить.

* * *

Саша:

— Мама, давай играть — кто кого ласковей назовет: я тебя или ты меня.

17 сентября 49.

Саша:

— Для девочек я знаю много ласковых слов: ласточка,

солнышко, звездочка и еще много. А для мальчиков я знаю только одно ласковое имя: орёл.

18 сентября 49.

Шура с Сашей пришли в Союз писателей. Саша смотрит на скульптуру Венеры и говорит:

— Зачем тут стоит голая женщина?

— Это богиня, — отвечает Шура, полагая, что вопрос исчерпан.

— А разве у богини бывает пупок?

И верно: откуда бы у Афродиты пупок, если она возникла из морской пены?!

* * *

Шура:

— Саша, принеси мне воды, но только, пожалуйста, не урони чашку, не разбей графин и не ударься головой о подоконник.

Саша:

— Я непременно уроню чашку, разобью графин и расколочу себе голову о подоконник.

Но воду приносит.

* * *

Елена Евгеньевна подарила Саше шапочку. Встретившись с ней, Саша сказала:

— Ваш беретик мне ужасно *пригожается*.

23 сентября 49.

Саша:

— Мама, почему тебя так долго не было? Я прямо исстрадалась за это время.

* * *

Саша:

— Мама, почему папа так много шутит?

Помолчав:

— И почему он иногда так много сердится? И так часто мерит мне температуру?

24 сентября 49.

Я пришла за Сашей в школу.

— Можно, к нам в гости пойдет Света Копейкина? Я ее пригласила, — говорит Саша.

Света Копейкина стояла тут же и обратного хода у меня не было. Мы пошли домой. За всеми девочками приходили мамы, а за Светой никто не пришел. И тогда она сказала:

— Слава богу, скоро я перестану мучиться. Моя мама через три дня пойдет в отпуск и станет приходить за мной. Она меня будет ждать вот на этом углу.

Саша была очень довольна:

— Ты любишь, когда тебе читают? Хочешь, я дома тебе почитаю? Ты любишь про приключения? Приключения — это когда про страшное, про плохое, а потом хорошее, веселое. А потом пойдем во двор и будем играть в мяч.

Света (маленькая, беззубая, круглолицая, беловолосая, с бантом на самой макушке) на всё была согласна. Но, придя к нам, она категорически отказалась завтракать.

Саша уговаривала ее так:

— Разве можно не кушать? Ты ведь будешь тогда получать двойки. Моя сестра Галя решила не есть по утрам и сразу же стала получать тройки. Будешь хорошо есть — будешь хорошо учиться.

Но Света не сдавалась. Тогда Саша пустила в ход совсем уж неожиданное оружие:

— А ты хочешь выйти замуж, когда станешь большая? Чтоб муж у тебя был хороший, не какой-нибудь урод, а красивый? Тогда кушай. А не станешь есть, жених у тебя будет рябой, мне это бабушка Валя так говорила.

И тогда Света Копейкина призналась:

— Я боюсь твоего папу.

Саша стала уверять ее, что Шура совсем не страшный.

— Ты очков испугалась, да, очков? Так ведь это потому, что он плохо видит, что ж тут страшного?

И принялась кормить Свету с ложечки. Та покорно открывала рот и глотала, насколько я могла судить, не жуя.

Потом они пошли во двор и долго гуляли там. На прощанье Саша показала Свете нашу вторую комнату:

— Здесь, — сказала она, указывая на Шурину кровать, — спит Михаил Иванович, здесь — Настасья Петровна, а тут — маленький Мишутка.

* * *

Саша поглощена тем, что они с классом едут на экскурсию («искурсию») в Останкино.

— Ты будешь писать мне туда? — спросила она и была разочарована, узнав, что с экскурсии возвращаются в тот же день.

Из Изиного письма[38]

…Фридочка, ты просишь меня припомнить какие-нибудь фронтовые эпизоды, материал для твоей будущей повести. Поначалу я тебе расскажу про Илью Мнухина и про то, как отец летал на фронт.

Пусть и Галка и Сашка почитают. Галка — та ведь даже могла запомнить Мнухина. Сашка была еще мала, а ты где-то в командировке.

Так вот, летом 1944 года, во время наступления 3-го Белорусского фронта на Минск, я познакомился с командиром транспортной эскадрильи, капитаном Ильей Мнухиным. Эскадрилья помогала нам перебазироваться на очередной аэродром по пути на запад, вслед за стремительно наступавшей пехотой. На этого Мнухина нельзя было не обратить внимания. Он был громаден весь. Всё было пропорционально его росту — голова, нос, губы, руки с пальцами, каждый из которых был соответственно велик. Ноги бог весть какого размера, но наверняка больше максимального интендантского 45–46-го. Он ничего не мог использовать из обмундирования, полученного непосредственно на вещевом складе — все для него перешивалось, шилось, увеличивалось. И голос соответствующий — бас.

Он еще до войны был в гражданском воздушном флоте пилотом I класса. Летал замечательно, в любую погоду, что по тем временам было очень непросто. (Это теперь автоматы и приборы слепого самолетовождения и слепой посадки.) Внешне его можно представить себе так: здорово похож на известного артиста Иону Бий-Бродского, игравшего смешного Шлёму в кинофильме «Искатели счастья». (Помнишь, он говорит старой еврейке: «Тетя Двойра, мне нравится ваша Роза»?)

Между прочим, это сходство многие подмечали и на всем фронте называли Илью ласково «Шлёмой». А он был не дурак выпить; мне льстило знакомство с ним, и я его пригласил к себе на новом аэродроме в гости. Мы встречались с ним еще несколько раз, при каждом перебазировании на запад, когда он привозил к нам для инспекции генерала Хрюкина, командующего воздушной армией (он уже сейчас умер), который любил с ним летать.

Весной 1945 года мы стояли на аэродроме около одного из немецких городов. Рядом был штаб воздушной армии, и

Ильюшкина эскадрилья базировалась с нами на одном аэродроме. Мы стали видеться еще чаще.

Однажды ко мне заходит Илья и говорят: «Готовь приветы, я лечу на пару дней в Москву». Я написал письма маме с папой и тебе.

Мнухин улетел в Москву в середине марта месяца, когда мы вели тяжелые бои за взятие Кенигсберга, нынешнего Калининграда. У немцев было много истребительной авиации и очень много зенитной артиллерии, стянутой со всей Восточной Пруссии, и мы несли тяжелые потери.

В один из мартовских дней, когда позади были уже два боевых вылета, меня снова вызвали в штабную землянку. Я решил, что будут давать задание на третий полет. Третий вылет за один день для фронтового бомбардировщика — это много, и я не особенно-то был доволен такой перспективой. Дело шло к вечеру, день был ясный, и я не сомневался, что к тому времени, когда мы выйдем на цель, солнце будет на западе и будет бить в глаза, слепить, и цель найти в таких условиях очень трудно, трудно прицеливаться. Возможно, что придется зайти с тыла, с запада, а, значит, дольше быть под обстрелом.

Но я ошибся. В землянке командир полка Палий объяснил мне, чтоб я шел домой, меня там ждут и что летать сегодня мне больше, вероятно, не придется.

Я шел и думал: кто меня ждет? Вообще-то могли ждать и приятели из соседнего истребительного полка, и знакомые из базировавшегося в городке эвакогоспиталя. Но я чувствовал, что ждет меня кто-то другой, какой-то необычный гость.

Я быстро вбежал на свой второй этаж, вошел в комнату… На диване сидел, откинувшись на спинку, руки немного назад, папка.

Его я не ожидал, не мог ожидать ни при каких условиях, это было исключено, это было невероятно.

Мы обнялись. Руки у отца дрожали, он был очень взволнован. Смотрел на меня с гордостью. Очевидно, ему понравился мой боевой вид — шлемофон у пояса, комбинезон, огромный немецкий парабеллум, висевший в кобуре (крымские трофеи) и, главное, загар. Ранней весной, когда много солнца, лица у летчиков преждевременно загорают, кожа обветрена… Это придает лицам особенно мужественное выражение.

Конечно, отца привез Илья Мнухин. Только у него одного могло хватить дерзости (и нахальства) без всякого на то разрешения свыше (которого никто ему и не дал бы) взять на борт военного самолета, принадлежавшего лично командующему воздушной армией, шестидесятилетнего московского доцента

кафедры педагогики, глубоко штатского, и доставить его непосредственно на полевой аэродром гвардейского Таганрогского многих орденов Красного знамени, Суворова, Кутузова и т. д. бомбардировочного полка.

Папа рассказал мне, как было дело.

Открылась дверь, и вошел совершенно необъятных размеров летчик. «Привез вам привет от сына». Счастливая мама подбежала поближе. Ростом она была ему примерно до пояса. Вообще образ Ильи Мнухина остался легендой в нашей семье. Мама знала, как надо принимать моих друзей с фронта. Для этой цели всегда у нее был Н. З. (неприкосновенный запас), в основе которого лежали водка и сухая колбаса. Илья пришел еще с одним летчиком.

Мама усадила их за стол и поставила Н. З. Этого оказалось недостаточно, и Илья кое-что добавил из своего кармана. Мама со страхом смотрела на горсточку котлет и колбасы, совершенно несоразмерную с Ильюшиным ртом. (К слову сказать, Илья ел мало.) Мама предложила им переночевать у нас, и они охотно согласились. Очевидно, после фронта было приятнее переспать в домашней обстановке, чем в гостинице московского коменданта.

Поздно вечером вновь собрались за столом: Илья с Томилиным, мама, папа. (Да еще Галя с Сашей.) Мама рассказывает, что Сашка охотно пошла на руки к Илье и ее попка полностью уместилась в его огромной руке. Он вытягивал руку вперед, и Сашка была довольна. Разговор шел обо мне, о фронте.

Много хлопот вызвало устройство постели для Ильи. К кушетке придвинули два наших древних кресла (в которых, помнишь, когда мы были маленькие, были внезапно обнаружены 16000 николаевских бумажных денег?). Но и этих кресел оказалось мало. Пришлось добавить стул. Назавтра оба наших гостя пришли днем. Мама снова усадила их за стол пить чай. Илья сказал, что завтра уже увидит меня и расскажет мне, какие у меня гостеприимные родители.

— Как же я вам завидую, что вы увидите сына, — сказала мама.

— Ну, если уж вы так хотите видеть сына, — то летим завтра со мной!

Командующий остался на несколько дней в Москве, и они шли обратно порожние. Разговор был вполне серьезный. Мама сразу же позвонила на работу к папе и сообщила, что вылетает ко мне. Отец тогда же решил, что тут нужен мужчина, и решил полететь сам.

Папа взял на несколько дней отпуск, который ему немедленно предоставили по такому из ряда вон выходящему

случаю, через час уже приехал домой, и они все трое к вечеру выехали на аэродром.

Как удалось Илье протащить отца через аэродромных часовых, я точно не знаю. Но Илья настолько хорошо ориентировался на аэродромах и его, в свою очередь, так все хорошо знали, что, вероятно, это было не столь уж сложно.

Долетел отец вполне благополучно, однако первое впечатление на аэродроме было у него самое тяжелое.

После первого вылета часть самолетов вернулась обратно с бомбами, так как цель случайно затянуло неожиданно подвернувшимся с моря туманом. В те дни мы частенько подвешивали трофейные немецкие бомбы и отвозили их к «хозяевам». И вот что случилось: при посадке одного из самолетов оборвалась 500-килограммовая немецкая бомба и взорвалась прямо на нашей ВПП (взлетно-посадочная полоса).

Этот взрыв и было то первое, что увидел на аэродроме отец. Илья поспешил увести отца ко мне и настрого запретил выходить из комнаты.

К вечеру пришел от командира полка посыльный и передал мне, что отца приглашают на ужин в летную столовую. Когда мы вошли, летчики шумно нас приветствовали. Всем здорово понравилось, что старый отец прилетел на фронт. Это было впервые, что кому-то из отцов такое дело удалось. Отец не дичился военных, всегда их любил и быстро овладел вниманием всего стола. Его расспрашивали о Москве, о жизни в тылу, об институте. Нас все это здорово интересовало, так как война, полеты, смерть — это мы все видели каждый день здесь, а вот тыл, Москва, какой-то институт — это другое дело.

Вместо водки, как это часто бывало, нам выдали положенный фронтовой паек спиртом. Кроме того, в последние дни мы летали часто по два-три раза в день. А тыловики как-то сопоставляли положенные сто грамм с количеством самолетовылетов, так что нашим старшинам без труда удавалось в такие жаркие дни добывать спиртоводочное довольствие в удвоенном, а то и в утроенном количестве. Короче говоря, за ужином спирту хватало, и налит он был в большие трофейные бокалы. При этом, если кто и разводил спирт водой (так велела наша полковая врачиха, Марья Ивановна), то делал это весьма умеренно.

Все с интересом ожидали, как отец отреагирует, в смысле выпивки, на первый тост «За победу над фашизмом». Он отреагировал так: отпил немного, сделал удивленное лицо (крепко же!), отпил еще раз, еще раз удивился, поставил бокал на стол, отломил кусок белого хлеба, обмакнул в спирт и принялся жевать.

Восхищение присутствующих было неподдельным.

Вовка Синица сказал мне, что хотя ему и ясно, в кого я пошел насчет умения выпить, но что мне еще очень далеко до отца. Отец умел пить и не пьянел. Этим умением отличались у нас немногие, и это ценилось.

Короче говоря, отец понравился.

Назавтра, часа в три утра, мы отправились на аэродром, оставив отца спящим. Утром он ушел осматривать город. Он шел по улицам, между развалин, в хорошей шубе, в каракулевой шапке «пирожком». Шуба была старинная, мех — лира, цветастый, черный с белым, на отворотах виден. Примерно через час его привели в комендатуру для проверки данных (как так: «этот фриц» утверждает, что он советский, в гостях у сына). Отец, на счастье, запомнил фамилию командира полка, и к нам в штаб позвонили. За отцом пришел парторг полка и увел его с собой. Через парторга отец познакомился с техническим составом, с нашими метеорологами. С ними он стал ходить в столовую и на аэродром. Он научился считать, сколько самолетов вышло на задание и сколько самолетов возвращается обратно. Так как летало несколько эскадрилий из двух соседних полков, то иногда он хватался за сердце, видя, что идет пятерка вместо ожидаемой девятки, а иногда удивлялся, что идут девять самолетов, хотя вылетело только семь. Но вообще-то самолетов уходило, как правило, больше, нежели возвращалось… И бывало так, что не возвращался кое-кто из тех, с кем отец уже познакомился. Отец за три дня осунулся, побледнел, у него стали часто дрожать руки. Он очень переживал потери, и, возможно, ему чудилось, что в самолетах, которых он недосчитывался, мог быть и я. Он уже начал вскакивать вместе с нами под утро и глядеть на облачность (этому его научил метеоролог Костюченко), с надеждой говорил: «Облачность 200 метров, возможны обложные осадки, летать сегодня нельзя» и т. д. В общем, было ясно, что отца нужно срочно отправить домой. Илья Мнухин куда-то, как назло, улетел. Пришлось договариваться со случайно оказавшейся у нас известной транспортной летчицей Козловой, чтобы взяла с собой папу.

Папа долетел благополучно до одного из подмосковных аэродромов, где его передали прямо в руки коменданта.

Комендант удивился ловкости старика, умудрившегося слетать к сыну на фронт, и на своей машине отправил его домой.

Отец весьма гордился всей этой историей, на людях важничал, сделал на кафедре доклад о своем «пребывании на фронте». Однако ночью, лежа в постели, он маме с дрожью в голосе рассказывал все, что видел, и они вместе переживали

судьбу мою и моих товарищей.

И. А. Вигдоров (справа) с однополчанами. Восточная Пруссия, весна 1945 года.

* * *

Я прочитала это письмо девочкам вслух. Галя уверяет, что помнит Мнухина.

25 сентября 49.

Саша прочитала в «Мурзилке» такие стихи:

Поступил я осенью
В школу в первый А,
Я считаюсь школьником
С первого числа.

И так далее — про мальчика-первоклассника. Кончалось стихотворение так:

И меня учитель
Молодцом назвал,

Первую пятерку
Ставит мне в журнал.

Саша придумала, как переделать стихи, чтоб все было про девочку:

Я поступила осенью
В школу в первый А,
Я считаюсь школьницей
С первого числа.
……
И меня учитель
Умницей назвал,

и т. д.

«Мурзилка» пришла в тот час, когда у нас была Сашина учительница, Александра Ильинична. Она сказала Саше, чтоб мы завтра принесли переделанные стихи в класс, — и девочки их разучат.

На другой день Саша с упоением докладывала:

— Александра Ильинична прочитала стихи и сказала: «Это Саша Раскина их переделала». И все глаза устремились на меня с уважением. И на перемене девочки позвали меня: «Саша, пойдем играть!» А прежде они меня не звали. Видишь, сделаешь для всех что-нибудь хорошее, и все сразу начинают уважать.

27 сентября 49.

Какой несчастный у нас сентябрь. Саша второй раз болеет: воспаление среднего уха.

6 октября 49.

Саша пошла в школу.

* * *

Галя:

— Мама, тебе нет никакого смысла кого-нибудь рожать: ведь Шура не позволит мне его нянчить, а тогда — как же ты справишься? Тебе ведь будет очень трудно.

8 октября 49.

Сегодня Шуре 35 лет.

Саша снова захворала: горло, температура 37,7.

9 октября 49.

Шура долго притворялся, будто ему совсем все равно, как Саша станет учиться. Он даже делал вид, что терпеть не может отличников. Но теперь каждая клякса в Сашиной тетради волнует его больше, чем Сашу. Он справляется, сделала ли она уроки, написала ли, как задано, «папа, лапа и паук», знает ли, сколько будет 3 + 4. А на днях был на родительском собрании. И уже крупно поговорил с директором на тему о том, что в коридорах холодно.

10 октября 49.

Галя, рассматривая альбом по древней истории, который я привезла ей из Ленинграда:

— Братья Гракхи — вот это были люди!

* * *

Галя рассказывает, что весь ее класс *болеет* за карфагенян против римлян. Карфагенян любят, им сочувствуют, а римлян ненавидят.

* * *

Саша:

— Мама, посмотри, как тут написано в книге «За власть Советов»: «Из них такие же саперы, как из г. пули». Что такое «г»?

— Это ругательное слово.

Саша молчит, а потом говорит задумчиво:

— Знаешь, мама, я *предполагаю*, что это коровьи лепёшки.

14 октября 49.

Галя, вернувшись из школы:

— Кто пришел? Это я пришла: звеньевая первого звена! Меня только что выбрали!

Видно было, что польщена.

28 октября 49.

Сашенька снова больна. Жалко ее до слез. В школу, о которой столько мечталось, она ходила не больше десяти дней за два месяца. Праздники пропустит.

31 октября 49.

У Саши была высокая температура, и она никак не могла уснуть.

— Приляг ко мне! — сказала она. — Я от материнского тепла непременно усну.

Я прилегла, и она действительно уснула. И потом много раз повторяла: «Материнское тепло — это первое лекарство».

1 ноября 49.

Саша, с отчаянием:

— Табеля я не получу… В октябрята меня не примут… На утреннике я не буду… Господи!..

4 ноября 49.

Саша:

— Как собака чует шаги своего хозяина, так и я по звонку чую папу.

5 ноября 49.

Саша:

— Папа, ты жил при царе?

— Да, три года.

Саша, с глубоким сочувствием:

— Плохо тебе было?..

* * *

Письмо Александры Ильиничны:

Дорогая Саша!

Все девочки шлют тебе привет и желают хорошего веселого праздника. Посылаем тебе звездочку.

Мы уже октябрята.

Саша, учись писать заглавные буквы А, С. Примеры решай № № 191, 192.

Крепко тебя целую.

Света шлет тебе особенный привет. Она стала лучше учиться.

Любящая тебя — твоя учительница.

Привет папе и маме.

7 ноября 1949.

Саша:

— Мне очень хочется, чтобы всем людям жилось хорошо,

чтобы все были свободны.

* * *

Лена Кузнецова здоровается со мной по нескольку раз на день: сколько раз увидит, столько раз и здоровается.

— Зачем ты так часто здороваешься с тетей Фридой? — спрашивает ее мать.

— А она, знаешь, как отвечает? — мечтательно говорит Лена. — Она отвечает: «Здравствуй, солнышко!» Потому я и здороваюсь.

* * *

Саша читает «Принца и нищего». Читает и комментирует:

— Гуго — черт. А леди Эдифь хорошая или плохая? Не могу понять, но подозреваю, что не очень хорошая: она не хотела уйти от Гуго. Если б она была такая уж хорошая, зачем ей нужен был такой плохой муж? А принц — хороший или плохой? Не пойму. Как будто бы и хороший. Но какой же он хороший, если он говорит человеку, который его спас: «Как ты смеешь сидеть в моем присутствии?»

* * *

На Сашин вопрос: «Видел ли ты когда-нибудь мать-героиню?» Шура, не задумываясь, ответил: «Я видел отца-героя».

Кого он имел в виду — понять нетрудно.

11 ноября 49.

Саша:

— Важен не чин, важен характер. Понимаешь? Главное не какой у человека чин, а какой у него характер.

* * *

Саша:

— Мама, я понимаю тебя по одному жесту́.

— Же́сту!

— Же́сту? Хорошо. Так вот, я понимаю тебя даже, когда ты

ничего не говоришь. Вот, например, я тебя чего-нибудь спрашиваю, а ты поднимаешь брови, — значит, ты удивляешься или не понимаешь. Вот ты нахмурила брови — значит, сердишься. Если закусила губу — значит, опять сердишься. Я знаю по твоим глазам, когда ты удивляешься, а когда огорчаешься.

12 ноября 49.

Сашка только и делает, что обобщает:

— Хороший человек, если напьется пьяный, становится веселый, поет песни или засыпает. А плохой человек, если напьется, — начинает драться или ругается злыми словами.

В школу еще не ходит. Тощая, бледная, зеленая. Жалкая такая.

16 ноября 49.

Впервые после месячного отсутствия пошла в школу. Утверждает, что Света Копейкина была так рада, так рада, что даже не могла сосчитать, сколько будет 10 + 10. А на переменке от радости Света Копейкина прыгала и плясала.

* * *

Галя:

— Мама, у меня к тебе страсть.

— Что это значит?

— Это значит, что я тебя очень люблю.

* * *

Саша читает «Хижину дяди Тома».

— Плачешь? — спрашивает Шура. (Издевательски.)

— В душе, — говорит Саша. — Внутренне, — добавляет она подумав.

20 ноября 49.

Саша:

— Мама, все великие писатели умерли — что это значит?

* * *

Саша опять больна.

Теперь «Хижину» читает Галя. Потеряла сон и аппетит. Дойдя до страниц, описывающих смерть Тома, бросила книгу и почти со слезами заявила:

— Не буду читать дальше!

— Я тоже так решила, но интерес победил, — сказала Саша.

— Что это значит «интерес победил»?

— А в книгах всегда так пишут: «Совесть победила», «Скупость победила».

1 декабря 49.

Саша:

— Сколько есть на свете прощальных слов: до свидания, прощайте, всего хорошего, будьте здоровы, счастливо оставаться…

2 декабря 49.

Саша:

— Что такое брак?

Галя:

— Вот Изя с Машей поженились, значит, они заключили между собой брак.

Саша, с изумлением:

— Ну что ты… Тут написано: «При обнаружении брака просим сообщить…»

9 декабря 49.

Саша:

— Мама, когда ты была маленькая, для тебя ученье было когда-нибудь мученьем?

— Нет, никогда. Я любила учиться.

Саша:

— И я люблю. А Галя иногда садится делать уроки и говорит: «Одно мученье».

* * *

Саша:

— Папа, смотри, что тут написано: «Мальчик ругался матерными словами». Какие же это слова — матерные?

Шура поперхнулся, несколько даже подавился, но вышел из трудного положения с честью:

— Это плохие слова, слова, которые нельзя произносить при

матери.

Но Саша возразила:

— Тогда все ругательные слова — матерные. Потому что какие же плохие слова можно произносить при своей матери?

Через полчаса Шура сказал по какому-то поводу:

— Какое хамство!

И Саша спросила:

— Зачем же ты ругаешься матерными словами?

10 декабря 49.

Проблема Светы Копейкиной стоит перед нашей семьей во всей своей остроте. Она сидит с Сашей на одной парте и не дает ей покою: то хватает за ногу, то дует в ухо (?!), то макает палец в чернила и проводит этим самым пальцем по Сашиным волосам. Придя в отчаяние, Саша спросила: «Ты разве со мной не дружишь?», на что находчивая Света ответила: «Я с тобой дружу, но сейчас с тобой не вожусь».

Саша долго совещалась с Шурой, как быть. Шура давал ей какие-то советы. На другой день Саша, примчавшись из школы, завопила еще с порога:

— Мама, какой интересный разговор был со Светой Копейкиной. Послушай: я ей говорю: «Света, ты мне товарищ?» А она говорит: «Я тебе не только товарищ, но и друг, не знаю только, как ты мне». «Я тебе тоже друг, — сказала я. — И я тебя прошу: не мешай мне на уроках. Я ведь много пропустила. Вы знаете уже весь алфавит, а я только половину. Если ты будешь дуть мне в ухо, я отстану от вас и останусь на второй год, а мне это будет очень неприятно». И Света мне совершенно перестала мешать. Мне даже сделалось как-то скучно…

12 декабря 49.

Непонятные слова Саша всеми способами старается сделать для себя осмысленными. «Георгиевский крест» она называет «Героевским». Услышав про политэкономию, сказала: «Ипполитэкономия».

23 декабря 49.

Саша:

— Если бы у меня была волшебная палочка, я прежде всего сделала бы так, чтоб ожил Владимир Ильич. Потом, чтоб был жив Галин папа. Потом, чтоб ожили все великие, хорошие люди прошлых веков. А потом я взмахнула бы палочкой в последний раз, чтоб стал коммунизм…

Она же:

— Мама, почему такие маленькие незаметные буквы, как «а», «и», называются таким большим словом СОЮЗ?

26 января 50.

Сегодняшний день должен быть отмечен особо — вернувшись вечером домой, я нашла на столе такую записку: «Прочла Шекспира “Ромео и Джульетта”. “Король Лир” больше понравился, плакала. Нет ли еще чего-нибудь вроде этого? Галя».

Ф. А. Вигдорова. Карандашный портрет работы Е. В. Пастернак. 40-е годы.

30 января 50.

Саша:

— Мама, знаешь, я боюсь, что я такая же чеславная, как Андрей Морозов [*Тщеславный, себялюбивый мальчик из книги Ф. А. «Мой класс».* — А. Р.] из твоей книжки. Мне это очень неприятно.

— А почему ты так думаешь?

Саша:

— Я не огорчаюсь, когда у других двойки. Я, конечно, не радуюсь этому, но и не огорчаюсь.

* * *

Александра Ильинична болеет, и ее замещает молодая учительница Татьяна Михайловна. Саша любит ее:

— Знаешь, какая она хорошая? Умная, справедливая, добрая.

— И красивая? — спрашиваю я.

Саша отвечает, подумав:

— Возле тебя, конечно, нет. Но вообще — красивая.

Я была ошеломлена таким ответом.

* * *

Саша:

— У нас сегодня в классе все девочки кричали: моя мама лучше всех! И так и не решили, чья мама лучше.

— А про папу не кричали?

— Нет, про папу ведь ничего не говорится в «Родной речи». А про маму есть очень хороший рассказ, вот послушай: на улице в толпе заблудилась маленькая девочка. Бегает, кричит, ищет свою мать. Народ спрашивает у нее: «Какая же твоя мама?» А девочка сквозь слезы говорит: «Разве вы не знаете? Моя мама та, что лучше всех».

* * *

Света Копейкина оказалась подлюгой. На уроке она подняла руку и сказала учительнице:

— Татьяна Михайловна! А Саша Раскина ест конфету!

Учительница велела Саше в наказание встать и стоять до конца урока. Саша стояла, а Света Копейкина смеялась и злорадствовала.

Саша рассказывала об этом очень удрученно. И с удивлением.

* * *

Когда тетя Аня хворает (это случается редко), мы готовим на обед сосиски. И Галя, и Саша очень их любят. Любят тем больше, чем реже их едят. И вот Галя говорит:

— При коммунизме можно будет есть сколько угодно сосисок.

Саша не согласилась:

— Разве коммунизм в этом заключается? Это уже не коммунизм, а едунизм!

* * *

Саша читает «Дети горчичного рая»[39]. Плачет-заливается.

— Эта книжка лучше «Хижины дяди Тома», — говорит она. — Хотя та книжка тоже про негров.

10 февраля 50.

Восьмилетняя племянница Ильи Львовича спрашивает:

— Мама, кто такой Карл Маркс?

Мать объясняет — подробно, толково.

Девочка:

— Подумать только, такой великий человек, а никто о нем ничего не знает.

16 Февраля 50.

Саша про дедушку лорда Фаунтлероя:

— Граф Доринкур был хороший человек. Но он был граф, и это его испортило.

8 марта 50.

Галя:

— Ох, мама, мне девочки поручили написать учительнице поздравление с Женским днем, а я не могу: опять — поздравляем, желаем, обещаем…

Саша:

— А ты пиши от души, тогда хорошо получится.

Галя:

— У меня душа неразговорчивая.

Саша:

— Как называть меня дурой, так она у тебя разговорчивая? Почему так: на ругань душа разговорчивая, а на хорошие слова — молчаливая?

22 марта 50.

Саша:

— У меня очень хорошее расположение духа. Только бы меня никто не обидел.

25 марта 50.

Галя:

— Собак боится, темноты боится — какой же это мальчик?

Она же:

— Мне этот мальчик не нравится потому, что он развит не по летам.

1 апреля 50 — день рождения Корнея Ивановича!

2 апреля 50.

— Саша, ты что задумалась?

— Так…

— Ну все-таки… О чем ты думаешь?

— Про коммунизм.

— Что же ты думаешь про коммунизм?

— Я думаю, как хорошо всем будет. Будет много атома и все станут жить по 300–400 лет. И будут летать на звезды. Вот ты полетишь на какую-нибудь красивую звезду и будешь там пить чай со своими знакомыми…

7 апреля 50.

Саша рассказывает Гале сказку собственного сочинения: «… Бабы — так они называли женщин».

* * *

Саша:

— Мама, скажи мне что-нибудь ласковое!

Я:

— Мое сердце полно нежности к тебе, о дочь моя!

Саша, поморщившись:

— Я не люблю, когда говорят такие длинные слова. Скажи просто: «Я тебя люблю!»

* * *

Шура (мне):

— Ты что, хочешь со мной поссориться?

Саша:

— Вовсе нет! Разве ты не видишь: у мамы очень дружелюбное лицо.

8 апреля 50.

В задачнике есть параграф: «Составить задачу о том, как брат подарил трем своим сестрам поровну картинок».

Саша составила такую задачу: жили-были три сестры, и они ухитрились сделать так, что рождение у них у всех было в один день. И вот, готовятся они к своему дню рождения, хлопочут. А их брат думает: «Что бы такое им подарить?» Смотрит, у него над кроватью висят картины — целых шесть. «Дай, думает, подарю им эти картины». И досталось каждой сестре по 2 картины, потому что, если 6:3, то получится 2.

16 апреля 50.

Я:

— Саша, с едой баловаться нельзя!

Саша:

— Так же, как и с любовью?

У меня такой ошеломленный вид, что Саша находит нужным пояснить:

— Я это на плакате прочитала. Там написано: «С любовью не шутят».

3 мая 50.

Саша:

— В первый день коммунизма, наверное, будет большая толкучка в магазинах!

14 мая 50.

Саша, увидев на улице мальчика лет десяти:

— Эй, ты, нас скоро соединят!

Мечтает о совместном обучении. Утверждает, что мальчики гораздо лучше девочек.

Май 1950 г. Первый класс. Саша — наверху справа, единственная в черном переднике. Галя Людмирская в первом ряду в середине, с книгой в руках. Прямо перед Сашей, самая правая в своем ряду, — Света Копейкина. В самой середине первая Сашина учительница Александра Ильинична Воскресенская.

5 августа 50. Ильинское.

Саша:

— Мама, тетя Аня говорит, что самое главное для человека — хороший желудок. Если у человека желудок работает хорошо, ему и работать хочется, и гулять, и настроение у него хорошее. А плохо работает желудок — и человеку на все наплевать. Разве это верно?

— Нет, неверно, — отвечаю я и произношу длинную речь на тему о том, что счастье не в желудке.

Слушая, Саша одобрительно кивает головой, а под конец говорит:

— Я тоже так думаю. Я потому тебя спрашиваю и все тебе рассказываю, что, мне кажется, тетя Аня внушает мне неправильные мысли.

Такая забота о чистоте своего мировоззрения очень меня утешает.

* * *

У Саши с Таней Урбанович есть нелепая игра:

— Что ты выбираешь: все лампы на свете или все ленты на свете? Все игрушки или все платья? Все книги или все велосипеды?

Играют подолгу, не утомляясь бессмыслицей. И вот я слышу:

— Всех пап на свете или всех мам?

Саша:

— Конечно, всех мам!

Позднее спрашиваю:

— Почему ты выбрала всех мам?

— Видишь ли… Бывает, отцы бросают своих детей, уходят из дому. А мамы никогда не уходят, правда ведь?

* * *

Саша — страшная трусиха. Для того чтобы уговорить ее спрыгнуть с невысокого барьера, потребовалось полтора часа. Уговаривала вся дача. Стыдили, укоряли, помогали, взывали к самолюбию, ставили в пример Таню, которая прыгнула с балкона. Саша пыхтела, краснела, обиженно надувала губы и… не решалась.

— Подумай, как папа будет доволен, когда увидит, как ты прыгаешь! — сказала тетя Люся.

Тут Саша оживилась:

— У него будет разрыв сердца, когда он увидит это! — ответила она.

Но в конце концов прыгнула. И сразу уверовала в себя. И стала прыгать без передышки. Но мне очень неприятно вспоминать об этих полутора часах. Что-то тут не так.

1 сентября 50 Саша отметила в точности так же, как и в минувшем году: вернулась из школы с ангиной. Канальство!

14 сентября 50.

Шура, из соседней комнаты, жалобным басом:

— Фрида, Саша меня передразнивает…

* * *

Саша:

— Мама, ты не красивая, но симпатичная…

Еще в прошлом году она считала, что я красивее всех на свете.

23 сентября 50.

Саша:

— Как годы летят!.. (Задумчиво.)

5 октября 50.

Сашу выбрали звеньевой октябрятской звездочки. Она не знает, куда деваться от гордости. Сообщает об этом всем гостям и по телефону малознакомым людям.

10 октября.

На Сашу напал стихотворный стих. Сочиняет она обычно на ходу, на улице. Направление в общем сатирическое:

Папа Шура —
Папа наш.
Вот берет он карандаш.
И пишет он поэму
Про нервную систему.

Или:

Мама Соня
Сквозь зубы уронит
На еврейском языке:
«Чтоб пропасть тебе в реке!»
Ножкой топ:
«Мишугине коп!»[40]

Мама Соня обиделась и не скрыла этого. Тогда Саша закричала:

— Мама, мама, не обижайся, я твои хорошие стороны тоже опишу.

* * *

Саша:

— Мама, какую отметку ты поставишь за такие стихи:

Я сижу, сижу одинокая,
Моя жизнь вся прошла, жизнь далекая…

— Видишь ли, если сравнить их с пушкинскими стихами…

— Ну что ты! Я понимаю: если сравнивать с пушкинскими, так это даже не единица. Ну а если не сравнивать?

— Все равно двойка…

Саша, со вздохом:

— Ты думаешь? Ну что ж, буду стараться дальше!

* * *

Мы были у Кены. Ее родители приехали с юга и привезли виноград. Чтоб не испортился, развесили его на прочной нитке. Саша поглядела-поглядела и сказала:

Головой касаясь винограда,
Я хожу по комнате чужой,
Но я этому совсем не рада:
Ведь виноград не мой!

И поспешно добавила:

— Я рада, это просто для рифмы!

12 октября 50.

Саша:

— Не знаю, право, чего хочет от нас наша учительница. В классе гробовая тишина, а она все недовольна и недовольна.

* * *

Мы с Сашей гуляем, я держу ее за руку.

— Пальцы какие тоненькие, — говорю я, — как бы не сломать.

— А ты сломай! Мама, ну, пожалуйста, сломай!

— Ну, что ты! Разве можно! Как же ты будешь без руки? И что скажет папа?

— Папа? А вот: ты придешь и скажешь: «Шура, я сломала Саше руку». А он очень тихо спросит: «Как это случилось?» Ты ответишь: «Саша меня об этом попросила». Тогда папа тихо скажет: «Фрида, мы видимся с тобой последний раз». И

разойдется.

14 октября 50.

Саша:

— Мама, мне хочется написать на кого-нибудь рецензию!

18 октября 50.

Саша:

— Мне учительница сказала, что у меня большой запас слов!

Уж кто-кто, а мы знаем, какой у Саши запас слов. Шура сказал:

Не видел я ослов
С большим запасом слов.

Саша ценит юмор — не обиделась.

20 октября 50.

Саша:

— Мама, нас в классе спросили, что такое социализм? Я сказала: это половина коммунизма.

* * *

Запас слов действительно большой. Болтает с утра до вечера без передышки.

7 ноября 50. Галино письмо:

«Мамочка!

Оставляю мой и Сашин табель в ящике моего стола, разница, конечно, большая. Но честное слово, я все эти отметки во 2-й четверти исправлю. Сейчас я иду выступать в детский сад, а потом на Сретенку. Поздравляю с праздником. Не огорчайся. Галя».

11 ноября 50.

Саша:

— Мама, у нас сегодня в школе была делегация и два негра — один шоколадный, а другой синенький.

23 ноября 50.

Саша:

— Мама, я сделала вывод, что у нашего папы характер

добродушный.

6 декабря 50.

Саша:

— Дядя Фима[41] такой хороший, что его можно уже считать *негостем.*

Саша с Е. Г. Эткиндом («дядей Фимой»).

25 февраля 51.

Фима:

— Больше всех я люблю Пушкина. Потом Чехова и Толстого…

Саша:

— А Маршака?

* * *

Саша:

— Мама, по-моему Джамбул и Исаковский пишут одинаково. И тот и другой пишет про цветы и вождей.

11 апреля 51.

Саша:

— Мама, расстояние измеряется метрами и километрами, вес

— граммами и килограммами… А любовь, чем измеряется любовь?

20 апреля 51.

Саша раза по четыре наново переписывает торжественное обещание. Готовится в пионеры. Галя читает устав комсомола.

25 апреля 51.

Саша нынче должна давать торжественное обещание. Но у нее насморк.

— Не пойдешь в школу! — говорит Шура.

— Как?! — Дом оглашается страшным воплем. Саша обливает нас слезами и причитает: — Как не пойду? А торжественное обещание?!

— Дашь осенью, ничего страшного, — спокойно возражает Шура.

— Все девочки — нынче, а я осенью?! — Новые рыдания и стенания.

Я иду в школу, разузнать, как и что. К счастью, все будет происходить не сегодня, а 27 апреля.

27 апреля 51.

Саша — пионерка.

15 мая 51.

Галя вступила в комсомол.

* * *

Саша:

— Мама, что это такое — «обобщать»?

— Обобщать? Гм… Обобщать — это делать выводы.

Ночью прихожу, застаю от Саши записку: «Мама, ты хотела зайти к Кене в 12. Но Кена звонила, что в 12 она в театре. Обобщение: приходи в одиннадцать».

* * *

Саша:

— Мама, давай я останусь жить на Сретенке у мамы Сони и папы Абы.

— Ты что, Саша, совсем меня разлюбила?

— Мама, ну что ты. Разлюбить можно, если влюбишься. А если любишь — разлюбить нельзя.

* * *

Папа Аба:

— Что это у вас какой плохой замок? Обокрадут вас, смотрите!

Саша, с укоризной:

— Папа, в Советской стране — воры?!

* * *

Сашина учительница сказала:

— Сейчас вы будете писать сочинение о Первомайской демонстрации.

Саша:

— А если я не была?

— Саша! — сказала Ольга Адольфовна. — Ты говоришь неправду. Все дети были на демонстрации. Была и ты. Садись и вместе со всеми пиши сочинение: «Как я ходила на Первомайскую демонстрацию».

Саша послушно села и написала так: «Утро было солнечное. Трудящиеся стройными рядами шли на демонстрацию. В голубом небе был слышен рокот самолетов. Люди несли плакаты, лозунги, портреты. Всем было весело и радостно. Я шла с мамой и держала флажок».

28 августа 51.

Летом мы были в Песках. Я жучила Сашу с утра до вечера: по утрам она делала зарядку, обливалась холодной водой и училась плавать. Долго трусила, но все же под вопли дяди Сени («Буду презирать! Перестану учить! Ненавижу трусов!») — научилась. Очень горда этим.

29 августа 51.

Галя:

— Послушай, мама, тут написано: «Этот халат — куртизанке впору». Кто такая куртизанка?

Саша, не дав мне вымолвить ни слова:

— Куртизанка — это такая плохая женщина… Все время танцует… Жеманная…

* * *

Летом к нам ненадолго привозили Ниночку. Осенью ей уже идти в школу. Она хорошо читает и пишет печатными буквами. Я все думала, как сказать Саше, чтоб она не говорила с Ниночкой о ее родителях, но Саша сама сказала мне:

— Мама, ты не думай, я понимаю, что Ниночку ни о чем спрашивать не надо.

* * *

Ниночка сидит у Гали на коленях, прислонясь головой к ее плечу. Саша ходит неподалеку, вздыхает: то ли ей самой хочется поближе к Ниночке, то ли ей досадно, что не она на коленях у Гали.

— Саша, — говорит Галя, — давай возьмем Ниночку в сестры!

* * *

Ниночка никогда не заговаривает о родителях. И вдруг спрашивает меня:

— Тетя Фрида, вы моей маме подруга?

— Да, Ниночка.

— Вы по ней скучаете?

— Очень.

И больше ни слова.

* * *

Ниночка сидит на крыльце, о чем-то думает, напевает потихоньку:

На окошке на девичьем
Всё горел огонек…

В лесу она спросила Галю:

— Галя, большие не скажут, а вот ты скажи: скоро моя мама приедет?

* * *

Ниночка простудилась, ночью со слезами сквозь сон звала: «Бабушка! Бабушка!»

Саша спустила с кровати босые ноги:

— Я, когда мне плохо, кричу «Мама!»

Саша, Ниночка Серман, Галя. Начало 1950-х.

Записи Ф. А. между 29 августа 1951 года и 22 июня 1952 года не были обнаружены ни в 1965 году, когда дневники передавались Лидии Чуковской для подготовки к печати, ни когда-либо позже. Теперь уже невозможно установить, вела Ф. А. свои записи в этот период или нет.

Гале 15 лет 3 месяца, Саше 10 лет 1 месяц.

22 июня 1952. Пески, Поселок художников.

Саша:

— Тетя Наташа, почему вы зовете папу «Александр Борисович», а он вас просто «Наташа»?

— Не знаю, Саша. Так уж получилось с самого начала.

— Значит, он вас называет без взаимности?

* * *

Наташа:

— У Саши трагическое мировоззрение.

Саша, мне, шопотом и тараща глаза:

— Это значит пессимистика.

* * *

Саша:

— Мама, я чуть не заблудилась. Иду, собираю колокольчики, думаю о коммунизме, а на дорогу не смотрю. И вдруг вижу: заблудилась.

* * *

Саша:

— Все, кто говорят неправду, попадут в ад.

Она же, гадая на ромашке, спрашивает:

— Мама, что лучше: «насмехается» или «к черту пошлет»?

— А зачем ты гадаешь? Разве ты не знаешь, кто тебя любит, а кто нет?

— Что ты, мама! Мне только про тебя не надо гадать. Про папу, например, уже надо. Я совсем не уверена, что он меня любит. Он вчера кричал на меня и не взял в гости.

* * *

Зимой Саша ходила в семью Червинских, играла с шестилетней Наташей, испытала на себе уничтожающе-презрительное отношение 14-летнего Шурика, который, что бы ни делали Саша с Наташей — все жестоко осмеивал.

Однажды, я привела туда Сашу и Галю. Шурик преобразился, был мил, любезен, весь вечер играл с девочками.

В следующее воскресенье Саша снова пошла туда, на этот раз без Гали. Вернувшись, она рассказала:

— Шурик выскочил мне навстречу такой веселый, потом нахмурился и сказал:

— А где же Галя?

Я сказала:

— Она пошла на каток.

Шурик сказал:

— Значит, променяла телевизор на каток — так, так…

Потом он позвал нас с Наташей гулять и учил меня кататься на лыжах. И был весь день очень добрый. А когда я уходила, он сказал:

— Непременно приходи к нам *всей семьей*.

* * *

Я:

— Саша, я пойду в сад. Можешь придти ко мне.

Саша, хмуро:

— Именно «можешь» или ты хочешь, чтобы я пришла?

Я, устало:

— Хочу, хочу…

Саша: — Я этого не чувствую.

Немного погодя, уж после того, как я углубилась в работу:

— Может, тебе неприятно, что я здесь?

Недаром Наташа зовет ее занудой № 1.

(Когда я работаю, Саша сидит рядом — читает, или строит дома из шашек и плиток домино).

1 августа 52.

Саша, целуя меня перед сном:

— Пожалуйста, *будь*!

7 августа 52.

— Мама, у плохих людей кровь черная или красная?

— Красная.

— Как жалко. А то бы как хорошо было бы узнавать, какой человек — плохой или хороший? У тебя бы, конечно, была красная кровь, а у меня, — добавляет она скромно, — наверное, розовая.

10 августа 52.

Галя:

— Нет такого органа «душа».

Саша:

— Органа, может, и нет, а душа есть. Твои мысли — это душа, твоя доброта — душа, твой ум — тоже твоя душа.

12 августа 52.

Саша захворала. Лежит и все время размышляет вслух:

— Мама, почему мужчины никогда не пудрятся, не красятся и не стараются быть красивее, чем они есть на самом деле, а женщины стараются?

Мама, какой ужас: Галя говорит, что мы продаем Корее оружие, не отдаем, а продаем — неужели это может быть? Мама, когда у нас будет дача, мы не станем продавать клубнику, а будем раздавать ее даром, правда? Сколько кому надо, столько пускай и берет.

13 августа 52.

Температура высокая. Болит горло. Не жалуется. Все толкует мне: «Ты устала. Приляг. Отдохни».

Снова возвратилась к разговору о волшебной палочке. Прежде она говорила:

— Я сделаю так, чтобы настал коммунизм.

А теперь говорит:

— Я не буду загадывать, чтоб сразу наступил коммунизм, коммунизм лучше делать самим. Но я облегчу дело. Я загадаю, чтоб все люди были очень хорошие, а тогда коммунизм наступит очень скоро. Только вот чего я боюсь: а вдруг волшебная палочка старая, древняя, и по ней хорошие люди — это всякие цари и короли? Вот чего я боюсь.

Я сделаю так, чтобы все трехэтажные дома стали высотными, чтоб города стали зеленые, чтоб коровы давали в день по 300 ведер молока. *Вот теперь, когда я всем помогла*, я примусь за нашу семью. Я хочу, чтобы у нас было 15 комнат…

— Зачем так много?

— Всем по рабочему кабинету, столовая, гостиная, чтоб там жили гости — дядя Фима, например. Это уже 8 комнат. Так. А спать мы все будем в одной комнате. Пускай у каждого занавески и ночной столик, но все вместе. Я боюсь спать в отдельной комнате.

Да, пожалуй, десяти комнат достаточно…

Под конец я загадаю, чтоб у меня была еще одна волшебная палочка, чтоб можно было загадывать спокойно, без оглядки, сколько хочешь.

* * *

Боится спать в отдельной комнате, а, между тем, когда заболела Ляля и я ушла к ней ночевать, Саша осталась на всей нижней половине дачи одна.

Аграфена Филатьевна предложила перебраться к ней, но Саша отказалась. Она одержима мыслью о силе воли. Хочет ее в себе воспитывать. Поэтому прыгает спиной с верхней ступеньки крыльца, с обрыва на речке и т. д. С помощью этой же мысли научилась плавать.

19 августа 52.

Мы читаем с Сашей «Князя Серебряного».

Саша:

— Мне жалко Вяземского.

— ?!! Да что ты, Саша? Он народ мучил, грабил, кровь лил, как воду.

— Так ведь это, чтобы заглушить любовь.

* * *

— Мама, — говорит Саша, — вот что я прочитала в книжке: когда композитор Гюго…

— Такого нет.

— А какой есть вроде Гюго?

— Гуно, может быть?

— Вот, вот. Когда композитор Гуно был очень молодой, он говорил: «Только я!» Став постарше, он говорил: «Я и Моцарт». Лет тридцати он стал говорить: «Моцарт и я», а в старости сказал: «Только Моцарт!» А Моцарт, мамочка, это великий композитор, мы даже его песенку разучивали в школе: «О май, приди скорей!».

21 августа 52.

Саша:

— Мама, в каменном веке люди умели целоваться?

— Наверное, умели.

— Как хорошо!

Наташа:

— Почему хорошо?

Саша:

— Им приятнее было жить на свете.

25 августа 52.

Читаем вслух «Князя Серебряного». Мы с Наташей шьем, Саша читает. Подумать только: ей по-прежнему жаль Вяземского!

Оправдание всё то же: «Ведь это из-за любви!».

— Мама, если даже по-советскому рассуждать, все равно князь Серебряный хороший человек — правдивый. А Годунов мне нравится такой, как у Толстого, а не такой, как у Пушкина. А тебе?

* * *

— Мама, Игорь Михайлович — дворянин?

— С чего ты взяла?

— А как же! Ведь он — как Д'Артаньян: Д'Яконов.

27 августа 52.

— Вот еще, мама, какое у меня есть желание для волшебной палочки: чтоб глаза у меня стали синие, а губы красные-красные, как накрашенные, но только чтобы все понимали, что они ненакрашенные. А выражение глаз чтоб осталось прежнее, чтоб все понимали: это я, а не другая девочка.

* * *

Она как бедная Эльза:

— Мама, если у тебя будет еще один ребеночек, я окажусь средней дочерью, а в книгах средние дочери всегда самые плохие. Как же быть?

— Мама, когда у меня будут дети, ты будешь любить их больше, чем меня, говорят, внуков любят больше, чем детей, так говорит папа Аба. Как же быть? Что же ты не отвечаешь?

— У нас есть еще время подумать обо всем этом.

— Тогда уж поздно будет думать…

* * *

— Мама, мне иногда так тоскливо бывает.

— Почему?

— Потому что не коммунизм. Потому, что еще довольно много плохих людей на свете…

Дачная компания: Алеша Симонов, Саша, Таня Урбанович, Галя. Начало 1950-х.

28 августа 52.

Саша осунулась и похудела после болезни:

— Была я как помидор, стала, как огурец…

* * *

Саша:

— Мама, знаешь, что в учебнике сказано про славян? Они были широкоплечи, высоки, светловолосы, голубоглазы и в еде неприхотливы. Получается, что Галя — славянка, только глаза у нее карие, и в еде она, по-моему, прихотлива.

* * *

Галя:

— Мама, можно грушу?

Наташа:

— Возьми пример с Саши и воспитывай волю: тебе хочется, а ты не бери.

Галя:

— Хорошо, я буду воспитывать волю; когда мне очень захочется заниматься, я преодолею свое желание и заниматься не стану.

* * *

Саша:

— Мама, ты могла бы дружить с женщиной, которая красит ресницы?

— Могла бы.

— Ты *могла бы дружить с женщиной, которая красит ресницы*?!!

Я не сказала ей, что уже дружу с такой женщиной.

* * *

Лето у ребят было очень хорошее. Сначала Галя изнывала от скуки и не знала, куда себя девать, и нам всем было от этого очень худо, потому что она с горя обходилась в разговоре с нами довольно скупым набором слов: «Ну и ладно!», «Подумаешь», а на любое замечание отвечала: «Мне скучно».

А потом появилась целая туча ее сверстников — один будущий архитектор, другой — биолог, третий — художник, и еще Алена с Егором.

Купались, играли в лесу в прятки. Вызывали друг друга

условным свистом.

Заслышав свист, Галя сломя голову кидалась к калитке, а Саша бежала за ней, вытаращив в испуге глаза, смертельно боясь, что ее могут не взять. Но ее брали.

Дачный сезон закончился постановкой пьесы «Горе-злосчастье» и концертом («Соло на скрипке — Валерий Елкин»).

Галя играла заморского королевича и была, как говорится, в образе, потому что подавала реплики в своей обычной манере — ворчливо и недовольно: «Хоть вы мне и тесть, а ваша дочь — моя супруга, но я от вас уезжаю: что это такое — денег нет, третий день к обеду вина не подают, и батюшкину шпагу пришлось заложить…»

Роль Горя-злосчастья исполнял двенадцатилетний Егор. На репетициях он терял то горб, то живот, но на спектакле лицом в грязь не ударил.

В душе у Саши бушевала буря: она сама точила зубы на эту роль, но захворала. И кроме того было еще одно непреодолимое препятствие: Горе-злосчастье в первом действии должно сидеть высоко на дереве, а по деревьям Саша лазить не умеет.

— В будущем году научусь, непременно научусь, — повторяет она, как заклинание, и не забывает добавить: — Только бы папа не помешал Папа всегда стоит мне поперек дороги.

«Горе-злосчастье». Участники — слева направо: генерал — Миша Пименов (биолог), солдат — Лева Шепелев (художник), царь Демьян — Валерий Елкин, режиссер — Галя Фрих-Хар, заморский королевич — Галя Кулаковская, царевна Анфиса —

Алена Вальтер, казначей — Саша Миримов-Лентулов (архитектор); на переднем плане: Горе-злосчастье — Егор Вальтер.

5 сентября 52.

У Саши 37,8.

— Мама, при коммунизме никаких справок не будет — всем будут верить на слово. Ведь при коммунизме никто врать не станет, вер но?

— Да, наверное.

— А ты почему так думаешь?

— Ты ведь сама говоришь, что коммунизм будет только тогда, когда все люди станут очень хорошие. А хорошие люди не врут.

— Врут только плохие?

— Да.

— Ой, значит я плохая?

— А ты разве врешь?

— Случается. Когда, например, ты спрашиваешь меня, чищу ли я зубы. Потом знаешь, мама, какое меня сомнение берет? Ты говоришь, что Галя очень правдивая. А я думаю — не такая уж она правдивая.

— Почему ты так думаешь?

— А потому что она часто мне говорит: «Ты врешь!» И как раз тогда, когда я говорю правду.

* * *

Саша:

— Когда я буду учить детей, я *никогда* не буду на них кричать.

* * *

— Тетя Нора — вот это женщина: не пудрится, не красится…

* * *

— Папа, знаешь, какое твое самое любимое выражение?

— Какое же?

— «Ну что ты там так глупо хихикаешь?»

* * *

Я:

— Этой зимой Саше непременно надо купить коньки.

Шура:

— Безусловно.

Саша:

— Папа, ты остришь или говоришь серьезно?

6 сентября 52.

Саша:

— У папы есть еще одно любимое выражение: «Поговори, поговори у меня!». И еще у папы любимое выражение: «Пороть! пороть! пороть!»

7 сентября 52.

Саша:

— Папа, ты умный?

Шура:

— А как же!

Саша:

— Тогда быстро-быстро скажи мне какое-нибудь животное на «а», только не антилопу.

Шура:

— Орангутанг.

Саша:

— Ну, что ты, папа! Как будто я не знаю, что «оранг» начинается с «о»!

Шура:

— Аллигатор!

Саша:

— Ух ты!!!

* * *

Саша:

— Мам, как жалко, что я не была большой во время войны.

— А что бы ты тогда делала?

— У-у-у!

* * *

Саша читает рукопись, присланную мне на рецензию.

— Не нравится, — говорит она.

— Почему?

— А тебе разве нравится?

— Тоже нет. Но я пока не могу объяснить, почему.

— А я могу, — говорит Саша. — Тут много возвышенных слов, которых ты не любишь. И есть еще другие слова — не возвышенные, но противные: «первоклашки», «непроливашки», «малышки».

Когда я была маленькая, мне все рукописи нравились. А теперь не все. Ты мне раз объяснила про одну рукопись, почему она плохая, и я поняла. Когда я была маленькая, мне очень нравилась книга «Уходим завтра в море». Я три раза ее читала и каждый раз она мне нравилась. А теперь прочитала и вижу: плохая книга и писатель нетактичный.

— ?

— Ну как же. Один отец говорит товарищам своего сына: «Очень хорошо, что вы приняли его в свою дружную семью. А то его мамаша очень его избаловала». Разве можно так про мать говорить?

8 сентября 52.

Саша:

— Мама, знаешь в чем ошибка Луизы Олькот?[42] В том, что ни одна из дочерей не похожа ни на мать, ни на отца.

— Характером?

— Нет, лицом. По картинкам вижу: ни одна не похожа.

* * *

Саша:

— Мама, на твою долю выпало большое счастье быть любимой добрым и честным человеком. Посмотри, что пишет насчет этого Луиза Олькот: «Большое счастье быть любимой добрым и честным человеком, и я желала бы этого счастья моим дочерям. Вот каковы мои планы. Но я вовсе не желаю, чтоб мои дочери вышли непременно за богатых людей. Что за семейная жизнь, когда при деньгах нет привязанности между мужем и женой? Деньги хорошая вещь, но только тогда, когда ими разумно и честно распоряжаются, и богатство вовсе не стоит в жизни на первом плане», — до чего верно, правда, мама? Очень хорошая писательница Луиза Олькот.

9 сентября 52.

Саша:

— Мама, Сергей Васильевич так и сказал тете Зое: «Позвольте мне надеяться»? Ах, как хорошо: «Позвольте мне надеяться…» Как в книге… «По-зволь-те мне на-де-ять-ся…»

* * *

Ожидая к обеду Акимова[43], мы заняли столовый сервиз у соседей, потому что наши тарелки выглядят просто постыдно. (Все в трещинах и щербинах). Саша вернулась из школы, окинула стол внимательным оком, вызвала меня в соседнюю комнату и сказала шепотом: «Не беспокойся, я понимаю, что спрашивать, откуда эти тарелки, — нельзя».

3 октября 52.

Саша, видно, решила брать свою самостоятельность с бою. Вчера Аграфена Филатьевна пошла за ней в школу. Приходит — Саши нет. Ищет, мечется — никаких следов.

Оказывается, Саша, накопив предварительно 30 копеек, села на трамвай и поехала на Сретенку — без разрешения и впервые в жизни одна, без взрослых. Что творилось с Шурой, описывать не стану.

Приехав на Сретенку, Саша позвонила домой и светским тоном сообщила, что все благополучно.

Шура не может придумать достойного наказания. Говорит: «Пороть, пожалуй, нельзя, велика. Буду давить на психику».

А за что, в сущности, давить на психику? Ей уже невмоготу ходить с провожатыми, ей хочется быть самостоятельной — вот она и добивается этого, как умеет.

7 октября 52.

Саша:

— Мама, мы шли с Галей Людмирской и разговаривали вот о чем. Если человек умер, а скорая помощь приехала не позже, чем через 5 минут — человека можно оживить. Получается очень хорошо: во-первых, человек может дважды в году праздновать день своего рождения, а во-вторых, его можно расспросить, что он ТАМ видел.

— Надеюсь, что ничего не видел.

— Почему? Ты думаешь, что лучше, чтоб это было, как сон? Человек уснул, и все?

— Да, я так думаю.

— А по-моему, все таки лучше вознестись куда-нибудь туда, — тут Саша подняла глаза к небу, — а, мама?

8 октября 52.

Сегодня нашему папе 38 лет. («Александр Иванович Корейко был в последнем приступе молодости — ему было 38 лет»).

Мы шли с Сашей по улице и раздумывали, что бы подарить Шуре.

— Давай подарим подстаканник, — сказала я.

— Нет, не надо. Он ведь пьет из чашки. А потом — металл хороший проводник тепла, подстаканник будет горячий, и папа станет обжигать руки. А скажи, что дороже — подстаканник или книга?

— Подстаканник, конечно.

— Почему «конечно»? Ведь людям книги гораздо нужнее, чем подстаканники? Ах, наверное, потому они и стоят дешевле — вот без хлеба совсем нельзя — поэтому он самый дешевый. Без книги тоже нельзя — поэтому они тоже дешевые.

Портрет А. Б. Раскина работы Н. П. Акимова. 1940-е годы. Фон картины отсылает к ташкентскому периоду. А. Б. называл этот портрет «Русский на Востоке».

* * *

— Мама, у каждого писателя своя привычка. Вот Диккенс, например, любит забегать вперед. Он пишет: «Она не знала в эту минуту, что много лет спустя…» или: «Прощаясь с ним, я не думал, что в последний раз пожимал его руку, как руку друга…» И еще много. А Каверин, например, любит писать: «Прошло три года», «прошло пять лет».

В общем, своим умом дошла до понимания некоторых особенностей Диккенсовской композиции.

Здорово!

* * *

Саша с величайшим удивлением слушает текст песни из «Свадьбы с приданым».

Я люблю тебя так,
Что не сможешь никак
Ты меня никогда, никогда разлюбить…

Саша, с насмешкой: Из вежливости, что ли?

* * *

Саша:

— Мама, я очень не люблю, когда ты разговариваешь со мной, а думаешь о другом. Помню, когда я была совсем маленькая, я тебя спросила: «Ты любишь немцев?» — и ты ответила: «Да», — и только *когда я закричала от ужаса*, ты объяснила, что отвечала машинально. Я тогда в первый раз узнала, что такое МАШИНАЛЬНО. Так вот, я не люблю, когда ты отвечаешь, а сама думаешь о другом. Пожалуйста, когда говоришь со мной, думай только про меня и больше ни про кого.

15 октября 52.

С Сашей в троллейбусе заговорили по-армянски. Она сказала:

— Я не понимаю вашего языка.

— А разве ты не армяночка?

— Нет, я русская.

— С такими черными глазками — русская?

— Я в том смысле, что *советская*.

29 октября 52.

Саша впервые получила двойку. По географии.

Шура:

— Все потому, что ты ленишься. Потому, что читаешь, вместо того чтобы учить уроки! Запрещаю тебе читать!

— А ты… а ты… разве… никогда… не получал… двоек? — рыдая, спрашивает Саша.

— Никогда! — гремит Шура (немного спустя, он объясняет мне, что двоек действительно не было: все дело в том, что в его школьные годы не ставили двоек, а ставили «неуд»).

Потом Шура уходит, а Саша, плача и рыдая, говорит мне:

— Пожалуйста, поцелуй меня… потихоньку от папы…

* * *

Мы с Шурой смотрели фильм «Господин Фабр». Шуре очень понравилось, как великий ученый кричал: «Дочери Фабра не выходят замуж! Мои дети нужны мне самому!»

13 ноября 52.

Саша снова хворает. Ангина.

14 ноября 52.

Обычно дети, когда у них высокая температура — спят весь день напролет. Саша — не спит. Она рада, что дорвалась до меня, и поэтому размышляет, рассуждает до потери сознания («моего», — добавляет Шура).

Доктора она изумила тем, что подробно расспрашивала:

— А яйцо всмятку мне можно? А сосиски? Рыбу? Жареное мясо?

Доктор привык — если ребенок болен, он есть не хочет.

— Это хорошо, что она у вас не теряет аппетита, несмотря ни на что. Я, знаете ли, в первый раз вижу, чтоб с температурой в 39 хотели жареного мяса.

15 ноября 52.

Саша:

— Мама, обычно в книгах есть незначительные люди и главные. А у Диккенса все главные, все важные.

— Ну, как же — Давид Копперфильд — главнее других.

— Да, конечно, но все-таки такого, как у тебя Трофимов[44], у него нет. Всех его людей прямо до косточки видишь. Даже лавочник, у которого живет Пеготти с Баркисом — и то я про него все могу рассказать. А про Трофимова что расскажешь?

Очень верно: про Трофимова рассказать нечего. Она, видно, хотела сказать, что у Диккенса нет бледных персонажей.

* * *

Саша:

— Мне очень нравится этот доктор. Он сказал: «Не ограничивайте ее в пище».

* * *

Саша:

— Мама, я совсем не думаю о том, что сегодня. А думаю либо про каменный век, либо про коммунизм. Вот какое дело.

* * *

Саша:

— Мама, я теперь всегда слушаюсь, когда ты не велишь читать какую-нибудь книгу. Потому что, когда мне было 6 лет, я стала читать «Давида Копперфильда» и мне не понравилось. А сейчас как понравилось! Я, конечно, не стану читать эту книгу во второй раз, потому что она очень грустная. Но она очень хорошая. И так мне жалко матушку Давида. Хотя она зря вышла замуж за Мордстона, правда?

И вот, когда ты мне сейчас говоришь: «Тебе рано читать эту книгу», я вспоминаю, как я в 6 лет стала читать «Давида». И теперь я всегда тебя слушаюсь.

* * *

— Очень, очень жалко, что матушка Давида вышла замуж за Мордстона. Но с другой стороны, если б она за него не вышла,

Давид не встретился бы с Агнессой и не женился бы на ней.

— А кто тебе больше нравится: Агнесса или Дора?

— Агнесса, конечно, умнее, но Дору больше жалко.

17 ноября 52.

Саша:

— Странный, непонятный человек — Борис Годунов. То бросается между царем и Федором, а то убивает мальчика. Нет, не верю я, чтоб он мог убить мальчика. Не убивал он!

* * *

Саша:

— Сначала у мамы в глазах смешинки. Потом она надувает щеки. А потом — смеется. Я даже придумала:

Щеки сокращаются —
Мама огорчается.
Щеки надуваются —
Мама улыбается.

Папа, папа, посмотри: вот сейчас она засмеется! Видишь, я же сказала!

* * *

Саша:

— Мама! Нет — папа! Нет — оба! Послушайте!

23 ноября 52.

Мама, посмотри, как нехорошо пишет Зощенко: «Например, я знал одну маленькую девочку Лялю, которая считала только до пяти. И то, как она считала? Она говорила: “1, 2, 4, 5”. И “3” пропускала. Разве это счет? Это же прямо смехотворно. Нет, навряд ли такая девочка будет в дальнейшем научным работником. Скорее всего, она будет домашней работницей или младшим дворником с метлой». Нехорошо, да?

— Нехорошо, да. А почему?

— Ну, представь, что я читаю этот рассказ Ольге Леонидовне — она ведь обидится, правда? Нельзя обижать людей. А вообще я Зощенко люблю.

* * *

Сашу выписали на работу, но не велели до 1-го декабря заниматься физкультурой: надо поберечь сердце.

Саша:

— Мама, я боюсь *потерять расположение* учительницы по физкультуре. Она меня любит, а если я не буду заниматься физкультурой — возьмет да и перестанет любить.

— А ты почем знаешь, что она тебя любит?

— Ну, что ты, мама, разве человек не чувствует, когда его любят? (или: человек всегда чувствует, когда его любят, — не помню).

Подумав, добавляет:

— Она зовет меня по имени.

* * *

Саша не знает, что бы уж такое ей придумать:

— Мама, у меня *брови* болят!

* * *

На праздниках у Гали были гости. Маленьких не допускали. Разрешили — на птичьих правах — прийти только Саше. У Саши не хватило духу отказаться, и она была наказана за свое малодушие: ей, как я понимаю, пришлось испить чашу глубокого унижения.

— Понимаешь, мама, они все жаловались на то, какие у них отвратительные младшие братья и сестры. Таня сказала: «Хуже моей Динки нет никого». А Шурик Червинский не согласился: «Ну уж, нет: с моей Наташкой никто не может сравниться». Тогда Таня спросила: «А кто хуже — твоя Наташа или Саша?» И Шурик сказал: «Что ты сравниваешь этого ангела с моей сестрой?» Мне стало так обидно, так обидно, прямо ужас.

— Что же ты обиделась — тебя ведь назвали ангелом?

— Мама, ну как ты не понимаешь, это ведь с насмешкой. Тут я взяла, обиделась и ушла в другую комнату — к папе Абе.

* * *

Была я на родительском собрании у Гали. Англичанка

сказала:

— Галя Кулаковская? Хорошая девочка, с большим чувством ответственности… и с чудовищным почерком…

Преподавательница литературы:

— Галя очень хорошая девочка — вы же сами знаете. Но почерк, почерк, доложу я вам…

25 ноября 52.

Саша, философски:

— Богатство — это одно. А счастье — это совсем, совсем другое!

* * *

Саша, подхалимски:

— Мама, когда ты веселая, ты такая красивая!!!

29 ноября 52.

Саша сидит у меня на коленях. На глазах у нее слезы.

— Саша, ты что?

— Я тебя люблю.

— Зачем же плакать?

— От любви.

— Ну, — говорю я, — я вижу, ты совсем глупая.

Саша молчит некоторое время, а потом спрашивает:

— Ты думаешь, что любить надо весело?

Ноябрь 1952.

Саша:

— Папа, я попросила у одной девочки карандаши, она мне не дала. Потом она у меня попросила, я ей дала. Потом я снова у нее попросила, и она опять мне не дала. Какая же польза от того, что я ей дала?

Шура:

— Польза та, что ты знаешь, что поступила хорошо, и можешь себя уважать.

Длинная пауза.

Саша:

— Вот Таня Урбанович говорит: мне всю жизнь (Тане 11 лет) внушают — плати добром за зло. Я и плачу! Но толку от этого не вижу ни-ка-ко-го!

Помолчав, Саша добавляет:

— Я тоже не вижу.

* * *

Саша, рисуя:

— Можно не иметь таланта, но можно стараться.

* * *

Саша:

— Почему очки делают женщину некрасивой? А мужчины от очков становятся такие внушительные. Разве можно себе представить Валерию Мессалу в очках?

— Это кто же — Валерия?

— Ну, как же: та, что любила Спартака. А Спартака в очках? Нет, нет, тоже нельзя! Смешно-то как, мама, подумай: Спартак — и вдруг в очках!

* * *

Саша:

— Мама, «шедевр» — это хорошо или плохо?

10 декабря 52.

Одному молодому человеку я помогла добыть рукопись на редактуру. Получив гонорар, он примчался к нам сияющий и положил на стол две коробки конфет: — Это вашим девочкам.

— У нас сегодня никто не именинник, — сказала я сердито.

Заикаясь, он что-то бормотал, объясняя, а я в свою очередь постаралась объяснить ему, что у меня нет обыкновения получать комиссионные. Он даже побледнел от негодования и стал почти кричать в ответ, как вдруг Саша подошла к столу, взяла коробки и, обращаясь к нему, сказала: «Большое вам спасибо!»

Я онемела, а молодой человек, вскричав: «И тебе спасибо, Сашенька!» — убежал с такой быстротой, что я даже не успела схватить его за полу.

Потом мы вместе с Шурой накинулись на Сашу и долго топтали ее ногами, а она только отвечала:

— Но ведь он ничего плохого не сделал… Он же так огорчался… Он ведь обиделся бы, если не взять.

* * *

Саша:

— Не могу уснуть, если ты не поцелуешь меня на ночь.

— А ты бабушку попроси — она поцелует.

Саша:

— Это не то!

* * *

На неделю приезжали Калабалины[45]. Когда Саша пришла из школы, я спросила:

— Как ты думаешь, кто это?

Она с минуту переводила глаза с Гали на Семена, а потом, засияв, воскликнула:

— Это Калабалины! Тетя Галя! Дядя Семен! Здравствуйте!!! Дядя Сеня, скажите папе, чтоб он отпускал меня в школу одну!

* * *

Галя рассказывает:

— Сегодня Элла Дроздовская на большой перемене говорит всему классу: «Слушайте, девочки, вот что я хочу вам сказать. Вчера я, Инга и Лиза пошли на каток. У самого катка какой-то мальчишка выхватил у меня коньки, передал другому, тот третьему. Потом коньки достались какому-то маленькому мальчишке, и я побежала за ним. А вся ватага больших парней кинулась за мной. Парень с коньками забежал в проходной двор, я за ним. Потом в какой-то безлюдный переулок — я не отстаю. Но тут меня окружили большие парни и я, ни жива, ни мертва, стукнула одного напильником от коньков — у меня в руках был Ингин напильник. Они расступились, и я побежала обратно к катку — смотрю, ни Инги, ни Лизы — они даже не подождали меня — пошли на каток, хоть и видели, что за мной гналась целая банда. Разве так товарищи поступают?»

Саша:

— Эх, ма! Далеко еще до коммунизма!

Галя:

— Ну, мы этим девчонкам сказали. Они говорят: «Мы растерялись». А я говорю: «Растерялись и пошли на каток?»

В общем, мы дали им жизни! Надолго запомнят!

* * *

Галя:

— Мама, послушай, мы говорим нашему завучу: «Можно, мы вместе с мальчиками организуем фотокружок?» А она отвечает: «Нет, нельзя. Думаете, я не знаю, как фотографируют?» Мы говорим: «Как? Обыкновенно». А она усмехается и говорит: «Да, а проявляют *в темноте*…» Ты подумай только, мама!

Саша:

— Мама, а что она хотела этим сказать?

Лично я думаю, что таких надо убивать. Такая грязная подлюга.

* * *

Галя:

— Мама, я была на лекции о культуре поведения. Нам там сказали, что употреблять такие слова, как «сволочь» ОЧЕНЬ неприлично. Вот Америка!

* * *

Телефонный звонок:

— Можно Галю?

— А кто ее спрашивает?

— *Один знакомый.*

Галя берет трубку:

— Да… Да… Нет… Да… Ну что ж, хорошо. Да… Да…

— Галя, это кто звонил?

— Один мальчик. Его зовут Дима. 8-го я пойду с ним на «Голос Америки» — он пригласил.

— Почему же ты не спросила у меня разрешения?

Галя, широко открыв глаза:

— Мама, ну неужели, неужели бы ты не разрешила?!

* * *

Саша, по какому-то поводу:

— А ОН говорит иначе.

— Кто это «ОН»?

— Алеша.

13 января 53.

Саша очень много думает и говорит о смерти. Просыпаясь ночью: «Мама, я не умру?» Или, ложась спать: «Мамочка, можешь ты мне обещать, что я сегодня не умру? Я очень боюсь умереть».

— Мама, я никак не могу себе представить: был человек — и нет его…

— Мам, я без тебя жить не смогу. Давай умрем вместе.

Я помню: и у меня в детстве так было.

14 января 53.

Сейчас мы с Шурой в поте лица работали на Сашу: я переписывала красивым почерком заметку в стенгазету, а Шура сочинял сатирические стихи. (Саша дала ему список девочек с прегрешениями, указав при этом и свои собственные).

Наблюдая эти наши поступки, Ольга Леонидовна сказала:

— Таких родителей очень по радио пробирают…

16 января 53.

Саша:

— Наташа Шабанова очень обиделась на стихи.

Шура, протирая очки:

— Больше я в этой газете не работаю!

* * *

Саша:

— Мама, я тебя обожаю!!! (с некоторым надрывом).

Я молчу. Тогда Саша легонько толкает меня в бок — что, мол, не отвечаешь?

28 января 53.

Я:

— Саша, Шабанова и Людмирская — дружат?

Саша, подумав:

— Шабанова с Людмирской дружит, а Людмирская с Шабановой — водится.

* * *

Телефонный звонок:

— Можно Галю?

— Ее нет. А кто ее спрашивает?

— Вова.

— Здравствуй, Вова. Что передать Гале?

— Передайте ей, пожалуйста, что у меня есть ЛИШНИЙ билет в театр.

* * *

Саша:

— Мама, страшно подумать, если б я жила в Америке, я была бы плохая и думала бы плохо, неправильно.

— А сейчас ты хорошая?

— Ну! Советская же! А если б я жила там, я была бы за Эйзенхауэра, Трумена — даже дрожь пробирает, как подумаешь!

* * *

Саша:

— Мама, у меня такое желание, чтоб ты мне все время повторяла, что ты меня любишь.

* * *

Когда Саше с Таней было по 8 лет, а Алеше 11, он хорошо, с удовольствием играл с ними: девочки перед ним преклонялись, он ими помыкал, и все были довольны такой расстановкой сил. Теперь Саше с Таней — 10, Алеше 13, и ему с ними скучно. Они несколько раз приглашали его, он обещал прийти — и не приходил.

Саша не вынесла — и послала ему такое письмо:

Знаком был Алеша Симонов с Галей,
Они дружили, друг друга знали.
Нравилась Леше дружба такая:
Ведь Галя старше его, большая.
Знаком был Алеша с Таней и Сашей,
Очень дружили родители наши.[46]
Дружил Алеша и с ними сначала,
Но вот все заметили: он зазнавала.
Сказал Алеша: «Я большой,
А вы в начальной школе!»
Сказал Алеша: «Не желаю
С вами знаться боле!»
А Таня с Сашей отвечали:

«Мы вовсе не в большой печали.
Не хочешь дружить — не надо, пусть,
Мы не впадем ни в какую грусть.
Но ты должен помнить: ты сам был таким.
Ты ведь не сразу родился большим».
Нам зазнавалы не нужны!
Дети задаваться не должны!
Мы дети от года до 15 лет,
И Алеша — не исключенье.
Задаваться никто не должен —
И это стихов заключенье!

* * *

Галя:

— Мама, встань на цыпочки и поцелуй меня в лоб!

* * *

Саша, рыдая:

— Не думай, не думай, пожалуйста, что ты красивая и симпатичная, когда сердишься.

* * *

Саша:

— Папа, в словах «беллетристика» и «белиберда» — корень один?

Папа:

— Как когда.

* * *

Я обращаюсь к Шуре с разными вопросами. Он читает, и ему отвечать неохота. Он говорит: «Фридочка, пойди, займись чем-нибудь общественно полезным…»

Саша, строго:

— Хоть и «Фридочка», а все равно обидно.

4–9 марта 53.

В эти дни Сашу ранило каждое веселое слово, каждая улыбка. Ее поражало, что люди ходят в магазины, варят обед, едят и пьют.

Она спрашивала:

— Как же сейчас будет? Что же мы будем делать?[47]

* * *

Саша:

— Папа, мне надо у тебя кой о чем спросить, только, пожалуйста, не отвечай, что тебе некогда, что у тебя болит голова и что ты уходишь.

24 марта 53.

Саша:

— Ох, и ругала нас учительница! Самыми последними словами: и аристократами и всяко…

25 марта 53.

— Мама, у тебя очень много друзей. Человек 200, наверное. Можешь ты сказать, кто у тебя на первом месте, кто на втором, на третьем?

— Я не могу своих друзей расставлять, как солдат, по росту.

— Ах, а мне так бы хотелось знать, кто сразу после тети Норы идет? И кто самый последний? Ему, наверное, обидно — последнему-то?

* * *

Саша:

— Не хочу, чтоб у нас родился еще один ребенок. Когда я родилась, тебе пришлось делить любовь между мной и Галей, а раньше она вся была Галина. А теперь придется делить между тремя детьми, и всем очень мало достанется.

— Любовь делить не надо, потому что она растет. А потом — с каждым новым ребенком рождается новая любовь.

— Ну, не знаю, — говорит Саша с сомнением. И добавляет: — Не уверена я в этом.

26-го марта праздновали день Галиного *16-летия*.

Среди подарков были две обложки к паспорту.

Галя. Начало 1950-х.

* * *

[13 января 1953 года в «Правде» была опубликована статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Большинство обвиняемых врачей были евреями, и они обвинялись, в частности, в связях с «международной еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”.» В

стране началась чудовищная антисемитская кампания. Шли слухи, что евреев будут выселять из больших городов в Сибирь, и под Москвой уже стоят для этого поезда. В отличие от маленькой Саши, Галя всё это знала и понимала.

***В тетради номер 9, где Ф. А. иногда записывала постфактум что-то, чего она не могла доверить бумаге в сталинские времена, есть запись про разговор с Галей, которую мы ниже приводим.* — А. Р.]**

16 января 53 года у нас с Галкой был такой разговор:

— Мама, — сказала она вечером, уже лежа в постели, — присядь ко мне.

Я присела, она помолчала ещё с минуту, а потом сказала:

— Мне скоро 16 лет, и мне получать паспорт. И вот, я хочу тебе сказать, что я хочу быть той же национальности, что вы с Сашкой.

Я сказала, что это она верно решила. Но какая же у нас с Сашкой национальность? Родились мы в России. Родной наш язык русский. Мы думаем по-русски, я учила русскому языку русских ребятишек, пишу русские книжки. Мы с Сашкой тоже русские, но у нас нет формального права так называться. А у Гали оно есть — папа был русский, поэтому надо будет в паспорте написать «русская».

Галя всё это терпеливо слушала, а потом сказала:

— Я знаю, зачем ты всё это говоришь. Но если я запишусь русской, *я буду чувствовать себя так, как будто я во время газовой атаки схватила единственный противогаз*.

— Знаешь, — сказала я, обомлев от такого сравнения, — утро вечера мудренее. До 26-го марта больше двух месяцев, ещё успеем подумать.

26 марта 53 года Галке исполнилось 16 лет. 4-го апреля оправдали врачей.

— Ну, Галя, — сказала я, — какую национальность ты себе выбрала?

— Теперь вроде бы не стыдно и русской, — ответила Галя вполне равнодушно.

Потом оказалось, что размышлять нечего: ей выдали паспорт, в котором было уже проставлено: русская.

28 марта 53.

Саша:

— Мама, я хочу стать старше Гали.

— Зачем это тебе?

— Я хочу, чтоб она походила в моей шкуре. Я ее буду

несправедливо ругать, а она пускай страдает.

29 марта 53.

Саша:

— Мама, ты знакома с Пантелеевым?

— Нет, незнакома. А что?

— Мне очень надо про него узнать, все ли правда, что он пишет про свою жизнь. Мне он очень нравится, и я хочу, чтоб все счастливое было правда, а несчастливое — неправда.

1 апреля 53.

Саша:

— Мама, папа рассказывал кому-то, что ты оставляешь тете Моте такие записки: «Дорогая Мотя, если можно, то, пожалуйста, сделайте что-нибудь, а если нельзя, то почините Саше рейтузы». Это правда, ты так пишешь?

— Я пишу вежливо, но все же не так бессмысленно. Папа просто шутит.

— И почему это папа не может, чтоб не шутить!

* * *

— Саша, ты пригласишь Галю Людмирскую на день своего рождения?

— Нет.

— Почему?

Саша, очень серьезно:

— Не вольется.

Ответ К. И. Чуковского на Сашино поздравление с днем рождения (1 апреля). Легко видеть, что Корней Иванович ошибся в расчетах: вместо 2013 г. он написал 2025 г.

10 апреля 1953.

Шура, вернувшись с родительского собрания:

— Сначала было общешкольное собрание с докладом о том, как надо воспитывать детей, и я понял, что я очень плохой отец.

Потом было классное родительское собрание, на котором Валентина Николаевна говорила обо всех детях подряд, и я понял, что у меня очень хорошая дочка. Таким образом, я ушел в полном смятении…

Я:

— Подумай сам: если ты плохой отец, а дочка у тебя хорошая, то кто же еще хороший в нашей семье?

Шура, не задумываясь:

— Няня и соседи!..

* * *

Галя:

— Подлецов надо делить на ярковыраженных, на неярковыраженных и на скрытых. Подлецов ярковыраженных и скрытых перевоспитать нельзя, а неярковыраженных — можно. Если им, конечно, не за 40.

* * *

Я:

— Галя, ты будешь еще носить это платье?

Галя, лукаво:

— А кому ты хочешь его отдать?

27 апреля 53.

Саша, осторожно:

— Мама, я не могу найти своего альбома. Ты его подарила кому-нибудь?

* * *

Мы с Сашкой были в Троицко-Сергиевской лавре. Мы любовались веселыми голубыми куполами, видели усыпальницу Годуновых, видели женщину в черной одежде — она шла из Лавры на коленях. Саша была в соборе во время службы, потом мы ходили в музей, где Сашу до глубины души поразили богатые женские одежды — красивый бархат, расшитый жемчугом — и очень красивая старинная посуда.

Потом мы побывали в музее кустарной игрушки («Нет ли у вас еще какой-нибудь такой игрушки, чтобы дернуть за веревочку

и что-нибудь выскочило?»)

Перед самым отъездом мы забежали в столовую, где и закусили консервированной скумбрией.

Назавтра я сказала Сашке:

— Правда, хороший был вчера день?

Саша пылко ответила:

— Очень! Очень! Скумбрия была такая вкусная!!!

3-го июня 53 мы поехали с Сашкой в Киев [*погостить у друзей Фриды Абрамовны — Ирины Михайловны и Льва Вениаминовича Цукерников.* — А. Р.].

Письмо А. Б.

«Милая Ирина Михайловна!

Я знаю Вас только заочно, однако, понимаю, что Фрида, Анна Ивановна[48] и, особенно, Лев Вениаминович, не могут ошибиться все разом. Лев Вениаминович, вообще, произвел на меня очень странное впечатление — я вдруг, сразу почувствовал, что именно ему можно доверить самое дорогое на свете: жену и дочь.

Это доверие я распространяю на Вас. Я умоляю вас лично о следующем:

1) Никаких купаний в реке. Только в ванне. Никаких пароходов, лодок, байдарок.

2) Мороженое в самых минимальных дозах.

3) Газированная вода исключается.

4) Поменьше детей (Саша не болела даже корью).

5) Сквозняки??? Она легко простуживается.

6) Нельзя одной на улицу и во двор.

7) Жирного поменьше, она — толстуха.

Теперь Вам уже понятно, каков я есть человек, и мне остается только напомнить Вам, что у алжирского бея под самым носом шишка.

Пишу Вам в последнюю минуту и прошу извинить некоторую развязность стиля. Это — чисто нервное.

Саша впервые уезжает без меня. Я буду Вам много звонить. Крепитесь! Фрида очень замучена и устала. Для нее большая радость поездка к Вам. А для Саши это просто счастье.

Примите заранее мою благодарность и самые лучшие чувства.

Большой привет Льву Вениаминовичу.

Убитый горем счастливый отец.

А. РАСКИН

В трамвае и троллейбусе Саша тоже нуждается в заботе. Она неуклюжа, бестолкова, ленива и любопытна. Извините. А. Б.»

Сашино письмо:

«6 июня 53.

Изенька и Машенька, здравствуйте!

Что же это вы мне не пишете? Я вот возьму и обижусь.

Пишу я вам из Киева. Сейчас буду рассказывать. Во-первых, как мы ехали в поезде. (Выехали мы 2/VI, а приехали 3/VI). В нашем купе поселились толстый дядя Миша и красивая Елизавета Дмитриевна. О дяде Мише рассказывать я не буду. Я о нем ничего не знаю, кроме того, что он весь день играл в преферанс с каким-то полковником. О Елизавете Дмитриевне я знаю, что у нее приставная коса и накрашенные ресницы. Но простим ей это, так как она хорошая женщина. Я знаю о ней много хорошего.

Папа прислал с нами письмо к Цукерникам. (Это мамины друзья). Мы у них остановились. В нем 7 заповедей. Чтоб я не купалась в Днепре, не ела мороженого и т. д. и т. п. Четвертого мы позвонили папе и я ему сообщила, что мы перевыполняем план. Не целуемся с бешеными собаками.

Киев очень красивый город. Его улицы так же зелены, как и самый лучший уголок Москвы в Парке культуры.

Теперь кратко об удовольствиях.

В первый же день мы ходили на балет, на “Конька Горбунка”. На второй день мы ходили в цирк и зоопарк. В зоопарке шимпанзе плюнул на нас и я каталась на пони. В цирке слоны играли в футбол и всех смешил клоун Середа. Вчера мы фотографировались и катались на фуникулере. Сегодня у нас тихий день. Мы, вероятно, никуда не поедем. Завтра мы едем к Калабалиным[49]. Это будет интересно, об этом я напишу другое письмо.

Ну что же! До свидания, у меня уже рука устала писать.

Целую вас. Саша.

Мама Соня сердилась на маму Фриду за то, что она взяла меня с собой. Она сказала, что я девочка с большим самомнением, а в Киеве я вообще сойду с ума. Согласны ли вы с ней?»

14 июня 53 мы переехали на дачу в Пески.

Детям очень хорошо здесь. Они очень веселятся, но, боясь пресытиться жизнью, веселятся строго по расписанию: один день они играют в пинг-понг, на другой — в волейбол, на третий — крокет — или собирают фиалки в дальней части леса.

Старшие дети поехали на речку на велосипедах. Мы с Сашей идем пешком.

— С ребятами, конечно, очень весело, — говорит Саша, — но

с ребятами как бы весело ни было, всегда ждешь, вдруг сейчас тебя обидят, скажут что-нибудь такое… а с тобой идешь и ничего такого не боишься, не боишься, что ты закричишь или рассердишься. Спокойно так.

— Почему же? Я ведь тоже сержусь иногда?

— Нет, не так обидно…

Лето 1953 г. Пески. Ф. А. с Галей.

29 июня 53 дети праздновали день рождения Валерия Елкина. Галя и Саша вымолили у Шуры согласие написать стихи, посвященные этому торжественному дню.

Он написал, только с тем условием, чтобы автором считалась я. Я согласилась, и на мою долю выпало огромное количество восторгов, похвал и рукоплесканий. Теперь Шура завидует моей славе и горько сожалеет о своей оплошности.

Песковская компания. Первый ряд сверху, слева направо: Лева Шепелев, Валера Елкин; второй ряд: Галя Васильева, Саша Лентулов, Миша Пименов, Галя Кулаковская; третий: Егор и Алена Вальтер; впереди Эдда Гальперина и Саша Раскина.

Дети собрали букеты полевых цветов и целое решето розовых лепестков. Охапки цветов они кидали в ошеломленного именинника, а потом осыпали его лепестками.

А стихи такие:

Стоят березы, сосны, елки,
Летит вперед велосипед.
На нем сидит Валерий Елкин,
Которому 16 лет.
Валерий Елкин ездит крепко,
Он всем и каждому знаком.
На нем надета сверху кепка,
Зато внизу он босиком.
Валерий плавает, как рыбка,
Владеет с детства топором,

И на губах его улыбка
Всегда пронизана добром.
Валерий Елкин не бездельник,
Он занят все 16 лет —
В пинг-понг играет в понедельник,
Во вторник дуется в крокет.
Фиалки собирает в среду,
А после дождичка в четверг
Идет к Лентулову соседу,
Где Чарли всех в испуг поверг.
Кто в пятницу на волейболке?
В субботу кто колол дрова?
Всё это он, Валерий Елкин,
Нет, он не сорная трава!
Стоят березы, сосны, елки,
Летит вперед велосипед.
Привет тебе, Валерий Елкин,
Которому 16 лет!

12 июля 53.

Галя очень груба с Сашей. В лучшем случае, она ее не замечает. А чаще всего попросту пинает ногами.

Когда меня нет и некому поплакаться, Саша изливает свою горечь на бумаге. Нынче я нашла в ее тетрадях листок с такой записью: «Холера, собака, дура, пошла к черту, ненавижу, выскочка несчастная, слишком умная стала, ну тебя с твоими идиотскими вопросами, неряха, лентяйка, кретинка.

Ой, какая же я плохая, наверное! Бедная мама…

— Кто тебе больше всех нравится из собак? Кучум, Дуг, Абрек, Чарли?

— Ты!

Мне все-таки кажется, что Кучума она любит больше, чем меня. Придется все ее ругательства записывать, а потом издать особый справочник для грубиянов».

И подумать только, что речь идет о Гале, всегда такой ласковой и мягкой со всеми своими подругами. Я много раз говорила с ней о Сашке — и все без толку. Мне иногда кажется, что она и впрямь ее не любит.

14 июля 53.

После обеда Саша обычно следит за Галей настороженными глазами. Она ждет Галиного слова, ежеминутно готовая стать самой счастливой девочкой в Песках или провалиться в пучину

отчаяния. Чаще всего Галя уходит, не сказав ничего. Но иногда, о, счастье! — она говорит небрежно:

— Я иду к Леве (Саше, Мише, Алене). Можешь со мной, если хочешь!

«Если хочешь!» Еще бы! Глядя на Галю преданными глазами и позабыв все на свете, Саша бежит за ней.

* * *

Саша:

— Мама, Левина мама поговорила со мной, а потом говорит Марьяне Аристарховне: «Надо, чтобы Лева ее писал, она такая яркая» [*Лева Шепелев учился живописи.* — А. Р.]. Что она хотела сказать?

— Она хотела сказать, что ты очень черная.

— А-а!

30 июля 53.*Из письма Лидии Корнеевны.*

«Галино обращение с Сашей — очень грустно. Как Вы думаете, в чем его истоки, в чем причина? Сашина запись горькая и прелестная — я надеюсь, Вы переписали ее в тетрадку. Не кажется ли Вам, что все это — возраст, возраст и еще раз возраст и что в один прекрасный день Галя проснется такой, какая она и есть в действительности: умной, доброй, а грубость соскочит, как будто ее никогда не бывало?

Ведь для того, чтобы видеть Сашино сияние, нужно быть либо взрослыми — как мы — либо сверстницами, а Галя — ни то, и ни другое.

Кроме того, она ведь очень возбудима, неуравновешенна (возраст и щитовидная железа), и дети кругом должны все время держать ее в возбуждении. Вот она и не владеет ни голосом, ни лексиконом».

1 августа 53.

Саша слышит, как я рассказываю о книге Горчакова «Режиссерские уроки Станиславского». Она слушает, слушает, а потом говорит: — Я теперь понимаю, почему ты говоришь, что это и писателю важно. Ведь писатель играет за того, о ком пишет.

16 августа 53.

На книге, подаренной Валерию Елкину в день рождения, Саша Лентулов написал: «На память о буйных днях молодости, об ожесточенных спорах, о веселых московских вечерах, о твоей

меланхолии — от песковских друзей».

* * *

Подходя вечером к даче, я услышала, что с верхнего балкона несутся пьяные вопли и возгласы: «Я рождена, чтоб повелевать и владычествовать», «Пойдем спать, рыцарь!» и совсем непонятное: «Графиня родом из Китая?»

Это шла репетиция «Двенадцатой ночи», которую дети скромно выбрали для своего прощального вечера.

Как объяснила мне Саша, между двумя режиссерами — Эддой и Сашей Лентуловым идут ожесточенные споры: Эдда за то, чтобы убирать все неприличные слова (Саша: «Она считает, что “ночная сорочка” это тоже неприлично, а уж о “моче ” и говорить нечего»). А Саша Лентулов за то, чтоб их оставлять («Он говорит, что с ними будет гораздо смешнее»).

27 августа 53. Вот и лето кончилось…

Саша:

— Вот было бы у меня две мамы — на одну обижусь, целу́ю вторую. На вторую обижусь — целу́ю первую. А теперь я хоть на тебя и обижена, а целую, потому что у кого же мне искать защиты? Только у тебя, больше не у кого. Понимаешь, ищу защиты У ТЕБЯ ОТ ТЕБЯ.

* * *

Саша много времени проводит с Эддой. Шура называет Эдду «Сашкоотвод».

* * *

Детский спектакль был чудесный, веселый, нарядный.

Всё делали сами — декорации, костюмы. (Действующие лица и исполнители… Постановка Эдварды Гальпериной и Александра Лентулова… Бутафория и реквизит — Галина Кулаковская… Декорации Льва Шепелева…).

1 сентября 1953.

Когда Саша поступила в первый класс, ей очень понравилась девочка Галя Людмирская. Она сказала Гале: — Давай дружить.

Галя ответила: — А я не хочу. Это Сашу очень уязвило. Она затаила в душе некоторое хамство и в прошлом году просила даже дать фамилию «Людмирский» какому-нибудь плохому мальчику в моей книжке. Я ее долго стыдила, но она осталась при своем…

Сегодня Саша, придя домой из школы, долго ходила вокруг меня, а потом сказала: — Почему ты не спрашиваешь, с кем я сижу?

— С кем же?

— С Галей Людмирской!

— Как же это получилось?

— Просто Галя сказала мне: мы с тобой обе рассеянные, давай сядем вместе. Вот мы и сели…

* * *

Саша слушает по радио «Свадьбу с приданым». Идет объяснение в любви: — Трудно, наверное, артистам в театре на людях целоваться — прямо ужас! Хорошо, если они женатые, а если нет?

* * *

Саша, решая задачу:

— Мама, зачем человеку ехать из пункта А в пункт Б? Если бы он ехал из Воронежа в Москву или из Москвы в Ригу, было бы ясно, что он в командировке. А когда пункт А и пункт Б — ничего не понятно и ничего про этого человека нельзя придумать.

5 октября 53.

В редакцию пришло письмо о том, что в университет на истфак не приняты получившие 18 из 20 баллов и зачислены получившие 15!

Написать статью поручили мне.

Я поехала в университет. Там мне выдали папки с личными делами абитуриентов. Вот экзаменационный листок девушки, набравшей 18 баллов из 20. Профессор, принимавший экзамен по истории, нашел нужным отметить ее выдающийся ответ — по специальному предмету у нее пять с плюсом! Но она не принята.

А вот юноша — у него 17 баллов из 20. Он принят. Вот девушка — у нее 13 баллов из 20. Она принята. Какие же это обстоятельства сделали 13 проходным баллом? Отец юноши —

преподаватель университета, девушка — дочь министра.

Я копирую документы, возвращаюсь домой и сажусь за статью.

6 октября 53.

Прочитала статью девочкам.

Галя:

— Мама, а напечатают такую статью? Витя говорит, что если там про министра сельского хозяйства, то ни за что не напечатают.

Я: — Буду стараться, чтоб напечатали.[50]

Саша: — Вот вырасту и буду добиваться, чтоб все было справедливо! Все, всегда справедливо!

7 октября 53.

Я сетую на то, что нет денег.

Саша: — Вот я что тебе, мама, посоветую: возьми у каждого из своих друзей по 20 рублей. 20 рублей ведь можно не отдавать. А у тебя, если сложить все вместе, получится тысяч десять.

С чего она взяла, будто 20 р. можно не отдавать?

* * *

— Мама, у тебя черты лица не отталкивающие, а приталкивающие.

12 октября.

— Папа, почему если мама едет в командировку, то в какую-нибудь Воронежскую область, на село или в Рязань. А ты, если едешь в командировку, так только в большие города — Ригу, Таллин, Ленинград?

* * *

Галя:

— Мама, ну что ж ту статью все не печатают и не печатают? Витя радуется: «Я ж тебе говорил…»

* * *

Галя:

— Мама, ну раз это правда, почему же не печатают? Ведь несправедливо это. Почему вы там в редакции не добиваетесь?

* * *

Галя:

— Мама, ты сказала, что про тетю Руню и дядю Илюшу все выяснится. Давно сказала, когда я еще маленькая была. Сколько уж лет прошло с тех пор…

25 ноября 53.

Саша, хоть и подружилась с Галей Людмирской (мечта четырех лет), однако в школу ходит с отвращением.

— Все плохо, все плохо. И учителя плохие, злые. Одна Елена Кирилловна хорошая — по английскому. А все другие кричат, ругаются. Это только в книжках хорошие школы. Надо, видно, уйти в школу из книжки. В книжную школу. А те школы, что на самом деле, совсем не такие.

Помолчав: — И зачем зря пишут…

25 декабря 53.

Юра и Марина [*соседи.* — А. Р.] разводятся. Саша в смятении:

— Ты подумай, подумай — тетя Марина уехала и забрала Игорька и Киру. Как же дядя Юра один? Разве можно так делать? Я ее не люблю, она злая.

— Но ты ведь знаешь: тетя Марина и дядя Юра плохо жили между собой — ссорились, даже дрались. Зачем им жить вместе?

— Но зачем детей забрала. Зачем?

— Ну как же мать может без детей?

— А отец может? Может?!

Сегодня: — Мама, если вы с папой разойдетесь, я просто умру. А если не умру, то останусь с папой (!). Потому что нельзя, чтоб у тебя было двое детей, а у него — ни одного ребенка. Представь, ты возвращаешься с работы и целуешь своих двоих детей, а он совсем один, и обед для него готовит бабушка Оля. Если б я еще думала, что он женится и родит ребенка, я б ушла с тобой. Но я знаю, что он не женится и у него никто больше не родится.

Немного погодя:

— Ты только не думай, что я его люблю больше. Но я не могу, чтоб он остался один. А у тебя — Галя.

— Саша, мне надоели эти глупые разговоры.

— Нет, я просто так, на всякий случай.

30 декабря 53.

Саша принесла табель: педсовет вынес ей замечание за дисциплину.

— Это что ж такое?

Оказалось, Саша привязала к парте косичку девочки, сидящей впереди. Потом болтала на уроках. Потом на уроке истории все смеялись. Учительница спросила: — Кто смеялся?

Встала одна Саша. (Шура иронически замечает: — Привет маме Фриде. — А что же она должна была делать — сидеть что ли, если спрашивают, кто смеялся?)

Одним словом, грехов набралось очень много, и что делать — неизвестно.

15 января 54.

Сашка была на елке в Кремле. Себя не помнит от восторга. После елки долго стояла у Спасских ворот и вела с часовым программный разговор.

— Скажите, пожалуйста, где тут Спасские ворота? — спросила Сашка.

— Вы у них стоите.

— А где башня с часами?

— Вы под ней стоите. А что?

— Видите ли, за мной должны прийти, и мы условились ждать у Спасских ворот под башней с часами. И вот никого нет.

— А вы пройдите в комендатуру и позвоните домой.

Через минуту у нас раздался звонок. Шура подошел к телефону: — Папа?

— Дочка, откуда ты?

— Я звоню из комендатуры Кремля, — независимо ответила Саша. — Тетя Мотя не пришла, можно, я поеду домой одна?

— Нет, за тобой приедет Галя.

Галка тут же помчалась на Красную площадь, а Саша вернулась к часовому.

— За мной приедет сестра, — сообщила она.

— А сколько ей лет?

— Семнадцать.

— А как зовут?

— Галя.

— Познакомите?

— С удовольствием.

Помолчав, Саша спросила:

— Скажите, машины, которые выезжают из этих ворот — обыкновенные?

— У нас все машины обыкновенные, — сухо ответил часовой.

— А люди в них сидят нормальные?

— У нас все люди нормальные, а которые единицы ненормальные — те на Канатчиковой даче.

— Нет, — обиженно сказала Саша, — я не про то, я хочу узнать — в машинах вожди или не вожди? А если это тайна, то не надо, не говорите.

Видимо, почувствовав, что контакт с часовым утерян, Саша сказала:

— Вот при коллегиальном-то правительстве всех стали в Кремль пускать.

Шура уверяет, что на этих словах часовой позвал разводящего и попросил сменить его.

Но тут прибежала Галка, схватила Сашку и поволокла. На середине площади Сашка воскликнула:

— А познакомить-то?

* * *

Еще Саша была в цирке. Видела канатоходца в блестящей одежде. Канатоходец сверкал в лучах прожектора и балансировал, держа в руках сабли. Мальчик, сидевший рядом с Сашей, воскликнул: — Счастливый, у кого такой отец!

30 января 54.

Завтра день рождения Левы Шепелева. Мы решили подарить ему «Ранний восход» Кассиля и попросили автора сделать на книжке надпись [*Книга Л. Кассиля посвящена Коле Дмитриеву, талантливому молодому художнику, рано погибшему.* — А. Р.].

Лев Абрамович написал так: «Леве Шепелеву, питомцу школы, в стенах которой рос герой этой грустной, в общем, повести. И пусть всегда помнит Лева Шепелев, что палитра, как это заметил Коля Дмитриев, очень похожа даже по форме на пронзенное человеческое сердце».

* * *

С 15-го по 31 декабря я готовила Лапаури и Наташу Конюс к экзаменам в ГИТИС: учила разбирать предложение, рассказывала содержание «Войны и мира» и других художественных произведений («И вот князь Андрей встретил на балу Наташу Ростову и влюбился в нее…»). [*Александр Александрович Лапаури*

и Наталья Георгиевна Конюс — танцоры Большого театра, с которыми у Ф. А. были общие друзья. Это было не репетиторство, а занятия по дружбе. — А. Р.]

Мы занимались ежедневно по 5–6 часов. Галя и Саша очень болели за моих учеников. Галя добывала им учебники, Саша отыскала орфографический словарик — такой маленький, чтоб можно было положить его в карман и подглядывать на экзаменах.

Во время занятий Сашка сидела в соседней комнате и внимательно слушала. Иногда она открывала дверь и, тараща глаза, говорила испуганно:

— Мама, извини, пожалуйста, но ты забыла сказать, что к первому склонению относятся слова мужского рода — мужчина, юноша, дядя, сирота и пьяница.

— Спасибо, Саша. Иди.

Саша уходила, но скоро вновь являлась на помощь: — Мама, ты не сердись, но кроме обстоятельства места, времени и образа действия, есть еще обстоятельство причины. Вот, например…

Всех очень умилял Лапаури, который схватывал быстро и делал какие-то свои обобщения, помогавшие ему уяснить суть дела:

— Ага, я понял: подлежащее — это голова, а сказуемое — шея!

И всех очень огорчала Наташа, до последней минуты путавшая винительный и родительный падежи.

Один только Шура относился к занятиям отрицательно. Однажды Наташа Конюс забежала в двенадцатом часу — закинуть для проверки письменную работу. Шура сухо спросил ее:

— Что, нынче занятия в ночную смену?

После чего уроки были перенесены на Котельническую набережную в высотный дом.

30-го и 31-го декабря Александр Александрович и Наташа сдавали русский и литературу — и сдали на 5! Мы все ликовали. Особенно — Сашка!

19 февраля 54.

Александр Александрович и Наташа устроили банкет. Один тост был — «за нашего старшего товарища, который…» (Я!)

Потом пили «за нашу крестную мать» (Опять я.)

Шура сказал, что следующий тост будет начинаться словами «спасибо, бабуся!»

1 марта 54.

Галя:

— Мама, кто такая Анна Ахматова?

Саша:

— Довольно стыдно про это спрашивать!

Мы все, хором:

— А ты-то сама что знаешь об Анне Ахматовой?

Саша:

— Ну, как же! Я все знаю! Я знаю, что она пишет стихи, и хорошие. Что ее ругали, но несправедливо. И еще знаю, что она живет у Ардовых.

* * *

— Саша, ты что пишешь?

— У меня накопилось много примеров — как писатель пишет, когда хочет показать, что человек плачет, но стесняется.

Вот, посмотри:

«Он извлекает платок и подозрительно долго трет им глаза».

«Он полез в ящик и долго выдвигал и задвигал там что-то. Когда он поднялся, глаза его были красны».

«Он зашел за колонну. Затем он вернулся и, протирая глаза, сказал: «Соринка, понимаете, в глаз попала»».

«Она вынула платок и сказала с досадой: «Ах, до чего же здесь накурено»».

«Мне совершенно нельзя смотреть на солнце, сказала она, вынимая платок».

— Ты что, выписала откуда-нибудь?

— Нет, я просто припомнила. Правда, похоже?

— Похоже!

4 марта 54.

Сашка:

— Ты всех навещаешь, навещаешь, а твоя родная дочь сидит дома одна.

Родная дочь живет сейчас на Сретенке: лечит папу Абу. Домой приходит только проливать чернила.

* * *

Саша:

— Мамочка, только ты не сердись — я должна тебе сказать: если бы ты красилась, я любила бы тебя меньше.

* * *

Саша написала Изе с Машей о елке в Кремле. Но так как она в последнее время сильно вытрющивается, то написала не просто, а в виде репортерского отчета «Елка в Кремле». Изя ответил рецензией на этот отчет.

«ПРАВДА.

Письма читателей.

Недавно мы прочитали в газете корреспонденцию одной молодой и очень редко пишущей журналистки А. Раскиной. Читатели давно ждали яркого и интересного очерка о детской елке в Кремле от этой журналистки, т. к знали по слухам, что она попала-таки на елку в Кремль. И наконец-то долгожданный очерк появился! Наряду с достоинствами очерка, указывающими на бесспорные ростки таланта, следует незамедлительно остановиться на его недостатках, дабы предостеречь молодого начинающего автора.

В очерке слишком много газетного штампа, он дает очень мало нового по сравнению с подобными же сообщениями старых-престарых журналистов. Вызывает удивление, что какая-то черненькая девочка в очках занимается ветчиной и лососиной вместо того, чтобы позабыть о каких бы то ни было буфетах, впервые попав в Кремль. Автор почему-то не выказывает своего отношения к этой любительнице вкусно покушать в любой обстановке. Может быть автор сочувствует этой девочке?!?!

Почему автор нажимает на присутствие в Кремле детей лекальщиков, умалчивая о детях писателей, которые также проникли во дворец? Имеют ли право рядом с благородными детьми лекальщиков соваться в Кремль дети каких-то писателей? Ведь становится неясным, как они туда попали, если их родители не имеют достаточного стажа работы у станка. Надо было указать, что в Кремль попали все дети, которые отлично ведут себя в школе и дома, которые никогда не болтают в классе и, тем более, никогда в жизни не привязывали своим подругам косичек к парте. Почему-то об этом автор умолчал, предпочитая отделаться ссылкой на ткачей и лекальщиков.

В конце письма мы хотим отметить, что очень любим нашу редкую корреспондентку, скучаем по ней и хотели бы с ней повидаться, да километров между нами так много, что никакие телевизоры нам помочь не могут.

Группа учителей с. Бада,

Хилокского района Читинской области.

Спасибо, Сашенька, за письмо. Мы тебя немножко покритиковали за стиль, ты не обижайся, а пиши нам почаще. Мы очень довольны, что ты часто бываешь на Сретенке. Ведь нашим

маме и папе скучно одним. Поцелуй от нас маму Фриду, маму Соню, папу Абу и Галю. Передай большой привет папе Шуре. Целуем тебя крепко. Изя, Маша.»

8 марта 54.

Сашка:

— Мамочка, мы поздравили Елену Кирилловну! Я вышла и сказала по-английски: «Дорогая Елена Кирилловна, поздравляем вас с международным женским днем!»

Она сказала: «Спасибо!» и поцеловала меня в щеку — вот в эту! Я теперь ее не буду мыть! И теперь ты меня в левую щеку не целуй, а только в правую!

* * *

Мы долго рассматривали с Сашей альбом французской живописи. Несколько дней спустя:

— Хорошо бы познакомить того мальчика с той девочкой.

— Какого мальчика, с какой девочкой?

— Того голубого мальчика, который с голубым стариком, — с той девочкой, которая на шаре.[51] Им было бы хорошо вдвоем.

9 марта 54.

Саша: — Мама, я буду делать уроки, а ты на меня иногда поглядывай, ладно?

* * *

Я прощаюсь с Галей на ночь. Саша смотрит страдальчески.

— Не очень-то целуй, — говорит она.

* * *

Я:

— Саша, вы Елену Кирилловну поздравили с 8-м марта. А свою классную руководительницу как же?

— Ох, мама, с ней такая история получилась! Девочки собрали 115 рублей, купили коробку с духами — большая бутылочка и поменьше.

Преподносим, а она: «Это не соответствует моим принципам. Мое убеждение — не брать подарков от детей!» Так и не взяла.

— А как же бутылочки?

— Мы их разыграли в лотерею!

11 марта 54.

Письмо от Изи:

«Последние письма от Гали и Саши настолько хороши, что мы их перечитывали по нескольку раз. Галины письма всегда такие. По ним характер и все нутро девчонки видны со всех сторон. А вот Сашка обычно в письмах «выпендривалась», а вот в последнем написала от всех своих двенадцатилетних чувств и растрогала нас и рассмешила».

Любопытно, чего она там писала?

«Насчет Сашкиного поведения в школе, то, надо сказать, я особого испуга не чувствую. Я вел себя хуже. [*Ого!* — Ф. В.] Эх, ей бы в смешанной школе учиться и к проказам языка добавить нормальных школьных шалостей, невозможных в бабской школе».

Это он прав, пожалуй.

Люблю я его. Что же до его поведения в школе, то он пишет скромно — о поведении этом ходили легенды.

* * *

Галино письмо:

«Вигдоровой Фриде Абрамовне. Вскрыть перед тем, как гости начнут собираться на празднование дня рождения.

Поздравляю дорогую мамочку с днем рождения и желаю, чтобы все твои книги благополучно увидели свет, чтобы твоя старшая дочь окончила школу как можно лучше и поступила в ВУЗ! Желаю, чтобы твою младшую дочь не выгоняли из класса на истории и не ставили двоек по ботанике. Желаю, чтобы друзья тебя любили, не обижали никогда!

Дочь старшая, разумная. 16.III.1954 год. Москва».

18 марта 54.

Саша:

— Мама, кто полезней: корова, лошадь или собака? Я думаю, корова полезнее в смысле еды, лошадь в смысле перевозок, а собака в смысле друга человека.

* * *

Мы с Сашей в литфондовской поликлинике у глазного врача.

После того, как она осмотрела Сашку, прошу посмотреть и мои глаза. В ответ она говорит:

— Придете в следующий раз.

— Но почему же? Может, можно заодно? Приехать еще раз мне будет трудно.

— Тогда переждите очередь, а то я и так много времени на вас потратила.

Мы уходим. На глазах у Саши злые слезы:

— Папе она бы так не ответила! Папу она бы осмотрела!

Чуть погодя:

— Вырасту большая, буду ругаться и спорить, пока не станет справедливо!!

Еще некоторое время спустя, уже дома:

— Нет, нет, папе она бы не отказала. А если б отказала, он бы такое ей сказал! Он бы ушел, он бы, конечно, не остался, но сначала бы он такое поднял! А ты… Ты извини, ты только не сердись, но ты как маленький кролик (тут Саша меня страстно целует, видно, чтоб смягчить «кролика»). Ты так тихо сказала: «Ну что ж, ничего не поделаешь», — и пошла. Нет, папа бы…

21 марта 54.

Больше всего на свете Сашка боится, как бы кто-нибудь кого-нибудь не обидел.

— Папа, почему ты болеешь за Ботвинника? Ведь ты всегда был за молодых? Вот Смыслов — молодой. А Ботвинник уже побыл чемпионом, *другим тоже хочется*. А лучше бы всего была ничья: и Ботвинник остался бы чемпионом, и Смыслову бы не так обидно. Как ты думаешь, папа?

* * *

Саша в кровати. Приходит Женя Пастернак:

— Саша, ты больна? Что с тобой?

Саша мнется:

— Я… я… Доктор говорит, что были нарушения в диете.

* * *

Саша:

— Галя, ты уже пригласила папу Шуру на день своего рождения?

— Нет еще.

— И не приглашай!

— ?!?

— Понимаешь, он того не разрешит есть, этого… Знаешь, как скучно будет…

* * *

Саша:

— Мама Соня любит папу Абу больше, чем тебя, меня, Галю и Изю. Вот! Она говорит, что его спокойствие для нее важнее, чем мы все вместе взятые. Видишь, как некоторые жены любят своих мужей?

— Ты что же, хочешь, чтобы я любила папу больше, чем тебя?

— Да!!!

Первый раз слышу такое — это при ее-то ревнивом характере!

* * *

Саша:

— Мама, если бы пришел вор, ты бы ему сказала: вы забыли, вон там еще одна рубашечка лежит.

— Я вижу, ты меня совсем глупой считаешь!

— Ну, что ты! Ты очень умная, но ты бы так сказала. И еще бы ты сказала: «Извините, у нас все белье непостиранное! Извините, что так получилось!»

Это Шура виноват, что дети считают меня такой юродивой — это он всегда шутит на этот счет.

* * *

— Саша, о чем вы с Таней разговариваете?

— Сначала она мне рассказывает о геометрии, а потом мы говорим о *житейском*…

26 марта 54.

Гале 17!

На дне рождения были только песковцы. Моргалки, шарады, но главное — танцы.

Саша:

— Всё танцуют и танцуют… Я никак не могу понять, что в этом интересного? Егор со мной совершенно согласен, он тоже не

понимает, что в этом интересного.

Шарады были такие: перс-тень, труп-па, о-зеро (без слов!) и еще всякие.

В слове: «труп-па» первый слог изображался так: Егор лежал, закрытый простыней, Женя[52] читал лекцию по анатомии, а Сашка, Алена и я записывали. Во время лекции профессор взял Егора за нос, и покойник с ужасным визгом вскочил и умчался.

Целое заключалось в том, что Женя набирал актерскую труппу.

Егор пришел к нему в качестве фокусника. Играл он очень хорошо и с полным самообладанием бросил, по ходу дела, на пол мою шляпу (Галя из публики взволнованно крикнула: Эй, эй!).

Саша обнаружила незаурядный импровизаторский талант, она очень находчиво отвечала на все Женины вопросы.

Женя:

— Итак, что вы умеете делать?

— Решительно все!

Женя:

— Тогда спойте!

— Дело в том, что я сегодня немного охрипла.

— Тогда станцуйте!

— Видите ли, как раз сегодня я подвернула ногу.

— Гм… Ну, а с техникой вы знакомы?

— Всю жизнь интересовалась техникой!

— Тогда я назначаю вас осветителем.

— А… а это не значит, что я должна буду играть главную роль?

Потом мы с Женей написали рассказ, оставив место для прилагательных. Кажется, без такого рассказа не обходится ни одно рождение. Потом дети вслепую вставляли прилагательные. И получилось вот что:

Свободомыслящее волнение началось с длинноногого утра. Кашляющая именинница проснулась в 5 часов. 7… 9… Не опоздают ли противные гости? Усвоила ли потрясающая Алена, что плохотанцуюший день благородного рождения в ЭТО ветреное воскресенье, а не в будущее? Не забыла ли бессмысленная мама Фрида купить шарообразное шампанское? Хватит ли чокнувшейся ветчины? Удался ли у влюбленной мамы Сони розовый наполеон?

Не решил ли голубоглазый Миша, что Сретенский бульвар находится в лохматом Киеве? Не взял ли он сгоряча цветочный билет на вечерний поезд?

Не обнаружит ли хороший Саша в последнюю меланхолическую минуту, что кривой пиджак его прожжен на

истерической спине деревянным утюгом?

Не придет ли в зеркальную голову кристально-чистого Валеры сказать по причине живописного плохого настроения, будто ему нужно зубрить наэлектризованную науку?

Ах, сколько приятных неожиданностей ожидает голодную именинницу.

(И так далее, и так далее — чем длиннее, тем лучше. Ребят все это почему-то очень смешит).

31 марта 54.

Саша:

— Мама, как плохо жить на свете. Как в школу идти не хочется.

— Ну, потерпи. Осталось немного: апрель, май — и все. А потом поедем в Пески, станем ходить на речку.

— Как все было плохо. А ты поцеловала — и сразу легче.

* * *

— Мама, а теперь про все можно говорить? И про дядю Илюшу и про тетю Руню?

* * *

Саша:

— Мама, ты не можешь мне объяснить — зачем люди живут на свете?

В самом деле…

* * *

Галка:

— Вот кончу я школу и меня не примут в институт. Кто за меня хлопотать станет? Ведь ты не будешь?

— Не буду.

— Ну вот, так я и знала. За Артема — можешь, а за меня — нет. Помолчав:

— Ты не думай, я понимаю. Это я так…

11 июня 54.

Мы снова в Песках. Только Галка еще в Москве — сдает

экзамены на аттестат зрелости.

* * *

Я послала соседу записку:

«Яков Львович!

Мы испекли пирог.

Мы не можем есть его одни.

Мы просим прийти Марию Петровну.

Мы просим прийти Вас.

Мы ждем Вас к 9 ч.»

Саша, которая должна была отнести записку, прочла ее и сказала: — Ты пишешь, как Габрилович или Олеша: «Он икнул. Он рыгнул. Он сказал». [*Саша, конечно же, почерпнула сведения о стиле Е. Габриловича из пародии Александра Архангельского, где показано, как бы Габрилович написал «Капитанскую дочку». Естественно, книги Архангельского стояли на полках в доме, где отец семейства сам был пародистом.* — А. Р.]

* * *

Саша: — Я не люблю стихи.

— ?!

— Веселые стихи редко бывают хорошими, а грустные стихи я не хочу читать. Когда я в первый раз читаю книгу, я читаю все — и печальное, и веселое — ничего не пропускаю, не заглядываю вперед. Но когда я читаю во второй и в третий раз — я все грустное пропускаю и читаю только веселое и хорошее.

22 июня 54.

Вчера был выпускной бал у Галки. В белом платье с белыми лентами в волосах она казалась мне прекрасной. Все девочки до одной были прекрасны, не было ни одной некрасивой или несимпатичной. Очень трудно было не плакать, глядя на Галю.

29 июня 54.

Сегодня мы узнали, что у Гали — серебряная медаль. Ура!

30 июня 54.

Папа Аба самым серьезным образом уверяет, что Сашку надо отвести к врачу-психиатру.

Основания: 1) Когда пришли гости, залезла под стол и

хватала собравшихся за ноги; 2) была поймана на кухне за очень странным занятием: поливала раскаленный утюг холодной водой («мне нравится, как шипит»).

Меня несколько утешил Женя, который написал: «Сашкины странности мне близки очень, и если Вас не пугает эта мрачная параллель, то и я очень люблю брызгать водой на раскаленный утюг, а под стол не лезу лишь из ложной скромности и слабой физической выучки».

Изя же считает, что Сашку следовало бы хорошенько выдрать, и жалеет, что никто в нашей семье не владеет этим важным педагогическим приемом.

2 июля 54.

Прочитав, что я плакала, глядя на Галю в белом платье, Шура теперь разговаривает со мной так:

— Можно, я надену белую рубашку, ты не заплачешь, нет?

— Хотел я постелить себе постель, но там белая простыня и белый пододеяльник, и я боюсь, что заплачу.

* * *

Ждем Илюшу и Руню со дня на день. У нас сейчас Генри с Ниночкой. Ниночке уже 9. Она не видела родителей пять лет. Я так и не могу понять, знает ли она правду. Я слышала, как она сказала соседке: «Мои папа и мама работают на Дальнем Востоке»… Тут она посмотрела на меня с испугом — не добавлю ли я чего?

Ниночка Серман с бабушкой Генриеттой Яковлевной (Генри). 1953 г.

* * *

Шура сказал детям, что если они станут хорошо вести себя, он будет к вечеру писать им по стишку. Они, бедняги, старались вовсю и нынче к вечеру получили такое:

В гости к нам пришла корова.
Все мы любим молоко,
Но прогнали мы сурово
Ту корову далеко.
Кто пришел без приглашенья —
К тем плохое отношенье.

Случай взят из жизни. Тут завелась такая корова, что умеет ловко перекидывать ногу и перелезает таким образом через любой забор. Когда корова перелезла к нам на участок, Шура кричал ей с балкона:

— Брысь!

* * *

Записка Гале, наклеенная на страницу тетради:

«Капрон — чтоб не стала синим чулком,

Перо — чтоб не стала розовым.

Пусть в жизни у Гали все поместится — и черти, и любовь, и книжки, и цветы».

Н. Я. [*Нора Яковлевна Галь.* — А. Р.]

3 июля 54.

Нынче тяжелый день. Я мыла Ниночке голову, и на голове у нее образовался колтун. Чего только мы ни делали: полоскали уксусом, содой, кипяченой водой, но ничего не помогло. Она, бедная, молча стояла, согнувшись в три погибели и терпеливо ждала, когда я кончу. Не только визга (как бы Сашка визжала!) — даже тихого ропота не было. Я чуть не плакала, Лиза причитала, Марья Васильевна говорила «ничего не выйдет», Сашка с Егором помчались отыскивать деревянное масло, а девочка, покорно окунув голову в таз, молчала. Когда стало ясно, что ничем помочь нельзя и чем дальше, тем хуже, она сказала мне со слезами:

— Тетя Фридочка, не огорчайтесь. Даже если остричься… ладно, я не буду плакать.

— Но ведь мама так хотела, чтоб у тебя были косы!

— Вот только поэтому я и плачу.

Потом мы пили чай, Шура рассказывал смешные истории, потом он обещал отвезти Ниночку в Москву к хорошему парикмахеру, который промоет ей волосы, а если придется остричь, острижет красиво.

Я сказала:

— Нина очень хорошо себя вела, Сашке так даже и не снилось.

А Нина сказала:

— Мне хочется всех любить сейчас.

— Значит, ты очень добрая девочка.

— А откуда вы знаете?

— Когда злым людям нехорошо, они хотят, чтоб и всем остальным людям было плохо.

(«А ты-то откуда это знаешь?» — спросил Шура).

Потом я сказала:

— Ниночка, я тебя очень уважаю, ты молодец!

И вот тут ребенок меня сразил:

— Я ОЧЕНЬ ПОЛЬЩЕНА! — ответила Ниночка.

* * *

Егор и Саша старались изо всех сил, бегали за деревянным маслом, приволокли ведро дождевой воды. Узнав, что ничего не помогает, сказали хором:

— Пойдем утешать!

4 июля 54.

Ниночкино письмо братишке в Одессу:

«Дорогой Марик!

Я живу под Москвой на станции Пески. У нас очень хорошая дача. Одна половина наша, другая хозяйкина. Хозяйку зовут Антонина Клементьевна. У нее есть кот Яшка. Он съел птенцов у одной птички, и теперь она все время летает за ним и кричит на него, и клюет его. Он очень красивый и ласковый. Хозяйка его любит и балует. Он ест молоко с клубникой и просит еще; просит он так: кладет лапки на колени хозяйке и жалобно на нее смотрит. Он серый и пушистый. У нас есть малина, клубника, земляника, смородина, крыжовник. Старшая дочка тети Фриды Галя окончила школу с серебряной медалью. А младшая дочь Саша перешла в шестой класс с похвальной грамотой. Она очень красивая, умная и хорошая девочка. У нее черные косы и большие черные глаза, похожие на твои, только у тебя красивее.

Неподалеку от нас живет мальчик Егор. Он очень хороший мальчик. У них на даче очень много всякой живности. У них 4 собаки — Кучум, Жучка, Кузя, Бровка, грач Андрюшка, петух, куры, павлин, корова, собака Абрек, сурок Байбак, заяц-русак, два попугайчика, 20 канареек, сыч, совенок и 6 ульев пчел. У нас есть речка. Меня скоро выучат плавать. А кататься на велосипеде меня научила Саша. Оказалось, что тут живет скрипач. Он дает мне уроки.

Целую всех вас очень крепко. Нинуся».

Ниночка, Галя и Саша. Лето 1954 г.

* * *

Саша:

— Мама, Генриетта Яковлевна говорит, что есть радость, а есть счастье. Медаль, премия — это просто радость. А счастье — это вот что: война кончилась — это счастье. Ребенок родился — счастье. Свадьба — тоже счастье — твоя или твоих детей. Если друг в беде, а ты ему помог — счастье. Изобрел что-нибудь на радость людям, ну, на пользу — счастье. И еще счастье, если

близкий человек пропал без вести, а потом вернулся. А все остальное — просто радость. И еще надо различать неприятность и горе. Вот люди часто говорят: — ах, какое несчастье, какое горе! — а на самом деле не горе совсем, а просто неприятность. Горе — это если умер, кого любишь. И еще измена. И все..

Гм…

6 июля 54.

Когда Галя заполняла анкету для поступления в институт, она в графе «семейное положение» порывалась написать «дочь».

* * *

Ниночка (мечтательно): — Какая Галя была красавица в белом платье!

Егор, горячо:

— Она и так красавица!

* * *

Косы Ниночке пришлось остричь — беда какая, постоянный мне укор.

8 июля 54.

Ниночка:

— Не хотела бы я быть на месте Язона…

12 июля 54.

Саша:

— Мама, ну как же они называются — эти люди… Ну, которые все скупают, а потом продают… Ну, как же их… ах, да, СКУПЕЛЯНТЫ!

* * *

Саша:

— Мама погрязла в работе.

Я:

— Погрязают в чем-нибудь плохом. Вот например… Ниночка:

— Погряз в разврате!

Мы все хором:

— У-у-у-о-о-о!!!

13 июля 54.

Саша, Ниночке:

— Я слышала, что в партии был левый наклон и правый наклон.

* * *

Саша (Егору):

— В каждом человеке есть хотя бы на протон всяких качеств — плохих и хороших. Ты знаешь, что такое протон — такая мелкая, мелкая единица меры. Так вот, в каждом человеке есть хоть на протон злобы…

Егор:

— Во мне злобы нет даже на протон.

Саша:

— А к фашистам?

Егор:

— А мне они ничего плохого не сделали.

Саша, побагровев:

— Как тебе не стыдно, что ты говоришь такое! Они убили и замучили тысячи людей! Какое — тысячи — миллионы!!!

Егор:

— Чего я не видел, того я не знаю! И чего я не видел, тому я не верю!

Саша:

— Ты веришь, что есть Франция?

Егор:

— Верю.

Саша:

— Но ведь ты ее не видел?

Егор:

— Я ее видел на карте.

Саша:

— А про фашистов ты читал в книгах.

Егор:

— Нет, я не читал ни одной книги о фашистах.

Саша, с отчаянием:

— Мама, что он говорит!

Я:

— Знаешь, Егор, тебя надо поместить под стеклянный колпак и надписать: «Вот человек, который не испытывает к фашистам

никакой ненависти» — и в музей. На тебя приходили бы смотреть.

Егор:

— С таким же успехом под этот колпак можно поместить грудного младенца.

Саша:

— Но с грудного младенца другой спрос, чем с человека, которому 13 лет!

Я:

— Ну, ладно, ты не читал. Но вот у девочки, у твоей подруги Гали, которую ты любишь, фашисты убили отца. Уверена, что отцы многих твоих товарищей тоже погибли на фронте — что же, и об этом ты ничего не знаешь?

— Не знаю.

Под конец он отвечал смущенно, но все так же упрямо. Так как Сашка начала на него очень наседать и вопить, я сказала:

— Оставь его в покое. А Егора мы попросим, как только он почувствует ненависть к фашистам, пускай позвонит нам по телефону или даст телеграмму.

Егор несколько поежился, но промолчал.

Саша вечером:

— Мама, может, он смеялся над нами? Но ведь такими вещами шутить стыдно, правда?

День взятия Бастилии! — ***14 июля 54 г.*** — Сегодня у меня родилась племянница ЛЕНОЧКА.

«Племянница Леночка».

15 июля 54.

Послезавтра я встречаю Руню. Илюшу ждем не раньше августа — путь из Магадана не близок.

За что мне такое счастье, что я ее первая увижу? За что мне такое счастье, что я увижу ее встречу с девочкой?

А девочка полна тревоги:

— Бабушка, как мне научиться радоваться? Маленьким радостям я умею радоваться, а вот большим — не умею. Я боюсь, что не сумею как надо обрадоваться маме. И потом я боюсь, вдруг я не полюблю ее так, как Лялю[53] люблю. И потом я боюсь, что она подумает, что я ее забыла. А я и правда забыла…

А Генри пишет сестре: «Когда я открою дверь Илюше, я боюсь, что упаду мертвая к его ногам, и хочу, чтобы ты была при этом».

Все непросто, все трудно, но главное — они возвращаются, они снова будут все вместе!

Я сейчас живу с ощущением: «что такое хорошее у меня случилось?»

* * *

Галя:

— Ниночка, когда пойдем встречать маму, я наряжу тебя, как куколку!

Нина:

— Нет, не как куколку, а как красивую живую девочку!

* * *

Руня побыла пару дней на даче и уехала навстречу Илюше. Ниночка еще у нас побудет.

Нина, Егор и Саша играют на крыльце. Что-то строят из шахмат, кубиков, карт и коробок. Идут друг на друга войной — и спорят, спорят. Саша каждые две минуты вопит: — Нечестно! Несправедливо!

Шура, отчаявшись:

Саша, Нина и Егор!
Уходите в Конев бор![54]

22 июля 54.

Когда Сашка не умела плавать, Шура боялся, что она потонет у этого берега. Теперь, когда она научилась плавать, Шура боится,

как бы она не потонула у того берега.

Покой нам только снится!

23 июля 54.

Саша прочла книгу о Мари Кюри:

— Я кончила эту книгу. Даже устала.

— Хорошая книга?

— Не так книга, как Мари. Больше всего мне нравится в Мари ее гениальность. (!)

И конечно же:

— А кто был гениальнее — Пьер или Мари?

* * *

Оказывается, еще три года назад Егор дал клятву, что не женится раньше тридцати лет.

* * *

Нина:

— Если у нас в классе будет хоть один такой мальчик, как Егор — это будет благодарение Богу!

* * *

Саша очень любит Егора, но не может примириться с его аполитичностью.

30 июля 54.

Галя читает «Страницу любви».

— У, холера! — говорит она про Жанну.

Нина:

— Я считаю, что она просто психическая.

— Нина!!! Ты читала «Страницу любви»?!

— Да. А что?

2 августа 54.

Саша маме Соне и папе Абе:

«Здравствуйте, дорогие папа и мама! Как вы поживаете? Поздравляю вас с внучкой. Говорят, что она очень хорошенькая, беленькая и чистенькая и чудненькая. Я очень хочу ее скорее

увидеть. Правда смешно, что Изя и Машенька — папа и мама!

Мне тут очень хорошо. Я живу припеваючи. Купаюсь, плаваю, играю в крокет, вообще играю с ребятами. Тут очень весело.

Позавчера была вечеринка. Приехал такой Саша Лентулов, вы, наверное, его помните — такой толстый и красивый. Он поступил в архитектурный и по этому поводу устроил вечер и было очень весело.

Целую вас. Привет Бастику, который съел нашу рыбу.

Саша».

* * *

Ниночка — бабушке.

«Дорогая бабушка! У нас тут столько событий случилось за последнее время, и обо всем нужно рассказать. Позавчера приходили в гости родители Миши Пименова, который больше всех кричит и мошенничает на крокете. Юрий Иванович принес шампанское, которое так и не выпили (Юрий Иванович — художник). У него с тетей Фридой разгорелся ужасный спор, сперва об «Оттепели» и о статье Симонова, а потом об Ахматовой, Пастернаке и Фальке. Юрий Иванович ужасно кричал, тетя Фрида чуть не плакала, а мы с Сашей сидели застывшие и так боялись, что они подерутся, что не могли вымолвить слова. Дядя Шура старался успокоить их, но на него все кричали. (Все-таки они не подрались)».

* * *

СПОР
(Ужасное происшествие)
Цвел по дороге подорожник,
Плыл волосатик по реке…[55]
Пришел к писателю художник,
Держа шампанское в руке.
«Жена художника» (картина!)
С ним вместе, как всегда, была,
Отца имея Константина,
Сама Наталией слыла.
«Жена писателя» (новелла!)
Гостей позвала ко столу,
Где кекс, задуманный так смело,
На вкус напоминал золу.

…Остатки сыра и тянучек
Сомнительный ласкали взор,
И гость решил, что будет лучше
Затеять умный разговор.
Затеять не за страх, за совесть;
И, верный своему чутью,
Назвал он Эренбурга повесть
И симоновскую статью.
Вполне освоив темы эти,
Он делал смелые мазки…
Идут часы, трясутся дети,
Притихли мирные Пески…
Хозяйка слышит: — Литработник!
Вы страшной обросли корой!
Не академик! Не герой!
Не мореплаватель! Вы — плотник!
Да, гостю было не до лоску,
Глазами страшно он вращал,
И подарить хозяйке соску
И погремушку обещал.
Туманит взор слезы вуалька
И, жертва бедная судьбы,
Она шепнула имя Фалька…[56]
Тут гость поднялся на дыбы.
Все потонуло в шуме, в гаме,
Рыдает в голос детвора…
Он Фалька потоптал ногами,
Про Эрзю заявил: мура![57]
Он долго бегал по балкону,
Себя не в силах превозмочь,
Подобно дикому дракону
Он фыркал пламенем сквозь ночь…
Хозяин, как военнопленный,
Дрожал, предчувствуя расстрел,
Назвав Наталию Еленой,
Он в страхе на нее смотрел…
Растоптан в доску подорожник,
Нет волосатика в реке…
Шел от писателя художник
Как самолет идет в пике.
……
Любезный Юрий, свет Иваныч!
Вы потеряли килограмм?
Ведь это вредно — спорить на ночь.

Давайте спорить по утрам.
Давайте спорить громко, пылко
И, помните! Вас ждет бутылка!

Дружественный Вам
А. Раскин

Картина Ю. И. Пименова: комната на даче Пименовых в

Песках.

[*Про «Эренбурга повесть» («Оттепель», журнал «Знамя», май 1954 г.) и «симоновскую статью» («Новая повесть Ильи Эренбурга», «Литературная газета», 17 и 20 июля 1954 г.) подробно пишет Б. Сарнов в книге «Сталин и писатели», т. 4.*

Летом 1954 г. споры, подобные тому, что разгорелся между Ф. А. и Ю. И. Пименовым, были характерны для интеллигенции. «Люди оттепели», как называет их Сарнов (имея в виду уже не столько повесть, сколько период нашей истории, которому она дала название), спорили с теми, кто был на стороне обрушившегося на Эренбурга К. Симонова, который защищал от него «наше замечательное советское искусство».

Эренбург выводит в своей повести двух художников: официального благополучного циничного Пухова и нищего, но не продавшего свой талант Сабурова. В образе Сабурова многие видели опального художника Фалька. (Про то, как в начале 1954 г. Ф. А. с подругой ходила в мастерскую к Фальку, см. К. Видре, «В мастерской у Фалька», http://www.vestnik.com/issues/2004/0414/vidre.htm. Автор приводит также запись из блокнота Ф. А. о похоронах Фалька.)

Пименова, одновременно и признанного, и не утерявшего таланта художника, которому творческая манера Фалька была глубоко чужда, раздражала расстановка сил в «Оттепели», где он не мог (и не хотел) идентифицироваться ни с Пуховым, ни с Сабуровым. Он был полностью на стороне Симонова, статью которого Сарнов характеризует как «начальственный окрик». Что касается Ф. А., то она, естественно, была «человеком оттепели» и начальственных окриков не терпела.

Добавлю только, что несмотря на накал этого спора, Ф. А. и Ю. И. врагами не стали, и в 1957 г., когда наша семья переехала в новую квартиру, Ю. И. пришел к нам на новоселье и подарил свою замечательную картину. На ней изображена комната на даче в Песках. На столе стоят знаменитые наши песковские ночные фиалки, за которыми мы ходили далеко в лес. — А. Р.]

3 августа 54.

Егор:

— Саша, давай обещаем друг другу, что постараемся зимой видеться каждое воскресенье.

Саша, с готовностью:

— Давай обещаем!

* * *

Саша:

— Егор, слушай, все-таки очень странно получается в «Земле Санникова»: ведь у них были жены на Большой Земле. Как же они стали выбирать себе новых жен?

Егор, подумав:

— А что же им оставалось делать?

Саша, с негодованием:

— Но ведь это нехорошо! Ведь у них уже были жены! Зачем же новые?

Егор:

— Но ведь те жены были далеко. А там сказано, помнишь: «Без женщин жить скучно».

4 августа 54.

Егор пришел нынче с тщательно подготовленным комплиментом:

— Поздравляю тебя, Ниночка! — сказал он, протягивая ей руки.

— Как? — возмутились мы, — поздравляешь с отъездом?

— Нет, с тем, что ее полюбили Пески — видите, дождик начинается? Это Пески плачут, прощаются.

На вокзале Егор поцеловал Нину в правую щеку, Сашка — в левую, а потом Саша и Егор долго еще бежали за поездом, махали руками и посылали воздушные поцелуи.

5 августа 54.

Саша:

— Егор, а почему ты дал такую клятву, что до 30 лет не женишься?

Егор:

— Видишь ли, мой двоюродный брат Миша очень рано женился, и моя мама сильно огорчалась тогда. И я, чтобы ее утешить, обещал, что женюсь не раньше 30 лет.

Саша:

— Уж лучше б ты поклялся жениться в 25. До 30 очень долго ждать, правда, мама?

8 августа 54.

Егор:

— Саша, перепрыгнула бы ты через класс, мы бы вместе учились. Конечно, я мог бы остаться на второй год и подождать тебя, но это как-то нехорошо. Скажут: второгодник. *И тебе неприятно, и мне.*

* * *

Саша, читая «Тристана и Изольду»[58], шепчет:

— Боже мой! Какой ужас! Ужас какой!

Она же:

— Я не понимаю людей, которые пишут книги с плохим концом. Ведь это же ужас!

Когда я перечитываю «Уленшпигеля», я не читаю про смерть Клааса. Я пропускаю это место. Я читаю, как откармливали монаха, все про гёзов, а про смерть Клааса — нет, не могу. А что же перечитывать в «Тристане»? Там все грустно.

Узнав, что я пишу Александре Яковлевне:

— Спроси у нее, пожалуйста: если Марк был такой хороший, почему он не выслушал Тристана и Изольду? Тогда бы все стало ясно, и он бы понял, что они ни в чем не виноваты.

21 августа 54.

Саша, увидев новорожденную Леночку, задала несколько вполне нелепых вопросов:

1) Есть ли у нее коленки?

2) Не может ли она постепенно превратиться в мальчика?

и т. д.

* * *

Сашка:

— Ах, как приятно, когда начинаешь есть, и как грустно, когда кончаешь…

Шура:

— Обжора ты все-таки!

Саша, обиженно:

— Я обжора, да? Я обжора, да?

Шура:

— Нет, нет, ты — не обжора: ты — отличница еды! ты — ударница еды!

26 августа 54.

Вчера у детей была прощальная вечеринка. Сашка и Егор нарядились цыганками и предсказывали судьбу. Стихотворные предсказания написал Шура. Сочиняя, он приговаривал сквозь зубы:

— Состарили вы меня, состарили!

Я считаю, что он халтурил, но восторг был полный!

Будущему художнику Леве Шепелеву было предсказано:

Молодой человек, уважаемый Лева!
Сын своего папы Шепелева!
Талант твой очень даже великолепен.
Работай, работай, работай, как Репин!
Виден в тебе автор будущей панорамы:
«Иван Грозный не слушается своей мамы».

Тане Народицкой:

Таня, Таня, ты — не плачь!
Таня, Таня! Будешь врач!
Когда кончишь ты учиться,
Мы придем к тебе лечиться!

и т. д.

* * *

— Мама, как ты думаешь, мы с Егором всю жизнь будем

дружить или нет?

Первое сентября 1954 г.

Галя пошла в вуз (физический факультет педагогического института им. Потемкина).

Сашка пошла в 6-й класс.

— Хорошие мальчики у нас в классе? — спросила она Галю Людмирскую, которая вернулась с дачи раньше нас и поэтому более осведомлена.

— Самые *ерундовые*, — ответила Галя.

* * *

Сашка:

— Мама, я хочу не со школой пойти на сельскохозяйственную выставку, а с тобой: чтоб вместе удивляться и радоваться вместе.

* * *

Сашино письмо в «Пионерскую правду»:

«Дорогая редакция!

Я хочу с вами посоветоваться. Один мальчик из нашего 6[а] класса сказал моей подруге Гале: «жидовка». Мы с Галей сказали ему, что он фашист. И что так говорил Гитлер. Но он ответил: «Вас евреев надо бить. И вообще всех евреев нужно посадить в тюрьму или выгнать из города». Он утверждает, что все так говорят. Еще он сказал, что Берия был еврей. Вообще он считает, что все хорошие люди — русские, а все плохие — евреи. Нам с Галей на это наплевать. Мы не оскорбляемся, не обижаемся, мы его просто презираем. Но зачем же ему вырастать фашистом? Кому он такой нужен? Что же делать? Как с ним разговаривать? Как действовать дальше? Вот об этом-то я и хочу вас спросить. И я, и Галя, и этот мальчик — пионеры. До свидания. Очень прошу вас мне ответить.

Саша Раскина».

Из редакции ответили:

«Дорогая Саша, не волнуйся: этот мальчик не может вырасти фашистом — ведь он живет в нашей Советской стране. С уважением, и т. д.»

4 октября 54.

Мы с Сашей спросили у Бориса Дорошенко — согласился бы

он первым полететь на луну?

Он ответил горячо: — Ну, конечно! Как можно спрашивать?! Это было бы такое счастье!!!

Саша:

— А я бы побоялась. В мировом пространстве, без мамы — бр-р…

* * *

Саша:

— Досталась бы мне плохая мама — вот был бы номер!!!

* * *

— Мама, ну до чего же хорошо, что ты не красишься! Ну до чего же хорошо!

* * *

Галя сейчас живет на Сретенке. Когда она приходит, Саша не спускает с нее влюбленных глаз. Уходя, Галя удостоивает Сашу поцелуя, чего тоже прежде никогда не бывало. Вот уж поистине — врозь скучно…

* * *

Сашка начала и не закончила письмо Изе:

«Ты говорил, если дернут за косу, нужно стукнуть. Но ведь я сижу на первой парте, а перед партой стол — а за столом учительница. Если дернут, то я не могу стукнуть, потому что заметит Валентина Николаевна, и пожаловаться не могу, скажут — ябеда. Что же мне, так и терпеть все время?»

Нынче один парень стукнул ее по очкам — едва не разбил. Эх, ма.

* * *

— Если б не Галя Людмирская, я хотела бы перейти в другую школу.

8 октября — Шуре 40 (сорок) лет.

Носи, наш милый, рубашки
От мамы, Гали и Сашки.

9 октября 54.

Галя написала в факультетскую стенную газету такую заметку:

«На днях я шла с одной девушкой из нашей группы. Не помню, о чем шла речь, но она вдруг сказала: “Не люблю евреев, они все такие предатели!”

К стыду своему должна сказать, что я так опешила, что даже ничего не возразила ей. Но забыть об этом разговоре я не могу. Ведь девушка эта комсомолка и будущая учительница.

Мой отец (да и не только мой) погиб на фронте. Он был русский, и он отдал жизнь за то, чтобы все люди дружили между собой без различия национальностей.

Неужели же наши отцы погибали в борьбе с фашизмом для того, чтобы мы носили в себе его бациллу?

Я не называю имени этой девушки. Ведь дело не в том, чтобы объявить ей выговор, а в том, чтобы она задумалась над своими словами, над своими мыслями, над тем, как она будет растить и воспитывать детей».

Заметку не напечатали.

5 ноября 54.

Саша:

— Нечестно все-таки поступают писатели! Сначала говорят:

учитесь, для вас главное — учиться, а на фронте без вас обойдутся. А когда кто-нибудь из ребят убежит на фронт, его потом и хвалят, и прославляют, и говорят: «… он иначе поступить не мог!» Нечестно, все-таки.

* * *

Саша, мне:

— Ах, ты моя Забава Путятишна!!!

* * *

Саша:

— Удивительная ты, мама: каждый день умываешься до пояса

холодной водой, хоть никто не заставляет! По своей воле! Чудная ты!

* * *

Саша:

— Если бы у меня был дар гипноза, — ох, я бы и злоупотребляла!

— А что бы ты делала?

— Не выучила бы урока, стала бы глядеть на учителя и внушать: не спрашивай! не спрашивай! А если выучу: спроси! спроси!

* * *

Саша:

— Мама, почему тетя Ира так сказала про Вову: «они мне могут мальчишку сломать» — почему это сломать? Как это?

— Ну, если бы наказали несправедливо — могли бы сломать, ну, понимаешь — обидно бы ему было, горько.

— И я могу сломаться? Нет, я не могу. Вот мне плохо, вот мне страшно — а ты подойдешь, поцелуешь — и все сразу пройдет. Нет, я не могу сломаться.

24 февраля 55.

Саша:

— Мама, я разочаровалась в Ошанине.

— ?

— По радио передавали его песню, велели выучить. Вот послушай:

Дела колхозные —
Дела серьезные.
Поля зеленые,
Нужны ученые
И инженеры нам нужны.
Привет тебе,
О, Родина, привет!

26 февраля 55.

Галка сдала первую сессию.

Аналитическая геометрия — 4.

Физика — 5.
Математический анализ — 4.
Слова всё какие!

* * *

Галя пошла в поход — на 10 дней.
Вместо того, чтоб дышать — смеется.
— Мама! Я ватник купила — на свою стипендию!

12 июня.
Сашка уехала в Ленинград к бабушке Вале. Перешла в 7-й класс.

29 июня 55.
Саша, возвратившись из Ленинграда: — Мама, тебя тетя Нина Дьяконова любит — ну, дальше некуда. А ты ее?
— Я тоже.
— Ну вот, я рада, а то я не люблю, когда один любит, а другой в ответ — нет.
Помолчав:
— А есть такие вещи, которые ты ей рассказываешь, а мне — нет?
— Есть.
С обидой:
— Почему?!
— Потому, что тебе еще не всё по зубам.
— С тех пор, как я чищу зубы — мне всё по зубам!!!

* * *

Запись из дневника Наташи Долининой[59]:
«Прошел дождь. Окно открыто, и стало холодно. Костя его закрывает. Юрка сквозь слезы:
— Открой! Открой, папа, ведь пахнет!
Костя:
— Что пахнет?
Юра:
— Пахнет! Улица пахнет!
Костя:
— Чем, сын?
Юра:

— Какой-то брюквой!»
Хорошо как!

8 июля 55 г.
Мы в Риге.
Галка скоро приедет. Она в подмосковном походе.

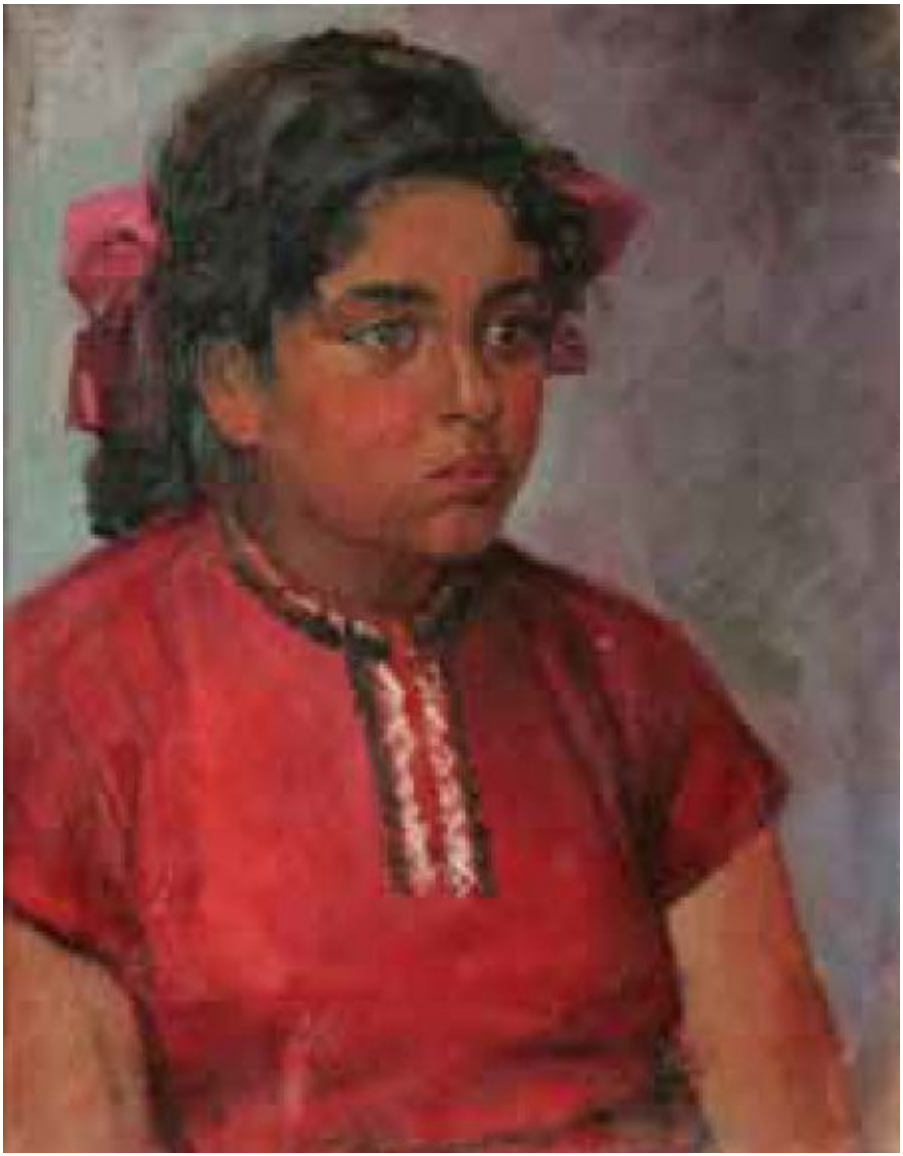
12 июля 55.
Марина Адамян (20 лет):
— Саша, у тебя красивая сестра?
Саша:
— По-моему, красивая.
Марина:
— А как люди говорят?
Саша:
— Люди говорят по-разному.
Молчание.
Марина:
— У твоей сестры много поклонников?
Саша, сухо:
— У моей сестры много *товарищей*.
Чуть погодя:
— А что лучше — товарищи или поклонники?
Марина:
— Как когда!

* * *

Саша:
— Мама, по-моему, в моей голове уже все понятия правильные, и испортить меня уже нельзя.

* * *

Саша:
— Мама, ты — веточка, а мы с Галей на тебе листочки.
— Что-то непохоже.
— Галя непохожа, потому что она уже сама по себе. А я — похожа.



Саша: портрет работы П. А. Валюса. Дубулты, лето 1955 г.

Галя в туристическом походе. Лето 1955 г.

Послесловие Александры Раскиной

На самом деле дневники эти ни в каких особенных пояснениях или дополнениях не нуждаются: они самодостаточны. Да и не много можно сказать в журнальном послесловии. Но что-то сказать попробую.

Поговорю чуть-чуть о том, как мама справлялась с моей «советскостью» вплоть до 1953 года. Лидия Корнеевна Чуковская рассказывала мне, что ее моя правоверность прямо-таки ужасала, и она однажды спросила у мамы: «Фрида, когда вы рассчитываете разбить Саше голову?» А мама ответила: «Не надо будет разбивать: она сама всё поймет». Откуда эта уверенность? Расскажу такой случай. Однажды в 4-м классе (конец 1952 г.) прихожу я из школы и говорю: «Мама, нам велели сделать доклад о великой дружбе». В этот день на уроке учительница велела нам привести пример великой дружбы. Нина С. встала и сказала: «Саленко и Яснопольская» — были у нас в классе такие две девочки. Ну что говорить — учительница эту Нину бедную чуть не убила. Так что дело это было явно серьезное, и я не хотела ударить в грязь лицом.

Выбор для доклада был такой: Ленин и Сталин, или Маркс и Энгельс, или Герцен и Огарев. Я говорю маме: «Я хочу взять Ленина и Сталина». Мама говорит: «Давай лучше возьмем Герцена и Огарева. Я тебе помогу». Я говорю: «А что, Ленин и Сталин не дружили?» Мама нашлась: «Знаешь, — говорит, — у них была очень большая разница в возрасте». Я этот разговор помню, как сейчас. Видно, что я была совершенно готова к тому, что в школе нам сказали неправильно. А мама знает, как правильно. Видимо, мама это про меня понимала.

И, пожалуй, вот о чем еще скажу. Из дневников видно, что папа за меня всё время волновался и, будь его воля, вообще бы никуда меня не пускал. А что же мама? А мама возражала папе и настаивала на своем, если речь шла о действительно важных вещах. Например, папа хотел отдать меня в школу с восьми лет, а мама настояла, чтоб с семи. Подумать только, что я могла бы пойти в школу в восемь лет и не подружилась бы с Галей Людмирской!

Или вот такой случай. Когда мне было 11 лет, у нас в классе умерла девочка. Очень хорошая девочка, Рита Лазарева. У нее была какая-то врожденная болезнь, с которой тогда не умели бороться. Она была обречена.

Мы должны были пойти на похороны в крематорий всем классом. Папа ни за что не хотел меня пускать. А мама сказала:

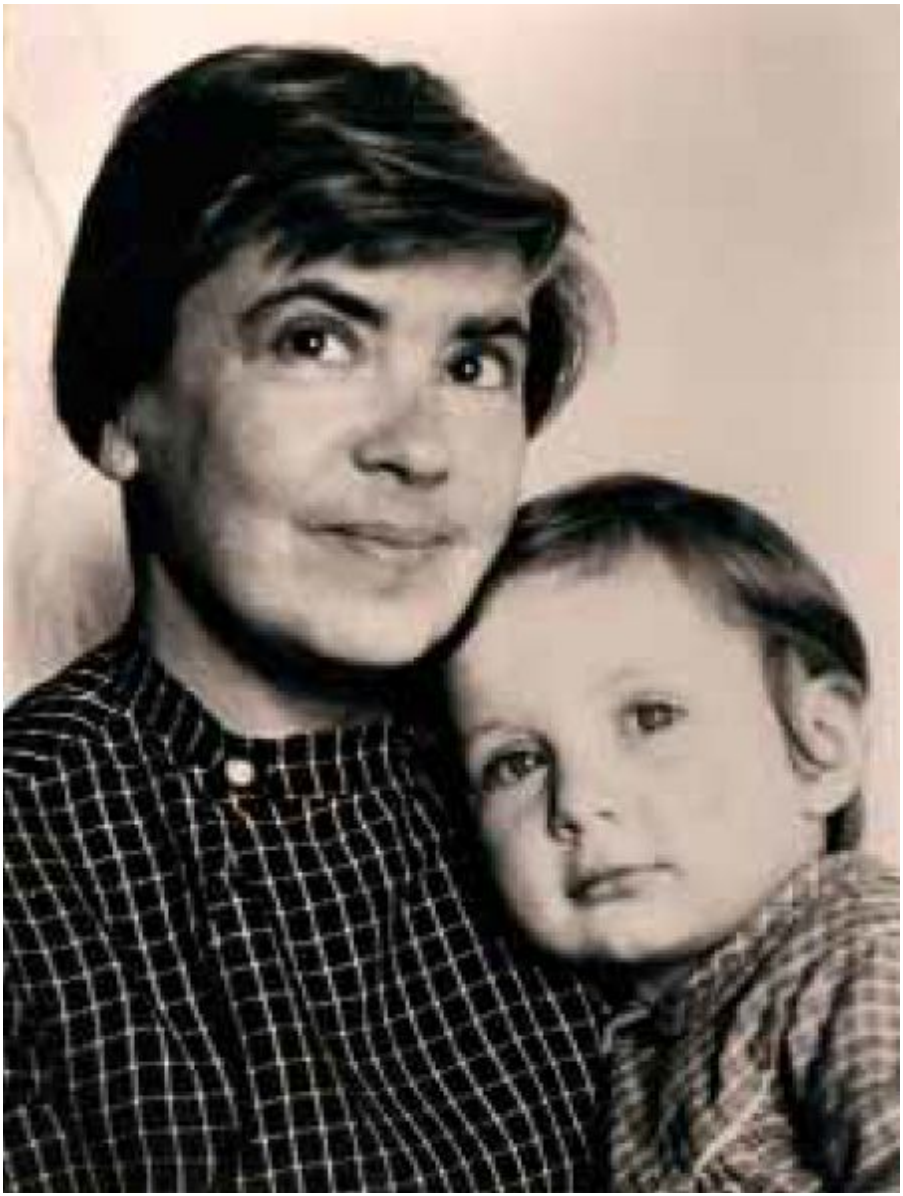
«Нет, надо пойти». Честно говоря, я и сама не рвалась. Я боялась. Никому не говорила, но боялась. Мама, наверно, это поняла. Она сказала: «Я пойду с тобой». И пошла. И всё время держала меня за руку. Заиграла музыка. Мама шепнула мне: «Это колыбельная Моцарта». Страшно не было. Было только очень-очень грустно.

Вот только об этих двух вещах, о которых никто, кроме меня не знает, я и хотела рассказать. Была бы жива моя сестра Галя Кулаковская (Киселева), она бы, наверное, тоже могла рассказать что-то важное, что осталось за кадром, — но Гали нет.

Теперь, в нескольких словах, как сложилась жизнь нашей семьи в последующие годы.

В 1957 г. мы из нашей ужасной коммунальной квартиры в Ермолаевском переулке переехали в кооперативную квартиру у метро «Аэропорт». В 1959 г. Галя окончила институт и стала преподавать физику в школе, а я поступила на вечернее отделение филфака МГУ и работала лаборантом в лаборатории машинного перевода. Мы с Галей получали одинаковую зарплату: 740 рублей («старыми» деньгами). С первой зарплаты мы с Галей, скинувшись, купили маме первую в ее жизни пишущую машинку — «Колибри». В 1964 г. мама послала ее Бродскому в деревню, где он отбывал ссылку.

В 1961 г. Галя вышла замуж за Толю Киселева, а в 1962 г. у них родилась дочка Наталья. Первая внучка наших родителей (и единственная, которую застала мама). Что мама будет замечательной бабушкой, никто и не сомневался. Но оказалось, что и папа теперь волнуется, главным образом, за внучку. «Саша, — сказал он мне как-то, — у тебя нет ли температуры? Смотри, не зарази Наталью!» Папа очень Наталью любил и написал о ней книжку стихов для детей под названием «Ребенок Наталья». Книжку целиком ему издать не удалось, но какие-то из стихов были напечатаны, в частности, в журнале «Семья и школа».



Ф. А. с внучкой Наташей. 1963 г.

В 1962 г. вышла замуж и я — за Сашу Вентцеля. И так нам с Галей повезло, что родители любили обоих наших мужей.

Это всё были счастливые годы. У родителей выходили книжки; статьи мамины, хоть и нелегко проходили в печать, и чем-то, бывало, приходилось жертвовать, — но всё-таки публиковались. Постоянно мама кому-то помогала, кого-то

защищала, и — непонятно, как это ей удавалось — всегда добивалась своего. Но вот наступил 1964 год. Суд над Иосифом Бродским. Обвинительный приговор: ссылка на 5 лет в деревню в Архангельской области. И что бы мама ни делала, кого бы к делу ни подключала, куда бы ни писала, кому бы ни посылала свою запись суда — всё упиралось в какую-то стену.

Осенью 1964 года мама заболела. Неизлечимо. И до последнего дня она мучилась тем, что не может помочь Иосифу. 7 августа 1965 г. мама умерла. Бродского освободили в сентябре.

Папа после смерти мамы впал в депрессию и очень долго из нее выбирался. С трудом возвращался в работу. В конце концов к работе вернулся, но почти никуда не выходил. Он пережил маму всего на 6 лет.

Мамин любимый брат Изя умер в январе 1968 года. Наша бабушка, «мама Соня», умерла в октябре того же года, пережив обоих детей. Дедушка, «папа Аба», был счастливее: он умер в 1960 г.

А в 1974 году, 7 января погибла Галя. Она поехала на зимние каникулы со своим девятым классом на Западную Украину, в город Коломыю. Перед самым возвращением в Москву у кого-то из ребят заболел живот. В общем-то ничего особенного, но Галя вызвала скорую помощь, а сама побежала в аптеку. Через дорогу. Эта самая «скорая помощь» неожиданно выехала из-за стоящего у тротуара грузовика и сбила Галю. Прошло уже больше 35 лет, но ее ученики до сих пор приходят к ней на могилу.

Мама, папа, Изя, дедушка, бабушка, Галя — их давно уже нет в живых, но на страницах этих дневников они все живы и до поры до времени счастливы.

…И я бесконечно благодарна покойному Петру Ильичу Гелазония, который не только предложил мне напечатать мамины дневники в этом замечательном журнале, но и на протяжении многих месяцев был для меня таким редактором, о котором можно только мечтать.

notes

Примечания

1

С детским садом газеты «Правда».

2

Зоя Александровна Беркенгейм — школьная подруга Фриды Абрамовны.

3

См. К. Чуковский «От двух до пяти». Девочка говорит: «Я вся такая духлая, я такая пахлая!»

4

В первое время по приезде в Ташкент Галя жила отдельно от матери, у бабушки и дедушки на Паркентской улице.

5

В Фергану Ф. А. послали в командировку от газеты. По дороге ее, беременную (!), столкнули с поезда. К счастью, и она, и ребенок остались невредимы.

6

Галя называла родителей Ф. А. не дедушка и бабушка, а папа Аба и мама Соня.

7

«Что я видел» Бориса Житкова.

8

К этому времени Галиного папы уже не было в живых, но родные еще об этом не знали.

9

Фрида Абрамовна ездила в командировку в село Покровское собирать материал для работы над книгой «Двенадцать отважных» (в соавторстве с Т. А. Печерниковой) о подпольной организации подростков на оккупированной территории.

10

Исаак Абрамович Вигдоров начал войну младшим лейтенантом, а окончил ее в звании майора. Из Военно-Воздушной Академии имени Н. Е. Жуковского он выпущен был в 1941 году инженером Военно-Воздушных сил, но решил стать штурманом и летать в составе боевого экипажа. Прошел боевой путь от Сталинграда до Кенигсберга, участвовал в освобождении Крыма. Сделал 122 боевых вылета, был награжден шестью орденами и десятью медалями.

11

Кена Иосифовна Сондак, в замужестве Видре — младшая подруга Ф. А., литератор. Начиная с восьмидесятых годов К. И. Видре опубликовала несколько мемуарных статей о Ф. А.

12

Нора Яковлевна Галь, ближайшая подруга Ф. А. — еще по институту, филолог, впоследствии известная переводчица.

13

Николай Павлович Акимов, ленинградский театральный режиссёр. Ставил пьесу А. Раскина и М. Слободского «Звезда экрана», по которой авторами был написан сценарий вышедшего впоследствии фильма «Весна».

14

Анна Ивановна Тихомирова — учительница, преподававшая в той московской школе (№ 14), где девочкой училась Ф. А. Вигдорова. Дружба, завязавшаяся между учительницей и ученицей, сохранилась до последнего дня жизни Фриды Абрамовны.

15

В октябре 1945 г. семья переехала со «Сретенки» (на самом деле квартира была на Сретенском бульваре) на Ермолаевский переулок, тоже в коммунальную квартиру. Галя осталась до конца учебного года с бабушкой и дедушкой на Сретенке, следующим летом на даче «воссоединилась» с семьей и в новую школу в сентябре 1946 г. пошла уже на Ермолаевском.

16

Писательница Наталья Викторовна Соколова (Типот).

17

Сесилия Джэмисон, «Леди Джэн, или Голубая цапля». Сейчас все эти книги переизданы.

18

Знакомые ещё по Ташкенту и соседи по даче, Берта Львовна с мужем («дядей Борей»), с девочками Леной и Милой (и котом Маркизом!) жили целый год на Ермолаевском у Фриды Абрамовны — в одной из двух комнат, так как во время эвакуации у них отобрали московскую квартиру, и им негде было жить.

19

С художницей Евгенией Владимировной Пастернак, первой женой поэта, и их сыном Евгением Борисовичем Ф. А. познакомилась и подружилась в эвакуации в Ташкенте. Дружба продолжалась и в Москве.

20

Кена Иосифовна была тогда не замужем. «Тетя Ира» — ее близкая подруга.

21

Фаина Григорьевна Вигдорова, двоюродная сестра Ф. А., — часть «сретенской» семьи.

22

В «Комсомольской правде», где тогда работала Ф. А., устраивались так называемые «четверги» — вечера типа «Клуба интересных встреч».

23

Семен Абрамович Гуревич, московский учитель, журналист, друг Ф. А.

24

Так называлось топленое сливочное масло.

25

В «Телефоне» К. Чуковского «газели» рифмуется с «карусели».

26

В этой школе, расположенной в самом центре (Старопименовский переулок), в свое время учились дети Сталина и Молотова. В Галином классе учились дочери Жукова и Громыко, а английский язык преподавала жена члена ЦК, маршала Булганина.

27

Героиня книги Е. Ильиной «Четвертая высота».

28

Сослуживица Ф. А. по «Комсомольской правде», жена художника Бориса Пророкова, Петруша — их сын.

29

В коммунальной квартире на Ермолаевском ванна была страшная, черная, закопченная.

30

Рукопись книги Ф. А. (в соавторстве с Т. А. Печерниковой) о подпольной организации подростков села Покровского во время оккупации.

31

Писательница И. А. Печерникова.

32

Ираклий Луарсабович Андроников.

33

Тот самый «тихий еврей Павел Ильич Лавут» из поэмы Маяковского «Хорошо!».

34

В Ленинграде жила семья очень близких друзей Ф. А. и А. Б.: литературовед Илья Захарович Серман, его жена Руфь Александровна (будущая писательница Руфь Зернова), их дети Ниночка (родилась в 1944 году) и Марик (Бубик) (родился в 1946 году), а также мать И. З. Генриетта Яковлевна (Генри). Все они будут еще не раз упоминаться в дневниках Ф. А.

35

В Ленинграде А. Б. жил в гостинице, а Саша — у Галиной бабушки Валентины Николаевны; «детишки» — соседи по коммунальной квартире.

36

Это было роскошное дореволюционное издание, очень дорогая книга. Ф. А., покупая ее, не знала, что А. Б. уже ее видел и отказался купить.

37

См. примечание к записи от 15 января 48 года.

Изя — Исаак Абрамович Вигдоров, брат Ф. А.

39

Повесть советской писательницы А. Кальмы о негритянских детях Америки сороковых годов двадцатого века.

«Сумасшедший» на языке идиш.

41

Ефим Григорьевич Эткинд, ленинградский литературовед, друг Ф. А. и А. Б. В 1949 году, в разгар борьбы с космополитизмом, был уволен из университета, не мог найти работы в Ленинграде и преподавал в Туле. Семья оставалась в Ленинграде, и он часто ездил туда и обратно, останавливаясь по дороге в Москве «на Ермолаевском».

42

Американская писательница (1832–1888), автор книги «Маленькие женщины».

43

Николай Павлович Акимов, ленинградский театральный режиссер и художник.

44

Из книги Ф. Вигдоровой «Мой класс».

45

Семен Афанасьевич Калабалин — воспитанник А. С. Макаренко, выведенный в «Педагогической поэме» под именем Карабанова. Семен Афанасьевич и жена его, Галина Константиновна, многие годы вместе работали в детских домах. Деятельность С. А. и Г. К. Калабалиных легла в основу трилогии Ф. Вигдоровой: «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка».

46

А. Б. и Ф. А. издавна дружили с мамой Алеши Симонова Евгенией Самойловной Ласкиной, а летом 1950 г., на даче в Ильинке, подружились через нее и с мамой Тани Урбанович Эллой Яковлевной Девирц («тетей Люсей»).

47

5 марта 53 г. умер Сталин.

48

А. И. Тихомирова — школьная учительница и большой друг Ф. А. Именно Анна Ивановна познакомила Ф. А. с Цукерниками.

С. А. Калабалин заведовал в это время детским домом в селе Мотовиловка под Киевом.

50

Статья Ф. Вигдоровой «Почему?» не была напечатана, но Ф. А. добилась, чтобы девушку, набравшую 18 баллов из 20 и чей ответ был признан выдающимся, приняли в университет.

51

Речь идет о двух картинах Пикассо.

52

Из Сашиного письма дяде Изе: «Дядя Женя Пастернак пришел к маме, а попал на Галин день рождения».

53

Сестра Руфи Александровны.

54

Конев бор — станция близ Поселка художников, где семья снимала дачу.

55

В это лето ходили слухи, что в Москве-реке, где купались песковцы, плавает «волосатик» — существо, похожее на волос, которое впивается в человека и может дойти до сердца.

56

Роберт Рафаилович Фальк (1886–1958) — русский художник-авангардист, один из основателей художественного объединения «Бубновый валет». В 1928–1937 гг. жил за границей. В сороковые годы подвергался проработке как «формалист».

57

Эрзя (1876–1959) — русский скульптор, родом из Мордовии (псевдоним Эрзя — по одной из ветвей мордовского народа). В 1927–1950 гг. жил и работал в Аргентине, потом вернулся в Советский Союз. В 1954 г. в Москве была выставка его скульптур.

58

Пьеса для детского театра Александры Яковлевны Бруштейн.

59

Наталья Григорьевна Долинина (1928–1979) — ленинградская учительница и писательница, друг Ф. А.